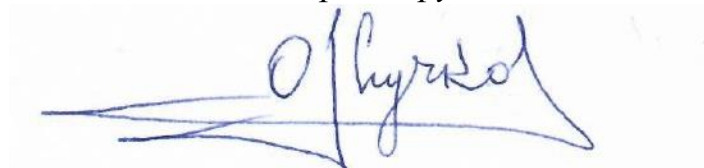

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Сибирский федеральный университет»

На правах рукописи

Пучков Олег Эрнстович

**АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЛАСТИ В
УСЛОВИЯХ СМЕНЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ПАРАДИГМЫ**

Специальность 5.7.7 — социальная и политическая философия.
(философские науки)

Диссертация
на соискание ученой степени кандидата философских наук

Научный руководитель:
доктор философских наук,
профессор И.А. Пфаненштиль

Красноярск – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. ВЛАСТЬ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ РАЗЛИЧНЫХ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ	19
1.1. Аксиологические особенности исследования власти.....	20
1.2. Аксиологические факторы в субъектно-объектной структуре власти.....	47
1.3. Аксиологическая направленность властных механизмов.....	74
Глава 2. ВЛАСТЬ В ЭПОХУ СМЕНЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ПАРАДИГМЫ КАК СИНТЕЗ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ УСТАНОВОК ОБЩЕСТВА	100
2.1. Цена и ценность власти в российском обществе.....	101
2.2. Особенности проявления аксиологических установок во властных механизмах трансформирующихся обществ.....	130
2.3. Аксиологические аспекты совершенствования власти в глобально-региональном мироустройстве	156
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	188
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	194

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Актуальность социально-философского исследования аксиологических аспектов власти в глобальном мире детерминирована комплексом противоречий, отражающих социальные процессы в условиях трансформации сложившихся общественных структур.

Во-первых, проявление глобальных тенденций предполагает синхронизацию властных механизмов, существующих на уровне конкретного социума, и универсальных управленческих структур, формирующихся по мере встраивания общества в глобальный мир.

Во-вторых, формирующееся информационное общество не в состоянии эффективно существовать, используя традиционные властные механизмы, потому что востребует новые субъект-объектные отношения в системе власти.

В-третьих, ценностные установки представителей власти склонны меняться в процессе реформирования властных механизмов, что приводит к необходимости создания новой аксиологической шкалы.

Основные противоречия, возникающие в современном мировом сообществе, во многом обусловлены проблемами, в особенности связанными с трансформацией системы управления и власти. В социальной философии возникла насущная потребность в сравнительном анализе ценностей, которые выступают характеристиками власти на глобальном уровне, и представляют комплекс ценностей регионального уровня властных систем. Кроме того, использование различных теоретических моделей для прогнозирования алгоритма развития человеческой цивилизации во многих исследованиях происходит без должного учета аксиологического фактора, что не позволяет познать принципы формирования властных структур в глобально-региональном мироустройстве. Особенно востребованным становится социально-философский анализ сущности власти с аксиологических позиций с целью необходимой корреляции для оптимизации различных концепций власти. Социально-философский анализ роли аксиологического фактора власти имеет практическое значение для самоутверждения социума, а также

обеспечения его устойчивого развития на длительный исторический период. Исследования, посвященные аксиологическому фактору в системе власти, особо актуализируются востребованностью решения острых вопросов, обусловленных необходимостью сохранения социокультурной идентичности общества в условиях тенденций к нивелированию культурного своеобразия как способа адаптации к новым условиям.

Властные структуры в различные исторические периоды в определенной степени отражали аксиологическую шкалу определенного общества. Власть всегда стремилась к тому, чтобы все социумы в своей жизнедеятельности акцентировали внимание на тех ценностях, которые играют роль, определяющих их специфику. Можно сказать, что стремление сформировать эффективную власть всегда детерминировано инстинктом сохранения любого социума и его выживания в будущем.

Проблема власти периодически обостряется, что обусловлено сменой социокультурной парадигмы. На современном этапе в российском обществе актуализировалась важность исследования процессов, которые детерминированы действиями властных механизмов в периоды социальных кризисов, от которых зависят политические, экономические и социокультурные процессы, а также сохранение идентичности российского общества. Необходимость исследования власти через призму аксиологии во многом обусловлено внедрением новых систем управления, а также расширением диапазона свобод в общественной жизни.

Степень разработанности темы

Вопрос о формировании системы ценностей поднимался в социологии¹, психологии и философии². Социально-философское исследование сущности власти, предпринятое через призму аксиологических установок, в определенной степени затрагивался в трудах многих ученых и практиков, что

¹ Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб.: Питер, 2002.

² Каган М.С. Философская теория ценностей. СПб.: Петрополис, 1997; Тугаринов В.П. Избранные философские произведения. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1988 и др.

во многом обусловлено интегративным характером темы исследования. Кроме того, решение проблем по формированию нового формата власти, которая основывается на устоявшихся аксиологических установках, оказывает существенное влияние на общественную жизнь, поэтому эта тематика представлена в трудах отечественных и зарубежных представителей гуманитарных наук. Более четкое представление о проблемном поле исследования связано с разноплановостью позиций, представленных учеными, исследование трудов которых позволило уточнить тематику и структуру диссертационной работы.

Исследование властных механизмов посредством анализа аксиологических установок носителей власти можно разделить на несколько основных направлений.

Первое направление представляют научные работы, посвященные исследованию философских аспектов феномена власти, от эффективности которой зависит не только развитие отдельных обществ, но и – в отдельные исторические периоды – даже мировых социальных процессов. Среди трудов, оставивших заметный след в социальной философии, в которых освещалась проблема власти, особое место занимают научные работы таких зарубежных ученых, как А. Дж. Тойнби, К. Ясперс, Р. Дж. Коллингвуд, Э. Трельч, Л. Февр, О. Шпенглер, М. Элиаде и другие. Заслуга этих ученых состоит в том, что они не только исследовали проблемы власти и действие управленческих механизмов в различных исторических условиях, но и рассматривали эти процессы на широком социально-историческом фоне.

Особенности власти и ее структурных компонентов, а также их проявления на различных этапах социального прогресса показаны в работах Р. Эванса, А. Буллока, Ж. Деларю, П.Ю. Рахшмира, Д.М. Проэктора.

Ко второму направлению относятся труды, в которых рассматривается особая роль власти на разных этапах человеческой истории. Здесь

затрагиваются ценностные аспекты власти в контексте проблем, с которыми сталкивается данный социум, двигаясь по пути модернизации страны. В этом направлении наблюдается довольно широкий спектр мнений, касающихся субъектов и объектов власти, а также конкретных управленческих механизмов, которые непосредственно влияют на взаимоотношения социальных институтов. Отдельные представители данного направления основывают свои концепции на тезисе о несовершенстве властных механизмов, рассматривая подобные ситуации в качестве причин, провоцирующих конфликты. Базируясь на структурно-функциональных концепциях природы социальных отношений, которые в полной мере представлены в работах Т. Парсонса, Р. Ферта, Г. Спиро и некоторых других западных ученых, мы получаем возможность исследовать причины кризиса власти, игнорирующей аксиологический фактор в своей деятельности. В свою очередь, сторонники социально-психологических подходов к изучению власти (Р. Абелсон, А. Бакен, Р. Джервис, Л.Дж. Фаррар) стремились обосновать те или иные властные решения исходя из психологии масс, которые в состоянии вызвать кризис властных структур.

Значительный интерес вызывали научные работы теоретиков, которые анализировали этапы взятия и удержания власти, проявляющиеся в качестве продуктов определенного социального и исторического развития.

Помимо названных авторов большое значение для исследования сущности власти через призму ценностей сыграли статьи и монографии следующих ученых: Ф. Дессауера, Э. Каппа, Л. Мамфорда, Э. Тоффлера, Т. Уокера, Н. В. Устрялова, О. Шпенглера, М. Хайдеггера.

Третье направление – это труды практиков, исследующих не только власть, ее представителей и управленческие механизмы ее удержания, но также алгоритм формирования властных институтов. К этому направлению относятся авторы, которые посвятили свои научные работы проявлению власти в определенных сферах человеческого бытия. В частности, проблемам,

возникающим на пути становления власти, посвящены труды Дж. Гэлбрейта, М. Паренти, В. Хартунга.

Современный этап развития теоретической мысли предполагает тщательное изучение социальной действительности, что, естественно, вряд ли возможно вне анализа истоков, сущности и перспектив тех или иных властных механизмов. Это направление вызывает интерес не только политиков, но также социальных философов, изучающих технологию власти, что создает базис для социально-философского исследования современных трансформирующихся общественных структур. Это направление включает в себя работы ученых, которые исследуют не только различные проявления власти и механизмы управленческих институтов, но также перспективы мироустройства исходя из современных представлений уровня социального прогресса.

В научных трудах отечественных и зарубежных ученых уделяется определенное внимание социально-философскому исследованию власти с позиций цивилизационного развития, что особенно проявляется в работах следующих ученых: С. Хантингтона, Э. Фромма, Д. Истона, М. Дюверже, Ж.-Л. Кермонна, Г. Алмонда, Р. Арона, Ф. Шаброва, В.Г. Яковлева и др. В работах Р. Пайпса, Р. Миллса, М. Джиласа, Д. Пристланда, М.С. Восленского дается характеристика политическим элитам, использующим властные структуры в своих интересах.

Для данного исследования большое значение приобретают статьи, где авторы рассматривают власть в тесной связи с проблемами общецивилизационного развития. Подобный подход особенно ярко проявляется в различных философских школах, где авторы анализируют власть в культурологическом (М.С. Каган), нравственном (П.В. Симонов), или религиозном (С.Б. Токарева) аспектах. Естественно, что особую значимость приобретают научные труды, где власть исследуется в аксиологическом ракурсе, как, например, это прослеживается в работах Л.П. Буйевой.

Особое направление представляют собой исследование власти

отечественными учеными, освещающими её аксиологические аспекты, используя традиционный для русской философии теоретический фундамент, т.е. для полноценного анализа ценностных особенностей власти важно учитывать взгляды представителей русского космизма, евразийства, славянофильства, где идея власти рассматривается на фоне и российской истории, и современности.

Особое значение имели научные труды, связанные с разработками социально-философских прогнозов будущего техногенной человечества цивилизации, поскольку в них дается широкий анализ взаимозависимости властных элементов в политической системе: И. Валлерстайна, Дж. Гэлбрейта, Ж.И. Алферова, С.П. Капицы, Э. Хобсбаума.

Отечественное наследие научных работ, посвященных аксиологической сущности власти в периоды социальных трансформаций, представлено следующими российскими философами: П.А. Сорокиным, Л.П. Карсавиным, Н.О. Лосским, Н.А. Бердяевым, А.Н. Ерыгиным, В.В. Зеньковским, И.А. Ильиным и др. Особый интерес вызывают работы интеграционного характера, т.е. находящиеся в сфере интересов различных научных направлений, что в значительной степени обусловлено спецификой данного исследования, в котором исследуется комплекс проблем, затрагивающих обширный круг социально-философской проблематики, связанной с различными проявлениями власти.

Значительный интерес к различным проявлениям власти проявляют не только политологи, но также юристы, социологи, историки. Проблеме власти много внимания уделяли ученые, основной вектор исследований которых связан с определением факторов, ведущих форм и способов реализации власти: Г.И. Рузавин, А.Б. Иванченко, В.В. Комарова, Р.А. Сафаров, И.И. Овчинников, А.Е. Постников, М.Н. Марченко, В.Т. Кабышев, и др.

Работы Л.П. Карсавина, А.А. Богданова, Р.Ю. Виппера, А.С. Лаппо-Данилевского, Н.А. Бердяева, Г.В. Плеханова, П.А. Сорокина, С.Л. Франка, В.Ф. Эрн и др. были использованы в качестве методологической основы для

исследования власти. В исследованиях С.Н. Булгакова, А.А. Зиновьева и некоторых других известных ученых освещается понимание того факта, что изучение аксиологических аспектов власти предполагает учет различных методологических традиций, сложившихся в современной философии.

Значительный вклад в исследование был сделан в результате анализа основных диссертационных работ, имеющих отношение к проблемам власти, во всех ее проявлениях. Однако большая часть их носит узконаправленный характер, т.е. в них раскрываются преимущественно политические аспекты власти³. Встречаются также социально-философские исследования, направленные на раскрытие тех особенностей властных структур, которые в той или иной степени имеют отношение к аксиологическому направлению в становлении и развитии институтов власти⁴.

Анализ источников по теме исследования, т.е. имеющих отношение к проблеме аксиологических аспектов власти во всех ее проявлениях, дает возможность сделать следующие выводы. Во-первых, аксиологическая сущность властных структур, несмотря на значительный ряд публикаций по проблемам власти, остается пока за рамками серьезных научных

³ Томпсба Этьенн. Проблема власти в трудах Мишеля Фуко: диссертация ... автореф. канд. полит. наук. Ростов-на-Дону, 2001.; Талина И. В. Гендерные маркеры речевого поведения политического деятеля (на материале политического интервью): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 2003. – 175 с.; Матвеев М.Н. Власть и общество в системе местного самоуправления России в 1977-2003 годах: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 2006; Русаков С. С. Эволюция стратегий анализа власти в политической философии Мишеля Фуко: автореф. диссертации ... канд. полит. наук. Санкт-Петербург, 2017; Лепихова Л. А. Открытость политической власти: технологический анализ: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ростов-на-Дону, 2007; Стеценко А. Н. Феномен виртуализации государственного бюрократического управления в современном западном обществе: автореф. дис. канд. полит. наук. Ростов-на-Дону, 2008; Карпенко А. М. Региональная идентичность как категория политической практики: автореф. дис. канд. полит. наук. М., 2008; Летняков Д. Э. Российская традиция общественно-политического участия ((XI-начало XX вв.): автореф. дис. канд. полит. наук, М., 2009; Грищенко М. Ю. Политический механизм формирования и реализации идеологии общественного развития современной России: автореф. дис. канд. полит. наук. М., 2009; Силаева З. В. Институционализация «спорных государств» в условиях политической трансформации постсоциалистического пространства: автореф. дис. канд. полит. наук. Казань, 2012; Дробот С. Е. Принцип разделения и взаимодействия властей в системе российского конституционализма: автореф. дис. канд. юрид. наук. Челябинск, 2021 и др.

⁴ Тарасова О. Е. Принцип разделения властей и гражданское общество: диалектика взаимосвязи (Социально-философский аспект): дис. ... канд. филос. наук. Красноярск, 2004. 143 с.; Энговатова Анастасия Валерьевна. «Онтология власти» в современной французской философии: автор. дис. ... канд. филос. наук. М., 2004. – 233 с.; Шарапова Т. В. Способы философского обоснования власти (От отношения «господства-подчинения» к свободе коммуникативного управления): автореф. дис. ... канд. филос. наук. Томск, 2007; Никифоров А.А. Особенности государственной власти в условиях трансформирующегося российского общества: автореф. дис. канд. филос. наук. Улан-Удэ, 2012 и др..

исследований, потому что на практике оказался не вполне реализованным социально-философский анализ всех проявлений власти в современном трансформирующемся мире. Во-вторых, в последние десятилетия все более явными становятся тенденции игнорирования сторонниками универсализации социального пространства социокультурной идентичности отдельных членов мирового сообщества, что вызывает особый интерес к аксиологическим аспектам власти, проявляющихся на разных уровнях реализации управленческих механизмов. В-третьих, мало уделяется внимания тому факту, что власть в современном мире значительно видоизменяется, теряя традиционные формы под влиянием новейших цифровых технологий в информационном обществе, а обретение властью новых черт ставит более сложные задачи перед исследователями.

Таким образом, актуальность темы исследования, а также недостаточная степень ее разработанности позволили сформулировать объектно-предметную область диссертационной работы, которая обусловлена изменениями, характерными для новой социокультурной парадигмы. Аксиологические установки, которые характеризуют современное общество, особенно ярко проявляются во властных структурах, что во многом обусловлено социальными трансформациями, проявляющимися в глобальном мироустройстве, ведь власть сублимирует в себе представления о ценностях конкретного исторического периода.

В современных условиях актуализируется задача основательного социально-философского исследования аксиологической сущности власти во всем ее многоуровневом содержании, а также специфики проявления ее управленческих механизмов в период социальных трансформаций. На первый план выходит необходимость анализа актуальных проблем взаимообусловленности власти на базе аксиологических установок, а также проблем, связанных с усовершенствованием всех проявлений властных функций на всех уровнях социального бытия, что позволило сформулировать цель исследования, определить его объект и предмет.

Объект исследования – власть как проявление определенных аксиологических установок.

Предмет исследования – аксиологическая сущность власти в трансформирующихся обществах.

Цель исследования – доказать, что власть в условиях смены социокультурной парадигмы не только синтезирует аксиологические установки, сложившиеся в обществе на предыдущем этапе, но также стремится выполнять прогностическую функцию в формировании новой системы ценностей.

Для достижения указанной цели предполагается решение следующих **задач**:

1. Исследовать аксиологические особенности власти.
2. Показать аксиологические факторы в субъектно-объектной структуре власти и местного самоуправления.
3. Раскрыть аксиологическую направленность властных механизмов.
4. Показать исторические особенности ценности власти в российском обществе.
5. Исследовать проявление аксиологических установок во властных механизмах трансформирующихся обществ.
6. Раскрыть аксиологические аспекты власти в глобально-региональном мире.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

1. Показано, что социально-философские аспекты власти, разработанные исследователями предыдущих эпох и проявившиеся в концепциях «свободного общества», раскрывают особенности действия вестернистских властных механизмов. В данных концепциях структура власти раскрывается в рамках методологической традиции, характерной для обществ западного типа, где власть рассматривается как определенная директива, осуществляемая в категориях определенного общественного идеала или абстрактного объекта, который подлежит реализации при помощи

определенной социальной технологии. Однако в современном трансформирующемся мире особо востребованными являются концепции, которые раскрывают принципы действия властных структур, учитывающих тот факт, что смена социокультурной парадигмы детерминирует соответствующую аксиологическую систему, адекватную управляемому обществу.

2. Выявлено, что традиционное разделение на субъектов и объектов власти в значительной степени потеряло свою актуальность, поскольку оно раскрывает особенности антагонистических социумов, где отдельные общества позиционируются в значении «недоразвитости» («тоталитарное», «закрытое» и т.п.). Обоснована несостоятельность концепций однополярного мира, в которых субъектами власти игнорируется многомерность социального процесса, на базе которого формируются комплексные аксиологические установки конкретного общества, отражающие множественность влияющих на него постоянных и преходящих факторов.

3. Показано, что аксиологическая направленность властных механизмов имеет особенности, которые во многом детерминированы не только объективными условиями, но также субъективными факторами, способствующие воспроизводству власти при условии сохранения исторически сложившихся и устоявшихся ценностей, как конкретного общества, так и человечества в целом. Господствующая в современном мире либеральная концепция власти является гарантом обеспечения преимуществ меньшей части человечества, навязывающего в качестве «общечеловеческих» вестернистские аксиологические установки всему миру.

4. Установлено, что проблема власти особенно обостряется в условиях смены социокультурной парадигмы, причиной чему является обесценивание многих базовых аксиологических установок в трансформирующихся обществах, вобравших в себя свойственные для западной цивилизации существенные черты, (индивидуализм, культ свободы и т.п.) и отсутствия

властных механизмов, адекватных ценностям, которые складываются в обновленном социуме.

5. Доказано, что сублимация определенных аксиологических установок во властных механизмах отражает изменчивость общества, потому что развертывание присущих ему свойств и характерных черт, адекватных содержанию исторической эпохи, выражают потенциал общества, гарантируют сохранение его идентичности и устойчивости в переходные эпохи. В свою очередь, власть, не учитывающая аксиологическую составляющую процессов преобразований общественной жизни, как правило, не находит поддержки, что влечет за собой вырождение не только носителей власти, но также угрозу гибели общества.

6. Показано, что власть в конкретном социуме способна эффективно выполнять свои функции, если результаты властной деятельности в полной мере способствуют проявлению положительных сторон конкретного общества, что возможно при опоре на его аксиологический базис. Адекватность власти, реализующей свою волю посредством соответствующих управленческих механизмов, может быть максимально раскрыта на базе диалектической методологии, которая предполагает оптимальное сочетание исторических традиций данного общества и лучших мировых примеров. Попытки различных властей сформировать однородный мир обусловлены упрощенными представлениями о социальном пространстве, жестко разделенном на субъекты и объекты управления, однако подобная унификация свидетельствует не только о несовершенстве власти и неэффективности ее управленческих механизмов на практике, но также иллюстрирует недостатки социальной теории.

Теоретическое и практическое значение работы.

Теоретическая значимость полученных в диссертации результатов закладывают базис для последующего изучения аксиологических особенностей власти в меняющихся социальных условиях на принципиально новом уровне, значительно расширяя диапазон направлений дальнейших

социально-философских исследований. Предложения и выводы, изложенные в диссертационном исследовании, могут найти применение в разработке основных направлений внутренней политики России, посредством которых регулируются взаимоотношения федеральных и региональных властей для реализации оптимальной социальной политики. Учет аксиологических особенностей современной власти будет способствовать интеграции нашей страны в мировое сообщество при сохранении своего суверенитета.

Теоретико-методологические результаты, полученные в диссертационном исследовании, позволяют по-новому осмыслить проблему властных механизмов, которые направлены на осуществление синтеза всех научных направлений гуманитарно-социологического знания, посвященных исследованию власти. Материал диссертации может представлять интерес в различных направлениях теоретической и практической деятельности: 1) для построения целостной концепции существования эффективной власти, действующей в целях гармоничного развития современного общества; 2) как методологический базис для исследования путей преодоления социального кризиса, который во многом обусловлен аксиологическим несоответствием между представителями власти и представителями социума.

Практическое значение диссертации состоит в перспективности использования ее результатов при реализации проектов, которые направлены на совершенствование отечественной власти всех уровней. Методологические подходы, предложенные в диссертации, могут быть востребованы в процессе преподавания учебных курсов для студентов и аспирантов гуманитарного блока («Философия», «Политология» и т.п.).

Методология и методы исследования.

Методологическим базисом изучения аксиологической сущности власти выступают системный и прогностический подходы, который позволяет четко выделять цели и задачи деятельности властного субъекта с аксиологически позиций. Ведущая методологическая доминанта основывается на синтезе философских, политологических и социологических установок с целью их

конструктивной интеграции в целостную концепцию, базирующуюся на социально-философской основе.

Исследование аксиологических проявлений власти предполагает особую методологическую основу, на базе диалектического единства современных концепций, что позволяет выявить базовые элементы властных механизмов, а также особенности властных механизмов, проявляющихся в единстве традиционных и новых аксиологических установок. При помощи подобных подходов удастся определить динамику властных структур в условиях кардинальных социальных трансформаций.

На первый план выходят исследовательские подходы, базирующиеся на общенаучных методах анализа, синтеза, индукции, дедукции, сравнения, а также философские методы: системный, деятельностный, структурно-функциональный. Для данного исследования является важным тот факт, что власть исследуется с социально-философских позиций, так как сублимирует в себе аксиологическую шкалу конкретного общества, принципиальным образом оказывая влияние на уровень социального прогресса. Качество власти, олицетворяющей собой ценностные установки социума, выступает как способ выживания и устойчивости общества, раскрываемых в рамках социальных и гуманитарных наук. В исследовании власти проявляет свои сущностные характеристики внутренний механизм эволюции в совокупности эмпирического и теоретического, чувственно-эмоционального. В диссертационной работе исследование теоретических проблем ведется на основе ведущих принципов диалектики: единства мира; всеобщей и развития, а также на таких аспектах диалектического метода, как часть и целое, форма и содержание.

Положения, выносимые защиту:

1. В современном трансформирующемся мире особо востребованными являются концепции, раскрывающие принципы действия властных структур, которые учитывают смену социокультурной парадигмы и соответствующей

аксиологической шкалы на основе диалектики тождества и различия. Власть обязана опираться на аксиологическую шкалу конкретного общества, каждое из которых обладает собственной идентичностью, препятствуя реализации мондиалистских концепций.

2. Проблема адекватности власти в условиях смены парадигм должна решаться не только с позиции признания социокультурной специфики каждого общества, но также на базе выработанных им соответствующих аксиологических установок, которые создают условия для позиционирования общества в качестве субъекта или объекта исторического процесса. Именно поэтому традиционный, характерный для современных исследователей, подход, в основе которого – разделение на субъекты и объекты власти, требует серьезной корректировки, поскольку он не учитывает аксиологических установок не только носителей власти, но и социумов.

3. Определенный тип власти востребован обществом, при условии соответствия его определенным традициям, правилам и законам, сформировавшихся на протяжении длительного исторического периода, когда содержание власти проявляется не только в соотношении основных его элементов, но также во взаимодействии ее форм и уровней. Кардинальные изменения, которые проявляются в аксиологических особенностях власти, является способом воспроизводства механизмов, при помощи которых реализовываются инициативы представителей власти и властных институтов. На этой основе могут осуществляться политические манипуляции властного меньшинства, опирающегося на декларации, детерминированные конкретными ценностными установками, в которых заинтересованы остальные члены социума которые

4. Полноценное исследование власти предполагает использование диалектической методологии, которая включает в себя учет различных факторов, определяющих особенности существования властных структур в социуме, включающих в себя исторический опыт, его традиции, а также особенности развития общества. Переход к новой социокультурной парадигме

в полной мере отражается на власти, в которой происходит обесценивание аксиологической системы, на основе которой происходило формирование социокультурной идентичности общества в условиях предыдущей парадигмы. Особенно востребованным становится анализ разнообразных социальных последствий, так как не все властные механизмы в состоянии реализовывать общественные аксиологические установки, которые традиционно формируются в конкретном обществе на определенном историческом отрезке.

5. Проблема власти в современном мире тесным образом обусловлена тем фактом, что государство реализует свои функции посредством властных механизмов, базирующихся на либеральных концепциях, которые являются доминантой западной управленческой традиции. Властные механизмы при таком подходе способствуют обогащению субъектов власти, представляя собой политику обеспечения выгод и обогащения определенной части населения. Сублимация аксиологических установок во властных механизмах отражает изменчивость общества, которая проявляется в разворачивании присущих ему качеств, способствующих выживанию всех членов социума.

6. Власть, реализующая свои полномочия посредством управленческих механизмов, всегда соответствует определенному уровню социального прогресса, потому что она является важным направлением постоянного совершенствования общественных отношений. Подобные процессы являются проявлением диалектической взаимосвязи явлений не только между различными социальными группами, но также внутри любой общественной группы и осуществляются на принципах единства мира. Исследование управленческих механизмов власти в ракурсе ее аксиологических особенностей предполагает понимание важности социальной теории и практики, посредством которых реализуются ценностные установки на уровне конкретного социального бытия. В структурном отношении современная власть включает в себя множество механизмов, поэтому в состоянии реализовать свои функции, если ее представители исходят из важной установки, согласно которой общество представляет собой единство связей и

коммуникаций, сформировавшееся на базе устоявшихся аксиологических установок. Указанную особенность власти можно рассматривать как доказательство ее состоятельности, т.е. способности выполнять свои функции, базируясь на определенной аксиологической основе, в соответствии с вызовами современного глобально-регионального мироустройства. Власть можно рассматривать в качестве важного критерия, определяющего степень самодостаточности конкретного социума, если результаты властной деятельности способствуют проявлению положительных сторон этого общества. Однако стремление различных властных структур к максимальному упрощению социума как объекта управления свидетельствует о недостатках управленческой теории и практики, а также о несостоятельности мондиалистского мироустройства.

Степень достоверности и апробации результатов.

Достоверность приведенных в диссертации фактов и результатов, полученных в результате исследования не вызывают сомнений, поскольку основные из них были опубликованы в авторских статьях. Кроме того, содержание и полученные результаты исследования были изложены диссертантом в выступлениях на международных, всероссийских, межрегиональных, а также вузовских научных и научно-практических конференциях. Научные результаты диссертационного исследования активно используются в учебном процессе, т.е. на лекциях и семинарских занятиях, проводимых в Сибирском федеральном университете.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, включающих в себя шесть параграфов, заключения и списка литературы.

ГЛАВА 1. ВЛАСТЬ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ РАЗЛИЧНЫХ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Исследование аксиологических особенностей власти обусловлено тем фактом, что любой миропорядок способен функционировать только при наличии социального устройства соответствующего данному миропорядку, которое олицетворяет собой власть. Однако в условиях трансформации обществ властные структуры также подвергаются изменениям, однако для сохранения своего управленческого потенциала представители власти должны опираться на определенную аксиологическую систему, которая также является подвижной в определенном диапазоне. Аксиологическое ядро любого общества должно сохраняться и в определенной мере отражаться во властных структурах, иначе общество обречено на потерю своей социокультурной идентичности. Однако коммуникационный потенциал общества, который основывается на новейших информационных технологиях, оказывает неоднозначное воздействие на власть. Она, обладая уникальными политическими, юридическими и техническими ресурсами, не всегда в состоянии оперативно справиться с важными информационными потоками. Именно поэтому в современных условиях становится столь востребованным рефлексивное переосмысление «равновесия между издержками новых технологий и их преимуществами с целью создания адекватных этому равновесию этических, правовых и политических концепций для регулирования сферы публичных коммуникаций»⁵. Хотя исследование власти включает в себя широкий спектр научных направлений, однако полноценный анализ ее аксиологического аспекта в состоянии дать именно философы, занимающиеся социальной проблематикой.

⁵ Винник Д.В. Социальная феноменология цифровой эпохи: риторика ненависти, анонимусы, копирайт и полицейский надзор // Философия образования. 2014. № 4 (55). С. 86.

В первой главе раскрываются основные методологические проблемы, связанные с исследованием аксиологических аспектов власти, которые проявляются в действии ее управленческих механизмов.

1.1. Аксиологические особенности исследования власти

Необходимость социально-философского исследования власти обусловлена ее ведущей функцией, которая обеспечивает устойчивое существование общества, а также устранение опасных кризисных явлений в перспективе. По нашему мнению, решение проблем, которые представляются актуальными на уровне конкретного социального пространства и определяют потенциал власти во всех ее проявлениях. Более того, власть в состоянии придать дополнительные стимулы для развития общества, а закономерности развития всякого обществ базируются на разворачивании его позитивного социального потенциала, поэтому носят объективный характер.

Процессы, происходящие в жизни общества, находят отражение в политическом дискурсе, политических выступлениях и текстах. С помощью политического дискурса, как утверждал М.Фуко, лидеры различных общественных партий сражаются за власть, стремясь ее захватить. Этот ученый уверен, что власть, создавая политический дискурс, пытается его контролировать, совершенствовать и влиться в него⁶. Однако «...междисциплинарное осмысление изучаемого явления концентрируется не столько на абстрактных идеологических конструктах, формируемых извне принудительно, сколько на аспекте непосредственного целостного понимания себя как уникальной единицы национально-политической культуры в отношении к остальному миру...»⁷

⁶ Демкина Я.Ю. Сравнительный анализ методик исследования политического дискурса // Дискурс. – 2021. – №3. С. 91.

⁷ Колянов А.Ю. Европейская идентичность сегодня: мысль или ощущения? // Дискурс. – 2019. – №5. С. 85.

Исследование аксиологических особенностей власти предполагает учет важного тезиса: власть всегда представляет собой прерогативу меньшинства, которая может быть захвачена силой или делегирована с помощью набора конкретных процедур. В древнейших источниках встречается описание определенных правил власти: «Учитель сказал, если править с помощью закона, улаживать, наказывая, то народ остережется, но не будет знать стыда. Если править на основе добродетели, улаживать по ритуалу, народ не только устыдится, но и выразит покорность»⁸. Можно утверждать, что базисом социальной концепции являются нравственные качества человека, а задача правителя состоит в том, чтобы гармонично согласовывать взаимодействие социального и индивидуального. «Понимание процесса формирования аксиологических установок у современного человека, выявление ценностных приоритетов в разных возрастных группах представляет собой актуальную задачу социальной адаптации и коммуникации в философии и психологии. В условиях сетевого общества личность становится активным участником конструирования информационной и социальной среды. Реализация принципа свободы мысли и действия, который декларируется в сетевой среде в качестве приоритетного ориентира самоутверждения, проявляется в различных социальных группах и молодежных субкультурах, многообразных формах изоляционизма в социальной и духовной сферах»⁹.

Проблема аксиологической направленности власти волновала античных авторов. В частности, Платон в своих «Законах» выделяет положения, отвечающие уровню управленческой культуры: «Самое главное здесь следующее: никто никогда не должен оставаться без начальника – ни мужчины, ни женщины.... Словом, пусть человеческая душа приобретает навык совершенно не уметь делать что-либо отдельно от других людей и даже не понимать, как это возможно. Пусть жизнь всех людей всегда будет

⁸ Конфуций. Уроки мудрости: Сочинения. М.: Эксмо; Харьков; Фолио, 2008. С. 9.

⁹ Шипунова О.Д., Березовская И.П. Ценностные приоритеты современной молодежи в социальной адаптации // Дискурс. 2020. Т. 6. №3. С. 37.

возможно более сплоченной и общей»¹⁰. Как видим, Платон был уверен, что подобный закон способствует добродетели, что подтверждает следующий совет, который своему собеседнику идет от законодателя: «Я полагаю, что лишь тот надлежащим образом устанавливает закон, кто, подобно стрелку, всякий раз метит в одну цель – ту, которая непрестанно влечет за собой нечто прекрасное и оставляет в стороне все прочее богатство и тому подобные вещи, если это не сопряжено с добродетелями, о которых мы говорили раньше»¹¹.

По мнению Аристотеля, власть проявляется в насилии, а оно «имеет место там, где причина, заставляющая действовать, лежит вовне; наоборот, где причина внутри, в самих вещах, там нет насилия»¹². Аристотель уверен, что «...можно считать правдоподобным то, что полагают мудрые, если оно не противно мнению большинства людей»¹³. В.И. Стрельченко подчеркивал, что «со времени Аристотеля можно считать твердо установленным, что ссылки на мнения сколь угодно крупных авторитетов и сколь угодно многочисленных сообществ сами по себе не могут обеспечить возрастание степени истинности знаний, их превращение из правдоподобных, гипотетических в аподиктические»¹⁴.

Для Н. Макиавелли технология власти проявляет свою положительную сторону в процессе использования насилия, поэтому право любого правителя на применение насилия он считал благом. Именно поэтому Н. Макиавелли настойчиво советовал всем, кто получает власть в государстве, «покончить со всеми обидами, использовать насилие «разом, а не возобновлять изо дня в день»¹⁵. В Новое время проблема аксиологической направленности власти приобретает научный характер, хотя она решалась в рамках конкретной социальной системы. Например, Т. Гоббс, исследуя особенности

¹⁰ Платон. Законы // Платон. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Мысль, 1994. Т.4. С. 406.

¹¹ Платон. Законы // Платон. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Мысль, 1994. Т.4. С. 157.

¹² Аристотель. Большая этика // Сочинения: в 4 т. М., 1983. Т. 4. С. 312.

¹³ Аристотель. Толика // Аристотель. Соч. в 4 т., Т. 2. М., 1978. С. 359.

¹⁴ Стрельченко В.И. Рациональность и гуманистические идеалы образования// Credo. 2006. №1. С. 141.

¹⁵ Макиавелли Н. Государь // Сочинения исторические и политические: Сб. М., 2004. С. 84.

государственной системы, утверждал, что «мотивом и целью при отречении от права, или отчуждении его, является гарантия безопасности человеческой личности, т.е. сохранение жизни и обеспечение средств такого сохранения жизни, при котором последняя не стала бы тяжелой»¹⁶. Постепенно формируется гуманистическая концепция, в которой человек позиционируется не как ресурс, а как главный субъект социальных отношений со своими стремлениями, целями и потребности. Стратегия управления регионом должна соотноситься с желаниями и способностями человека¹⁷.

Труды, посвященные проблемам власти, имеющиеся в арсенале современной науки, несмотря на их многообразие, пока еще не достигли должного уровня в детальной разработке теории управления, поэтому ведущие проблемы не получили окончательных решений, которые могут восприниматься как общепринятые. Можно утверждать, что методологические основания теории управления часто приближены к парадигмам современной науки, поэтому для исследования аксиологической сущности власти может быть востребовано максимальное количество наработок социальных наук. Именно философский анализ проблем власти позволяет адекватно исследовать аксиологические особенности властных структур, поскольку управление, представляет собой широкое исследовательское пространство для исследования истоков, сущности и перспектив власти как необходимого элемента выживания общества. В этом плане власть можно рассматривать как своеобразный синтез науки и искусства, а также знания и опыта. Поскольку феномен власти пронизывает все сферы человеческой жизнедеятельности, то вполне естественным выглядит необходимость различения особенностей управления социальными

¹⁶ Гоббс Т. Левиафан // Сочинения : в 2 т. М., 1991. Т. 2. С. 101.

¹⁷ Кязимов К.Г. На смену концепции управления человеческими ресурсами – о концепция управления человеческим потенциалом // Профессиональное образование в современном мире. 2017. Т. 7. №4. С. 1349-1350.

системами в различных обществах, раскрывающих диалектические принципы развития общества.

Основные понятия, характеризующие власть, раскрываются в качестве диалектики единого и многого, когда единое предполагает многое, а многое – единое. В контексте аксиологических особенностей власти этот важный тезис означает, что единомыслие нельзя воспринимать как «единообразие», которое предполагает подчинение одной воле всех представителей социума. Подобные понятия несут в себе диалектический смысл, который заключается в стремлении не просто отыскать оптимальное решение, а сделать это в процессе всенародного обсуждения, которое было бы признано всем обществом. Сущность подобного диалектического подхода состоит в приведении к единству различных властных направлений посредством согласования ведущих их позиций между собой.

Властные функции обычно проявляются как управление определенной системой или конкретным объектом таким образом, что системы низшего порядка всегда включены в социальные системы более высокого уровня в качестве собственных компонентов. Проблема аксиологического наполнения властных механизмов обусловлена тем, что границы, которые возникают в системе власти между объективными условиями и субъективными факторами, являются более гибкими, чем сам исторический процесс. М.В. Ватагина обращает особое внимание на тот факт, что эффективность методов управления определяется корректностью их постановки и реализации. Она также зависит от принятой в коллективе корпоративной культуры с учетом постоянно преобразующихся профессиональных и массовых коммуникаций, которые регламентируют документы корпоративной культуры. Они должны быть доступны на сайте организации, а также для выработки оптимального режима внедрения профессиональных стандартов в практику предприятия в

режиме «онлайн»¹⁸.

Вполне естественно, что существует довольно много определений власти, однако среди множества определений власти наиболее адекватным, на наш взгляд, является следующее: власть – это способность человека или группы людей реализовывать свою волю, которая в максимальной степени проявляется по отношению к организованным массам населения. В разрезе данного исследования это определение, по нашему мнению, представляется оптимальным. Л.Г. Ионин подчеркивает, что подобный подход к власти довольно близок к веберовскому определению власти, или господства¹⁹. Власть осуществляется от имени и в интересах мирового сообщества в целях обеспечения его благосостояния и безопасности на основе легитимных полномочий или по собственной инициативе. Реализация власти осуществляется посредством целенаправленной деятельности определенного субъекта или субъектов управления при помощи устоявшихся управленческих механизмов. Подобная структура означает, что субъекты, обладающие властью, берут на себя ответственность за управление процессами на уровне стран, регионов или компаний, хотя представители власти не всегда и не в полной мере осознают рамки своих полномочий. Естественно, что при этом они испытывают влияние всего мирового сообщества, которые могут быть взяты в качестве управленческих примеров исходя из сложившейся в данной социальной системе аксиологической шкалы. В своей одноименной работе Н.В. Стариков подчеркивает неоднозначность процессов восприятия и реализации власти: «Все просто и понятно только тем, кто не имеет к власти отношения, кто не знает настоящих и глубинных принципов ее функционирования»²⁰. Далее он дает следующее определение: «Власть – это управление через ресурсы. Для разложения и уничтожения власти в

¹⁸ Ватагина М.В. Обеспечение эффективного внедрения профессиональных стандартов на основе интеграционных процессов в науке, образовании и производстве в современной России // Профессиональное образование в современном мире. 2017. Т. 7. № 3. С. 1175.

¹⁹ Ионин Л.Г. Массы и власть сегодня (актуальность Э. Канетти) // Вопросы философии. 2007. № 3. С. 4-5.

²⁰ Стариков Н.В. Власть. СПб.: Питер, 2016. С. 6.

государстве-сопернике когда-то была придумана либеральная демократия. Ведь если разрушить власть вслед за этим неизбежно погибнет государство. Делается это следующим образом: либеральное понимание демократии отрицает саму возможность управления социальными процессами. Подразумевается, что никакого управления не должно быть, а все само собой как-то управляется «невидимой рукой» через взаимодействие сознательных граждан друг с другом. Но в результате разрывается основа такого понятия, как государственная власть»²¹. Продолжая излагать свою аргументацию, Н.В. Стариков пишет: «именно Метафизика власти и только она может объяснить нам, как получается, что сообщество взрослых людей может начать движение в сторону благих намерений, и оказаться в области чистого зла»²².

Власть можно рассматривать, как право отдавать распоряжения, а также сила, принуждающая им подчиняться. Возможность навязать свою волю другим людям или воздействовать на них, даже если они пытаются сопротивляться. Сущность власти зависит от того, на чём основана подобная возможность, поскольку имеет значение тот факт, на чем основана власть, потому что воздействовать на людей можно через внедрение ценностей. Подобную попытку навязать свою волю посредством новых ценностей мы рассматриваем как управление, хотя подобные действия можно рассматривать как навязывание своей воли.

Мы исходим из того, что власть всегда являет собой наличие и возможность использования определенных ресурсов. Управление представляет собой процесс, в результате которого реализуются те или иные установки власти. Если функциями управления является анализ и оценка воздействий, возмущающих систему, а также отбрасывание неблагоприятных воздействий и максимальное использование благоприятных, то социальные институты выступают в качестве важных элементов управления, выполняя в обществе функции социального управления и социального контроля.

²¹ Стариков Н.В. Власть. С-Пб.: Питер, 2016. С. 147–148.

²². Там же, с. 163.

Социальное управление воздействует на отдельные сегменты общества или на общество в целом, обеспечивая тем самым комплекс важных функций, способствующих сохранению, нормальному функционированию, а также совершенствованию общества.

Если исходить из тезиса, согласно которому власть представляет собой своеобразный инструмент управления, используемый для принуждения населения к определенным действиям вопреки их желаниям. Подобная предпосылка дает нам основание сделать ряд выводов. Во-первых, власть является искусственным инструментом управления поведением людей. Во-вторых, если ставится цель получение результата минимальными затратами, что необходимо избегать ситуации, когда приходится применять власть. В-третьих, отсутствие внешних проявлений власти не ослабляет ее, поскольку этот факт часто свидетельствует об эффективности управления, хотя на практике подобная практика оказывается более сложной для самого руководителя.

Аксиологические особенности власти проявляются в системе противоречий, среди которых определяющее значение приобретают неоднозначные отношения между властью и народом, хотя они носят максимально содержательный характер. Здесь наблюдается «глубокий разрыв в связи с традиционалистскими и даже архаическими представлениями народа и модернизаторскими ценностями власти»²³. В.Г. Федотова видит выход «во взаимодействии между полюсами расколота политической культуры, в поисках одновременного выражения представлений, сформированных на полюсах разорванного спектра политической культуры»²⁴.

Можно выделить несколько основных видов власти.

1. Традиционный вид власти, как правило, базируется на признании статуса того, кто имеет власть, что часто обусловлено обычаями, характерными для данного общества.

²³ Федотова В.Г. Хорошее общество. М.: Прогресс-Традиция, 2005. С. 371.

²⁴ Там же.

2. Харизматический вид власти основывается исключительно на авторитете одаренной личности, представляющей власть в данный исторический момент.

3. Рационально-правовой вид власти опирается на закон, представляющий определенным лицам право «властвовать».

4. Виртуальный вид власти, особо проявившийся в последние десятилетия, является следствием применения новейших информационных технологий, когда субъекты и механизмы власти могут быть скрыты от объекта манипулирования им. Именно механизм передачи власти порождает бюрократию, поэтому она является обязательным условием существования любой организации, ведь в противном случае определенное количество целенаправленных людей не может являться управляемым, порождая собой лишь хаос.

Интерес к проблемам власти, а также к философии управления детерминирован в частности ролью управления в жизни не только отдельного индивида, но и общества в целом. Тем более что управление представляет собой неотъемлемую часть человеческого бытия, без которой совместная деятельность людей становится невозможной. Власть, выступающая в качестве одного из ресурсов управления, которое может быть структурным и бесструктурным, когда зависимость между вышестоящими и нижестоящими властными чинами не столь очевидна. Подобные примеры в истории встречаются довольно часто, например, когда у власти находится престарелый руководитель. С этой точки зрения, можно утверждать, что управление представляет собой анализ, сортировку и оценку воздействий, возмущающих систему, с целью избавления от неблагоприятных воздействий при максимальном использовании благоприятных для существования и развития системы факторов. Можно утверждать, что власть рождает механизмы, способные осуществлять социальное управление, воздействия на общество в целом или его отдельные звенья для сохранения их качественной специфики, а также их нормального функционирования. В конечном счете, подобные

действия направлены на совершенствование и развитие социума, а также ради успешного движения к заданной цели. В этом плане большое значение приобретает умение разделять факты «наличия» от «возможности» реализовать свою власть, имея в виду тот факт, что могут быть в наличии ресурсы власти, однако они не могут использоваться в данный момент по каким-либо причинам. Подобные ситуации часто определяются как отсутствие «политической воли». В качестве примера можно привести события на Украине в 2014 г., когда президент не воспользовался своими полномочиями, в результате чего в стране произошел переворот с далеко идущими последствиями.

Ф. Ницше писал: «Воля к власти может проявиться только тогда, когда встречает противодействие; она, следовательно, ищет того, что может оказать ей сопротивление, – это первоначальная тенденция протоплазмы, обнаруживающаяся в тот момент, когда она вытягивает свои псевдоподии и нащупывает ими все вокруг себя. Присвоение и усвоение являются прежде всего результатами стремления покорять, формировать, приблизить к своему типу, преобразовывать, пока наконец преодоленное не перейдет совсем в сферу власти, нападающего и не увеличит собой последней»²⁵. При таком подходе воля к власти равняется воли к господству, которую в конечном счете можно рассматривать как волю к жизни, являясь, согласно Ницше, всеобщим свойством всего живого. «Но в силу того обстоятельства, что в реальности жизнь представлена неодинаковыми по своей силе и энергии элементами, то успех и превосходство одних с необходимостью означает неуспех и подчинение других»²⁶. Можно найти множество подтверждений этой мысли, если рассматривать власть через аксиологический ракурс.

Одним из ведущих демократических принципов является разделение власти, что особо актуализирует сущность аксиологического наполнения

²⁵ Ницше Ф. Любовь к власти: опыт переоценки всех ценностей. М. 1994. С. 305.

²⁶ Кетейбаева Ж.А. Государственность, суверенитет, безопасность. Человек в современном мире: кризис и цивилизация. Ницца, Сицилия, Москва, 2020. С. 219.

власти. Это обусловлено различными функциями, которую несет в себе каждая ветвь власти. Например, законодательная ветвь власти в большей степени ориентирована на общество, а исполнительная власть в большей степени ориентирована на соответствующую вертикаль. Однако, как замечали отечественные философы, принцип разделения властей не является идеальным вариантом взаимодействия государства и общества. По мнению Л.А. Тихомирова: «На самом деле разделение властей и их взаимная независимость имеют разумное место <...> только в области чисто управительной, где цель этого состоит в достижении возможно более прямого действия. Но специализированные и независимые одна от другой, эти области управления все одинаково истекают из Верховной Власти, одинаково являются орудиями ее, подчиняются ей и исполняют только ее волю. Они все обречены властью только *передаточную*, а потому подлежат одинаково непосредственному контролю и направлению со стороны Власти Верховной»²⁷. В частности, в парламентском государстве появляется «...так называемое бюрократическое правление, где чиновники подобно парламентским политикам, представляют волю Верховной Власти. Это, разумеется, такая же фикция, как и при парламентарном правлении, с той лишь разницей, что в одном случае предметом фальсификации является воля Монарха, а в другом – воля народа. Бюрократия и парламентаризм поэтому идут всегда рука об руку, и парламентаризм по идее составляет даже естественное завершение бюрократизма»²⁸.

В трансформирующихся обществах особую актуальность приобретает проблема власти, полноценное исследование которой предполагает понимание ее аксиологических установок. Этот факт проявляется в ходе исторического процесса, и он не может быть следствием целенаправленных политических действий, потому что определенность каждого социума характеризуется устоявшимся аксиологическим базисом. Ценностной аспект

²⁷ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М.: Айрис-пресс, 2006. С. 48.

²⁸ Там же. С. 52.

структуры мировоззрения формируется не только принципами, но также верованиями, убеждениями и идеалами. Сюда же можно отнести различные вариации ценностей и ценностных ориентаций, отражающих этические, эстетические и политические предпочтения. Ценностная составляющая власти включает ряд показателей: нравственные чувства, моральное сознание, а также характерные для конкретной личности представления об основных этических категориях²⁹. С этим определением можно согласиться, если исходить из тезиса, что философия ищет истину, а не многообразия, поэтому философские идеи не могут постоянно оставаться на уровне конкретного теоретического пространства. А.Бадью считал целесообразным осуществлять движение в направлении справедливости, хотя в политике справедливость «представляется порой в качестве вынужденного обстоятельствами союза добродетели и террора»³⁰.

Важный аспект аксиологической сущности власти обусловлен тем, что современная власть базируется на теории правового государства, разработанной И. Кантом. Великий мыслитель полагал, что гражданское правовое состояние должно быть основано на принципах: а) равенства; б) справедливости; в) уважении человека. Любая властная процедура приобретает реальное демократическое содержание в том случае, если в процессе проведения правительственной политики закон не используется в качестве вспомогательного средства, часто приобретая антинародный смысл. Только при условии, когда соблюдение закона и норм, базирующихся на сложившейся ценностной системе, становится императивом, можно говорить о демократическом правовом государстве. На защиту закона и правопорядка должны быть направлены не только органы власти, но и общественное мнение, а также все новейшие информационные технологии, стоящие на вооружении

²⁹ Мякинников С.П. Основные аспекты архитектоники мировоззрения как социального феномена // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. №33(324). С. 11.

³⁰ Бадью А. Загадочные отношения философии и политики. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2014.

средств массовой информации. Вот почему подобная политика должна стать ведущей на определенном этапе нашего государственного строительства.

Построение государственного устройства по принципу разделения властей, а также соблюдение других основополагающих принципов классической демократии обеспечивает систему сдержек и противовесов в деятельности конкретных управленческих механизмов. Карл Шмит, посвятивший свое фундаментальное исследование³¹ демократии, доказывал, что под прикрытием демократии всегда существовала и будет существовать некая криптократия, успешно осуществляющая манипулирование «большинством», поскольку обладает огромными не только идеологическими, но также техническими ресурсами. Если исходить из подобной базовой аргументации, то можно утверждать, что «демократия» как и «диктатура» не несут в себе положительной или отрицательной оценочной нагрузки, поэтому власть можно рассматривать при помощи аксиологических критериев, которые дают более полную картину действительности.

Необходимость учета аксиологических аспектов власти связана также с тем фактом, что социальное пространство, которое можно рассматривать в качестве территории правовой культуры, должно характеризоваться властью закона и правовыми основами деятельности всех властных структур демократического государства. В качестве базиса гражданских свобод человека в демократическом обществе выступает приоритет закона, поэтому критерием правового государства является такая ситуация, при которой властные структуры опираются на господство закона, считаясь с сложившейся системой общества. Общество способно регламентировать деятельность подобных структур, опираясь на правовые основы, что позволяет более эффективно влиять на гражданскую культуру.

Особенности исследования аксиологических аспектов власти проявляются в отношениях, которые доминируют в человеческом обществе в

³¹ Шмитт К. Государство и политическая форма. М.: Изд. дом гос. ун-та. ВШЭ, 2010.

последние десятилетия, хотя носят все более неоднозначный характер. Этот факт накладывает свой отпечаток на многие проблемы власти, приобретающие не только новые параметры и масштабы, но также новое качество. Подобные тенденции свидетельствуют о недостаточности любого властного решения, если при этом игнорируется широкий мировоззренческий контекст, который часто отвлекает население от социальных аспектов волнующих его проблем³². Можно сказать, что спонтанно сложившиеся новые коммуникации предполагают и опору на определенный аксиологический базис, который пока не разработан на уровне социальной и политической философии.

Вполне понятно, что исследование аксиологической специфики власти вряд ли возможно без рассмотрения особенностей политической культуры конкретного социума, которая отражает политико-культурный базис общественного развития, характеризующий ценностно-обусловленные взаимосвязи между обществом и властными структурами во всей многогранности своего содержания. Проблема учета политической культуры в исследовании аксиологических оснований власти осложняется тем фактом, что политическая культура имеет две стороны, где одна сторона связана с деятельностью государственных органов, которые призваны реализовывать тот политический курс, что одобрен народом. В то же время другая сторона обусловлена деятельностью масс, которая проявляется в их отношении к политике государственных институтов, а также с их оценкой практической деятельности властных органов. Оценка власти детерминирована социальной политикой, которую проводит демократическая власть, поскольку в ней собраны основные элементы избранного пути развития. Содержание политической культуры более всего проявляется в социальной политике при условии, что данный строй декларируется в качестве

³² Фролов И.Т. Социально-этические и гуманистические проблемы современной науки // Человек-наука-гуманизм: к 80-летию со дня рождения академика И.Т. Фролова (отв. ред. А.А. Гусейнова); Ин-т философии РАН. Наука, 2009. С. 210.

демократического. Можно констатировать, что тон политической власти задает политическая культура граждан, реализующаяся в способе деятельности институтов власти, если их ведущим вектором выступают ценности народовластия.

Аксиологический аспект власти проявляется в отношениях конкретных людей к представителям власти, которые можно рассматривать не только в качестве основного показателя уровня политической культуры, но также эффективности деятельности власти во всех ее проявлениях. Отсюда следует, что уровень представлений о власти и оценок ее в конкретном социуме гражданских составляет собой концептуальный базис политической культуры в ее аксиологическом восприятии. Ярким критерием синтеза законодательной и исполнительной ветвей власти является направленность их на реализацию социальных реформ, которые носят адекватный характер по отношению к социуму, учитывающему конкретный тип общества. Подобные примеры дают основание для вывода о том, что указанную власть можно рассматривать в качестве реального выражения интересов людей. Однако из-за обесценивания в трансформирующихся обществах многих базовых общественных установок проблема власти заметно обостряется, что особенно заметно в условиях смены социокультурной парадигмы. Анализ аксиологической шкалы, которая исторически сложилась в конкретном обществе, подтверждает гипотезу, согласно которой она аккумулирует в себе самые существенные черты, проверенные историей. Например, ценности, характерные для аксиологической системы западной цивилизации, естественным образом сублимировалось в понятии «власть», которая должна декларировать индивидуализм, свободы, принцип верховенства закона и т.п. В значительной степени подобный вектор детерминирован уровнем жизнеспособности общества и в большинстве случаев проявляется самостоятельно посредством поиска попыток возвращения к своей определенности путем «изживания

негативных внешних воздействий и внутренних очагов социальной энтропии»³³.

Диалектический подход к исследованию аксиологической сущности власти предполагает осознание властных структур в качестве таковых, которые органично включены в систему других социальных институтов по принципу институционального единства мира. При таком подходе на уровне повседневной практики призвание представителей власти состоит в разработке, формулировке и реализации конкретной идеологии. Самореализация государства, а также различных социальных институтов проявляется как объективная диалектика, поскольку идея государства обусловлена идеологией, что многократно подтверждается историей. Что касается самореализации идеологии, то она проявляется в качестве субъективной диалектики, которая должна представлять собой общественную основу для единоумия и единомыслия всех граждан конкретного социума³⁴. Однако, например, в греческом полисе, как и в Римской республике, количество подобных граждан, обладающих правом демократическим путем иметь отношение к власти, было в меньшинстве. Они, используя форму демократии, осуществляли власть над большинством населения, которое включало не только рабов, но также вольноотпущенников, женщин и тех, кто не обладали статусом гражданина. Более того, «...как только в истории пропорции смещались и круг «демократически властвующих» расширялся, немедленно следовало изменение формы властвования, как правило, в сторону диктатуры (монархии), способной сохранять власть меньшинства над большинством»³⁵. Достигать указанных целей удастся посредством соответствующей системы управления, что подтверждают многие исторические примеры, хотя в России имеются свои особенности, которые детально излагаются в параграфе 2.1.

³³ Григоренко Д.Е. Аграрные реформы П.А. Столыпина в контексте современного социального мифотворчества // Вопросы философии. 2007. №1. С. 69.

³⁴ Чуринов Н.М. О государстве и идеологии // Теория и история. 2004. № 3. С. 5.

³⁵ Куликов Д. Антимиф. Очистить себя от лжи о самих себе // Однако. 2013. Август-сентябрь. С 39.

Исследование аксиологической сущности власти предполагает понимание принципиальных отличий в системе власти западных стран и отечественных властных традиций. Известно, что в европейских государствах приоритет свободной личности возведен в абсолют, в то же время забота о людях представляет собой не только удовлетворение существующих, но также постоянное изобретение все новых и новых потребностей. Эта специфика западных обществ отражалась уже в работах античных мыслителей, которые указывали, что подобная система власти сформировалась в рамках демократического общественного строя, а фундаментом демократии выступает свобода. В этот же исторический период разрабатывались основные стандарты власти, руководствуясь которыми ее представители обязаны были учитывать интересы членов общества, поэтому подобная система может быть позиционирована как своеобразный инструментарий для реализации воли государства. Тем не менее, на протяжении столетий происходил процесс усложнения властных структур, и на определенном историческом этапе в странах Европы в качестве доминирующей стала идея общественного договора. Она, по мнению Н.М. Чуринова, является средством описания общественных процессов, которые развиваются стихийным образом, поэтому использование такого подхода создает аксиологический базис для исследования власти, выступающей «...как нечто непознаваемое, тая в себе возможность кризиса либерализма»³⁶.

Подобная идея носит внеисторический характер, потому что она – «...модель, рожденная исключительно фантазией человека»³⁷. Более того, на современном этапе идея общественного договора пытаются представить в качестве своеобразного философского базиса для любых либеральных концепций. По мнению Г. Рормозера, либеральные представления о власти, которые сформировались как договор определенной группы индивидов, не находят исторического подтверждения, однако «вплоть до наших дней эта

³⁶ Чуринов Н.М. О кризисе либерализма // Теория и история. 2005. № 2. С. 168.

³⁷ Рормозер Г. Кризис либерализма. М.: Ин-т философии РАН, 1996. С. 80.

фикция считается критерием оценки либеральности конкретного общества»³⁸. В этом контексте возникает необходимость четкого понимания разницы между собственно властью и управленческими механизмами, без чего трудно понять аксиологическую сущность власти. По мнению В.Г.Афанасьева: «Управление – неперенное, внутренне присущее свойство общества на любой ступени его развития. Это свойство имеет всеобщий характер и вытекает из системной природы общества, из общественного, коллективистского труда людей, из необходимости общаться в процессе труда и жизни, обмениваться продуктами своей материальной и духовной работы»³⁹. Из данного определения следует, что основными функциями социальных институтов в обществе является функция социального управления, где социальный контроль выступает в качестве одного из важнейших элементов управления. Благодаря социальному контролю появляется возможность всем общественным системам обеспечивать четкое соблюдение нормативных условий, поскольку нарушение их наносит серьезный ущерб социальной системе.

Правовые и моральные нормы, а также обычаи и административные решения являются основными объектами подобного контроля, а действие социального контроля сводится к применению санкций в отношении лиц, нарушающих любые социальные ограничения. История свидетельствует о том, что потребности могут удовлетворяться различными путями, а выбор средств для их удовлетворения детерминировано системой ценностей, которая принята в конкретном обществе. Принятие определенной системы ценностей является базисом для определения социокультурной идентичности, что создает основной алгоритм поведения для всех членов этой общности. Социализация, а также воспитание всегда направлены на передачу образцов поведения, а также способов деятельности индивидам, которые установлены в данной общности. Как резонно подчеркивает В. Г. Афанасьев, не только

³⁸ Там же.

³⁹ Афанасьев В. Г. Человек в управлении обществом. М.: Политиздат, 1977. С. 56.

объективные условия, но и субъективные факторы определяют лицо любой власти.

Проблема исследования аксиологического базиса власти во многом зависит от того факта, что наряду со стихийными, не поддающимися программированию факторами управления, на любом историческом этапе развития общества в нем активно действуют также вполне сознательные факторы управления, которые связаны с преобразующей деятельностью людей, поэтому всегда имеют целесообразный характер. На определенном историческом этапе формируются специальные общественные институты, которые выступают в качестве субъекта управления, представляя собой множество органов и организаций. Они осуществляют свое сознательное воздействие на систему с целью реализации поставленных целей, которые могут проявляться как запрограммированные результаты. В этом плане власть является субъектом, который призван сознательно управлять поведением не только отдельных людей, но также социальных коллективов и других компонентов общественной системы, которые преднамеренно ставятся в определенные рамки, которые соответствуют социально-экономической природе системы⁴⁰.

Власть и управление представляют собой два понятия, между которыми существуют определенные различия. Применение силы наведения порядка свидетельствует о слабости власти, потому что сила власти – это управление без применения насилия. Власть – это управление не через насилие, а управление через страх применения наказания, которое может проявляться в моральной или физической форме. Вот почему справедливо будет утверждать, что власть реализуется посредством следующих факторов: 1) страх; 2) идея; 3) долг. Когда мы считаем себя обязанными, то можно утверждать, что такое управление осуществляется через ценности. Отличие же управления от власти состоит в том, что оно в чистом виде, без проявления власти реализуется не

⁴⁰ Афанасьев В. Г. Человек в управлении обществом. М.: Политиздат, 1977. С. 56.

через страх, а посредством только идеи или долга. Из данного тезиса следует, что для управления наличие власти не является обязательным, однако, чтобы взять и удержать власть необходимо уметь управлять. Можно констатировать, что власть от управления в чистом виде отличается только наличием страха, который, как правило, проявляется в принуждении. Другими словами, если кого-то принуждают что-то делать, то это управление осуществляется через власть, однако любые действия по своему желанию свидетельствуют о том, что человеком управляет «идея» или же «долг».

Социально-философские аспекты власти в ее аксиологическом ракурсе максимально проявляются в современных тенденциях, которые максимально раскрывают новые особенности современной власти, потому что «ускоренное развитие информационных технологий приводит к появлению новых тенденций»⁴¹. Они естественным образом проявились во власти различных уровней, которая не всегда и не в полной мере сумела среагировать на особенности функционирования новых глобальных социальных структур. В частности, Э. Кенетти обращает внимание на разочарование в демократических институтах, которое он объясняет отсутствием в них тайн, поскольку они там расплываются среди множества людей. В результате теряется интерес к происходящему, ведь гласность предполагает вмешательство всех членов общества во все процессы, поэтому ничего не происходит, ведь заранее все известно. Именно поэтому жалобу на недостаток политической воли стоит трактовать как разочарование отсутствием тайны⁴². С этим, по мнению Э. Кенетти, связано подсознательное стремление населения к авторитарным лидерам, поскольку с ними олицетворяется какая-то тайна и способность ее концентрации в условиях диктатуры. Э. Кенетти не дает строгого научного определения власти, поскольку в его работах даже отсутствует четкая систематизация ее проявлений, однако в труде «Массы и

⁴¹ Яценко М.П., Черный Д.С. Исследование особенностей информационного управления в контексте глобалистики // Профессиональное образование в современном мире. 2015. № 4 (19). С. 47.

⁴² Канетти Э. Человек нашего столетия. Художественная публицистика. М.: Прогресс, 1990. С. 320.

власти» мы находим довольно выразительные характеристики власти, что позволяет сформулировать ее отличительные черты. По нашему мнению, необходимо выделить основные элементы власти, которые имеют принципиальное значение для понимания сущности современной власти и ее аксиологических установок. Можно согласиться с Э. Кенетти в том плане, что насилие является важным элементом власти, и к нему прибегают для решения безотлагательных задач раньше, чем власть успевает среагировать на сложившуюся ситуацию, учитывая ее громоздкие, как правило, бюрократические механизмы. Однако подобные виды насилия аналогичны власти, проявляющей себя на биологическом уровне, а на социальном уровне власть воплощается в приказе, который следует рассматривать как инструмент реализации власти, выступая символом несвободы, потому что побудительной силой приказа выступает угроза насилием.

Скорость является третьим элементом власти, поскольку необходимость реагировать и действовать обусловлена угрозами перераспределения властных структур. По нашему мнению, особый интерес представляет четвертый элемент власти, который проявляется как «возможность задавать вопросы и получать ответы». Не менее актуальным является пятый элемент власти, дарующий представителям ее право судить и осуждать, а также шестой, где предоставлено право прощения и помилования⁴³.

В упрощенном понимании представители власти часто предполагают, что имеют дело с коллективным бессознательным, рассматривая человеческую массу с позиций физического скопления людей, обладающих своими характерными признаками. Именно человеческая масса может стать объектом разного рода манипуляций со стороны власти, активно использующей в своих целях информационные ресурсы. По нашему мнению, важность аксиологического анализа власти состоит в том, что подобный подход позволяет выработать критерии для адекватного восприятия

⁴³ Канетти Э. Человек нашего столетия. Художественная публицистика. М.: Прогресс, 1990.

современных трансформаций в социуме. Если рассматривать общество как сложную динамическую систему, то необходимо признать тот факт, что базовым понятием ее является понятие цели, характеризующей стратегический вектор общественного развития. Р.Арон показывает, что демократическое национальное государство «...имеет триединую характеристику: участие всех граждан, или подданных, в деятельности государства в двойной форме – во всеобщей воинской повинности и во всеобщем голосовании; совместимость, или равнозначность, политической воли и культурных традиций; полная независимость национального государства от зарубежных стран»⁴⁴. Однако ценностные характеристики отдельного социума имеют свою специфику.

Исследование аксиологического ракурса власти с социально-философских позиций включает в себя учет множества факторов, среди которых особое место занимают исторические традиции и менталитет. Разнообразные проявления власти в последние десятилетия подтверждаются исследованиями В.Л.Иноземцева, который доказывает, что «демократические институты, свойственные западному обществу, не могут эффективно функционировать в сегментированном обществе, состоящем из различных групп и ассоциаций...»⁴⁵. Некоторые отечественные теоретики, занимающиеся проблемами власти также используют европейскую аксиологическую шкалу также, позиционируя западноевропейский управленческий опыт в качестве универсального образца. Однако в современном мире не удастся достичь гармоничного взаимодействия различных социумов, потому что столкновения различных социальных сил пока являются заметной характеристикой современности. Государственные институты вводят в свою управленческую систему различные элементы власти, «...а не оставляют их таится в общества в качестве сил незаконных и

⁴⁴ Арон Р. Мир и война между народами. М.: Nota Bene, 2000. С. 358.

⁴⁵ Иноземцев В.Л. Иммиграция: новая проблема нового тысячелетия. Методологические аспекты // Социологические исследования. 2003. № 6. С. 35.

бунтующих»⁴⁶. Изменения в системе власти обусловлены определенными причинами.

Для понимания роли аксиологического фактора в системе власти нам важно словосочетание «жизнеспособность государства», которое вводит Л. Тихомиров. Подобный подход во много обусловлен тем, что этот ученый не поддержал распространенного среди социологов мнения о разделении стран на «прогрессивные» и «реакционные», а в качестве основного критерия жизнеспособности государства является отношение к проблеме диктатуры как прерогативы государственных структур. Поскольку государство периодически проявляет свои диктаторские функции, то демократические институты выступают как определенная форма ограничений диктатуры при решении определенных задач. Л.А. Тихомиров, анализируя сущность власти, подчеркивает один из принципиальных моментов: социальные идеалы не всегда осознаются в полной мере людьми, хотя, как свидетельствует историческая практика, в обществе сохраняется вера в наличие разумного закона, на основе которого возможна реализация конкретных социальных устремлений. Такой путь развития народа способствует постепенному оформлению власти, где господствует аристократия, представляющая собой «лучших людей», которые способны по своей природе в состоянии реализовать эту социальную разумность⁴⁷.

Другой видный отечественный мыслитель П.И. Новгородцев утверждал: для полноценного исследования аксиологических особенностей власти важно учитывать тот факт, что в нравственно-правовых нормах проявляется истинная природа социально-исторического бытия, потому что настоящий смысл истории формируется «трансцендентным единством абсолютного идеала и одинаковым стремлением всех к этому идеалу»⁴⁸. Подобный подход

⁴⁶ Тихомиров Л.А. Церковный собор, единоличная власть и рабочий вопрос. М.: Москва, 2003. С. 63–64.

⁴⁷ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М.: Айрис-пресс, 2006. С. 61.

⁴⁸ Новгородцев П.И. Об общественном идеале. Режим доступа: // <http://www.philosophy.ru/library/vehi/ideal.html>.

играет важную роль для изучения специфики влияния аксиологического фактора в системе власти.

Приход к власти новых представителей приводит к тому, что в социальной среде все чаще проповедовались новые, не всегда убедительно обоснованные ориентиры дальнейшего развития общества, что не всегда на уровне жизни и сознания простых людей отражается позитивно. Этот факт отмечают многие авторитетные ученые: «Определенная часть человечества, приближенная к социальному управлению, получает так много возможностей и прав, что может задавать векторы глобальных трансформаций общества и природы. Но этого отнюдь нельзя сказать о миллионном населения планеты (часто в социальных концепциях обозначаемых как «масса»), когда люди лишаются элементарных жизненных прав»⁴⁹. Причины такой ситуации нужно искать в том, что любой социум включает в себя индивидов, которые обладают определенными интересами, возможностями и потребностям, поэтому он не может развиваться без соответствующей системы управления, способную сохранять достаточно устойчивую общность на длительный период.

Важный аспект, связанный с аксиологическими установками власти, обусловлен управленческими отношениями, которые обладают информационными и организационными характеристиками. Необходимо подчеркнуть, что в механизме управления ведущая роль присуща принципу обратной связи, без которого искажается смысл, а также результаты управленческой деятельности. Исследование аксиологического фактора в системе власти предполагает также осознание того факта, что в качестве основных факторов управления выступают объективные закономерности, которые действуют в конкретном социуме независимо от воли и сознания людей. Закономерности, которые всегда направлены на упорядочение общественной системы, выявляются в тех обстоятельствах, когда

⁴⁹ Паршиков В.И., Табакаев Ю.В., Краснова Н.Н., Кузьменко К.А. Трансформация прав человека в обществе и в юридическом образовании // Профессиональное образование в современном мире. 2017. Т. 7. № 3. С. 1157.

формируются определенные пропорции в конфигурации различных звеньев власти, в ее ритме, темпе и направленности. Эти закономерности действуют как стихийные регуляторы, которые периодически вступают в противоречие с различными ветвями власти, хотя не всегда и не в полной мере осознаются общественностью. По мнению П.Е. Бойко, ведущая причина аксиологически окрашенной «религиозно-метафизической настроенности русской мысли заключалась в недостаточно четком и строгом разграничении логических уровней знания, постоянном смешении рассудочного, отрицательно-диалектического и положительно-спекулятивного мистического (моментов познающего духа)⁵⁰. Естественно, что эта особенность в полной мере отражалась на взаимодействии власти и масс.

Исследование аксиологических аспектов власти предполагает учет современных представлений о сущности властных механизмов, включающих в себя проблему изучения всех трех ветвей власти, ведь управление общественными процессами предполагает определенные нормы, установки и правила. Кроме того, важно учитывать, что подобный подход обусловлен активностью субъекта управления по отношению к объекту управления, поэтому он не зависит от проявлений указанных норм на уровне современного законодательства государств.

Аксиологическая направленность власти при условии сохранения особенностей данного общества является способом ее воспроизводства, поэтому она обусловлена объективными условиями и субъективными факторами. Проблема состоит в том, что в современном мире либеральная концепция власти направлена на обеспечение выгод определенной части человечества, которая позиционировала себя в качестве «цивилизационной». Осуществляется подобная политика при помощи властных структур

⁵⁰ Бойко П.Е. Идея России в русской философии истории. М.: Изд-во «Социально-политическая МЫСЛЬ». 2006. С. 12.

посредством использования СМИ, которые способствуют навязыванию своих ценностных предпочтений в качестве «общечеловеческих».

Видный итальянский деятель Дж. Сартори, комментируя современное состояние демократии, особо подчеркивает: «*идеалы* демократии – это все еще в основном греческие ее идеалы, то, значит, они адресуются к прямой, а не к представительской демократии... Поразительный факт, стало быть, состоит в том, что «мы создали представительную демократию... без *ценностной опоры*»⁵¹. Можно предположить, что для представительской вертикальной «демократии» всегда было характерно стремление соответствовать классической демократии, которая традиционно ассоциировалась с народовластием. Однако в современном мире недемократическое содержание власти тщательно и умело скрывается. Дж. Сартори предполагал, что «...демократия должна представлять собой селективную систему конкурирующих избирательных меньшинств»...»⁵². В качестве одного из главных критериев состоятельности власти выступают демократические свободы, которые обычно преподносятся как свобода обсуждения определенных действия властей, а также «свобода надеяться на то, что это неформальное общественное мнение будет оказывать какое-то влияние на принятие решений «компетентными органами»⁵³.

На важной аксиологической специфике власти, которая особо проявилась в условиях СССР, останавливается С.А. Солнцева, подчеркивая: «поскольку работодателем выступал коллективный капиталист, который осуществлял наем граждан и в сферу общественного производства, и в сферу управления им (госструктуры), то поступление на работу в Советском Союзе не воспринималось массовым сознанием как акт продажи своей рабочей силы, причем, на условиях покупателя»⁵⁴. Несмотря на то, что принципы

⁵¹ Сартори Дж. Вертикальная демократия // Политические исследования. 1993. № 2. С. 84.

⁵² Сартори Дж. Вертикальная демократия // Политические исследования. 1993. № 2. С. 85.

⁵³ Шипилов А.В. Судьба демократии в эпоху глобализации // Философские науки. 2005. № 11. С. 24.

⁵⁴ Солнцева С.А. Формула советской истории (взгляд на развитие России в условиях тотального государственного капитализма) // Вопросы философии. 2008. № 6. С. 6.

современной демократии могут различаться в деталях, они совпадают в попытке формирования массового доминирующего среднего класса, который выступает опорой демократии в современном гражданском обществе. Однако этот тезис можно считать справедливым, если подразумевать «демократию» и «гражданское общество» в их вестернистской версии. В этом случае средний класс является идеальной имитацией социальной структуры, которая маскирует реальное социальное народовластие, где имитационная демократия выводит власть за пределы публичных политических процессов. Однако, как свидетельствует историческая практика, «гражданское общество» – термин, отражающий социологическую конструкцию, в которой воплощена либеральная мечта о мире, который состоит «...из общественных групп, членство в которых индивидуально и не предполагает принуждения, – и ни из каких иных»⁵⁵. Опасность их состоит в том, что индивидуалистические тенденции, характерные для Запада, некоторыми политологами позиционируются как надежда на пресловутое гражданское общество, которое не зависит от власти говорящего. Можно согласиться с А.Н. Уайтхедом, который отмечает, что проблема общественной жизни представляет собой проблему определенной суммы индивидуальных действий, а также пределов их объединения⁵⁶. Эта проблема вначале проявляется как чисто теоретическая, которая может быть понята в контексте проблемы передачи индивидом части своих полномочий институтам государства. При таком подходе государственные институты сохраняют свои полномочия посредством устоявшихся механизмов на законном основании управлять обществом. Для того чтобы охватить все факторы, которые формируют аксиологические установки властных структур, описания традиционных механизмов управления явно недостаточно, поскольку для понимания всего спектра ценностных установок требуется более широкий взгляд на эту проблему.

⁵⁵ Walzer M. *Politics and Passion. Toward a More Egalitarian Liberalism*. New Haven (Ct.), London, Yale Univ. Press, 2004, p. 66.

⁵⁶ Уайтхед А. Н. Избранные работы по философии. М., 1990. С. 417.

Таким образом, проблема исследования аксиологических особенностей власти состоит в том, что в концепции однополярного мира субъектами власти часто игнорируется понимание многомерности социального процесса, выступающего в качестве комплексных, аксиологических установок объектов, которые отражают множественность влияющих на него постоянных и преходящих фактов. Именно поэтому проблема аксиологической обусловленности власти должна решаться не только с позиции признания отличительных черт каждого общества, но и соответствующих, выработанных каждым обществом ценностных установок. В современном трансформирующемся мире особо востребованными являются концепции, раскрывающие принципы действия властных структур, которые учитывают смену социокультурной парадигмы и соответствующей аксиологической шкалы, адекватных управляемому обществу. Они должны разрабатываться на основе диалектики тождества и различия обществ, поскольку каждое из них обладает собственной идентичностью, и власть обязана опираться на аксиологическую шкалу конкретного общества

1.2. Аксиологические факторы в субъектно-объектной структуре власти

В современном мире одной из важнейших функций власти является способность правильно выстраивать связи с электоратом. Оптимизация отношений между властными структурами и представителями общественности особенно необходима в тех случаях, когда плюрализм традиций, интересов и ценностей использовался в качестве эффективного метода снижения напряженности в социуме, способствуя таким образом повышению его устойчивости. Управление любого уровня всегда включает в себя основные элементы, которые возникают как следствие реализации управленческих функций, что является существенным для понимания роли аксиологического фактора в субъект-объектной структуре власти. Субъект

управления выполняет функции руководства, воздействуя при этом на объект, чтобы перевести его в новое состояние в качестве структурно-организованной социальной общности. Подобный подход позволяет позиционировать объект управления как структурированный социум, который в процессе своего функционирования, находится под направляющим воздействием субъекта, что обусловлено необходимостью достижения общих целей, поставленных перед системой управления государственными органами. Естественно, что мы исходим из адекватности существующей системы управления, поскольку она иначе не сможет функционировать и будет заменена другой.

В субъект-объектных отношениях наиболее ярко проявляются аксиологические особенности власти, потому что субъектный состав власти представляет собой двухуровневую модель. Первый уровень представляет собой само население, а субъектами второго уровня выступают отдельные жители, непосредственно выражающие свою волю по тем вопросам, которые вызывают всеобщий интерес. Также необходимо отметить, что двухуровневая модель в максимальной степени характеризует объектный состав местного самоуправления. Объектом первого уровня выступают местные, текущие дела сообщества, которое постоянно проживает на данной территории, в то время как объектом второго уровня выступает собственно местное сообщество.

Власть не может игнорировать те ценностные установки, которые лежат в основе осмысления человеком социального мира. Социально-политические ориентации в публичной сфере в значительной степени ориентированы на те действия, которые соотносятся с общественной полезностью. Они обусловлены потребностями, на которых базируются жизненные планы каждого человека. Базовые аксиологические установки становятся приоритетными в практической жизни, что обуславливает реализацию определенных форм поведения в процессах социальной адаптации, что часто может происходить неосознанно.

Представители власти должны также учитывать тот факт, что социокультурная среда выступает важнейшим элементом формирования целостной личности. Эта особенность обусловлена воздействием социокультурной среды на сознание отдельного члена общества, которое часто осуществляется через ментальные механизмы мотивации и понимания событий, а не только в виде прямых административных указаний, регламентирующих его возможные действия. Различные уровни преобразований социума (глобальные, региональные и локальные) затрагивают прямо или косвенно сознательные и подсознательные системы регуляции поведения человека в сфере общественной жизни, что особенно проявляется в информационную эпоху. Например, сфера общественной жизни значима для 17% опрошенных. В этой сфере в первую очередь выделяются такие ценности, как духовное удовлетворение, сохранение собственной индивидуальности; активные социальные контакты. В сфере общественно-политической жизни ценностная ориентация на собственный престиж выражается в стремлении придерживаться массового стереотипа восприятия событий, следовать авторитетным источникам, наиболее распространенным модным течениям⁵⁷.

Структура управленческих механизмов, имеющих различные количественные сочетания, позволяет адекватно оценить аксиологический аспект в системе власти, что обусловлено субъектно-объектными отношениями. Аксиологический фактор власти в ее субъект-объектном разрезе в любой управленческой системы предполагает учет многих факторов, которые связаны с управлением человеческими сообществами. В идеале любое государственное управление представляет собой деятельность, направленную на поддержание системы, в которой внешнее управление и самоуправление выступают как взаимообусловленные явления. Любая

⁵⁷ Шипунова О.Д., Березовская И.П. Ценностные приоритеты современной молодежи в социальной адаптации // Дискурс. 2020. Т. 6. №3. С. 39.

историческая эпоха представлена двумя формами власти, однако их соотношения различны, поскольку в конкретное время одна наблюдается доминирование одной из них. Здесь важно обратить внимание на тот факт, что верховенство внешнего управления может препятствовать развитию общества, сдерживая так называемые «демократические процедуры».

Аксиологический анализ власти предполагает понимание того факта, что социальные явления всегда выступают как уникальные, однако при всей своей довольно противоречивой природе их можно рассматривать с позиций законосообразности. В то же время их уникальность проявляется в определенных формах социальной жизни, элементами которой выступают конкретные социальные структуры, отражающие уникальные проблемы, а также способы их разрешения на конкретном историческом отрезке⁵⁸. Аксиологический фактор власти особенно ярко проявляется в системе самоуправления, где объектами и субъектами управления являются коллективы, а также отдельные личности. Можно утверждать, что субъект-объектные отношения в самоуправлении носят двойственный характер, потому что его участники являются «продуктом традиций, в которых он живёт, сплочённых групп, к которым он принадлежит, процессов социализации, в которых он достигает зрелости»⁵⁹.

Исследуя аксиологическую природу власти, важно подчеркнуть, что в современном мире субъектом управления являются обладатели капитала, в то время как в качестве объекта выступают работники интеллектуального и физического труда. Можно констатировать, что субъект-объектные отношения в управленческой системе были опосредствованы отношениями, которые в той или иной степени обусловлены капиталом и материальным богатством. Это означает, что в период накопления капитала в системе общественного устройства и механизма управления действуют

⁵⁸ Розин В.М. Опыт построения методологического курса, выполняющего функции навигатора для программ и курсов «История и философия науки» // Философские науки. 2005. №11. С. 137–138.

⁵⁹ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2001. С. 202.

«перевернутые» объект-субъектные отношения, что четко просматривается с аксиологических позиций.

Любые социальные объединения способствуют трансформации ценностей их представителей в соответствии с определенными политическими целями, однако укрепляется вера в их возможную реализацию. П. Сорокин утверждал, что любое объединение можно исследовать как социальное, если у людей имеются общие социальные функции и роли⁶⁰. Ощущение легитимности власти формируются посредством символического капитала и легитимизируется социальная стратификация. При этом часто осуществляется смена социального статуса без должного основания⁶¹. Если мы рассматриваем реализацию властных полномочий как субъект-объектные отношения, то придется исходить из понимания социума как определенной целостности. В этом случае организация опосредствует отношение между целями, которые выступают как идеальные проекты, приобретающие определенные образы результатов деятельности и средств их достижения, т.е. в этом случае проявляется особый алгоритм: генерация идей – организация – реализация. Подобную триаду можно рассматривать в качестве фундамента для основательного понимания природы власти и ее аксиологического аспекта. Выполнение данной опосредствующей роли предполагает организацию образов, которыми руководствуется власть, включающая определенные средства и результаты их реализации. Сюда входят еще несколько составляющих: отношения людей к образам, средствам и результатам; отношения между людьми, возникающими на основе властных полномочий, а также рефлексии самой организации как процесса и результата. Однако социальное пространство в последние десятилетия характеризуется чаще всего не реальностями, а фикциями, что особенно проявляется в дискуссиях о разновидностях демократии, правах человека, а также степени

⁶⁰ Сорокин П. А. Национальность, национальный вопрос и социальное равенство. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Sorok2/12.php.

⁶¹ Karoui M., Dudezert A., Leidner D. Strategies and symbolism in the adoption of organizational social networking systems // The Journal of Strategic Information Systems. 2015. Vol. 24. Is. 1. P. 15-32.

цивилизованности общества. Действительность реальной демократии, о которой постоянно говорится на уровне мирового социального сообщества, справедливо названным Ги Дебором «обществом спектакля», когда благодаря новейшим информационным технологиям, оправдываются двойные стандарты и совершается управление массовым сознанием посредством помощи идеологических дизайнеров. Однако проблема состоит в том, что досужие рассуждения о демократии, правовом государстве и различных моделях рынка приводят к тому, что игнорируются внутренние отношения, которые возникают между людьми и властными структурами. «Поскольку люди живут в динамично развивающемся обществе и не могут контактировать друг с другом, т.к. потребность в коммуникации является одной из базовых потребностей человека, то у них формируется необходимость в изучении уровней протекания полилога с Другим, что способно... улучшить качество коммуникации между респондентами, поскольку злобно-недоверчивые отношения людей малопродуктивны»⁶².

Важность исследования субъект-объектных отношений в системе власти обусловлена тем, что власть не может существовать без наличия соответствующих управленческих механизмов, которые всегда имеют определенный аксиологический вектор для решения задач, актуальных для конкретного социума в определенный исторический период. В этом плане вполне справедливым представляется следующее утверждение Н.В.Старикова: «Власть – это материализация ожиданий граждан, которые делегировали ей полномочия»⁶³. Управление, которое можно рассматривать в качестве внешнего проявления власти, может реализоваться как целенаправленная деятельность определенного субъекта или группы субъектов управления на основе легитимных полномочий или как проявление

⁶² Иванова Е.М., Пономарев В.А. Уровни осуществления полилога с позиции теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса и их влияние на трансформацию традиционных концепций диалога в полилог // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. №33(324). Философия. Социология. Культурология. Вып. 30. С. 118.

⁶³ Стариков Н.В. Власть. СПб.: Питер, 2016. С. 206.

собственной инициативе. Если исходить из идеальных позиций, то важно подчеркнуть, что властная деятельность должна проводиться в интересах общества, для обеспечения его гарантий безопасности, а также постоянного роста благосостояния. Субъекты власти, которые берут на себя ответственность за судьбу определенной социальной группы, в глобальном мире находятся под влиянием всего мирового сообщества и в какой-то мере зависят от него. «Исследования показывают, что на реальные процессы модернизации и возникновение ловушек развития наряду с экономико-демографическими факторами, оказывают существенное влияние институциональные, культурные, ментальные особенности, присущие рассматриваемой стране»⁶⁴.

Для адекватного исследования роли аксиологического фактора в системе власти важно учитывать различия между институциональным и функциональным содержанием властных структур. Для исследования этой стороны государственной структуры Аристотелем был разработан специальный метод отклонения, сохраняющий свою актуальность в современной гуманитарной науке, поскольку подобный подход можно рассматривать в качестве оптимального для исследования динамики амплитуд возможных отклонений государственной системы от стандартного состояния. В разрезе данного исследования это позволит полноценно оценивать степень соответствия властных структур социальной действительности, базируясь на имманентной способности системы самостоятельно возвращаться к уровню своего изначального функционирования. Если использовать этот подход для исследования аксиологических особенностей властных институтов в трансформирующихся обществах, то здесь в первую очередь оценивается способность их возвращаться к своему стационарному состоянию за счет своих ресурсов, преодолевая при этом издержки отклонений от указанного

⁶⁴ Малков С.Ю. Россия в контексте мировой динамики // Россия в XXI веке: глобальные вызовы, риски и решения. Анализ. Экспертиза. Рекомендации: Монография /под общ. ред. акад. М.Ч.Залиханова, проф. МНЭПУ С.А.Степанова. – Москва: изд-во МНЭПУ, 2019. С. 71.

состояния, а также компенсируя издержки. Субъективная культура выполняет регулятивную функцию, проявляющуюся в социотипическом поведении личности, которая регулирует его в стандартных для данной общности ситуациях, освобождая при этом «индивида от принятия индивидуальных решений»⁶⁵. Вот почему «...процесс адаптации предполагает единство изменения и сохранения (изменчивости и устойчивости) в жизнедеятельности социальных субъектов социума в целом. Личность как ключевой социальный субъект определяет меру этого единства»⁶⁶.

Аксиологический подход к власти требует понимание того факта, что на теорию управления оказали влияние социология, психология, социальная психология, а также антропология. Особенностью этих наук является культурный контекст (тип общества; цивилизационный выбор и т.п.), вне которого они не в состоянии адекватно анализировать поведение людей, вовлеченных во власть. На базе культуры обновляются ценности и нормы, унаследованные из прошлого, но детерминированные современными процессами, происходящими в обществе. При помощи социокультурных механизмов, в особенности образования, основные ценности транслируются от поколения к поколению, наделяя представителей общества определенными стереотипами поведения. Сформированная таким образом социальная память становится базисом аксиологической системы, включающей в себя традиции, ценности и нормы поведения, которые проявляются в разнообразной деятельности людей. «Как результат – правила, которые управляют обществом, теряют для индивида всякий смысл – наступает изоляция, не только вследствие исторического развития общества, его дифференциации, но также из-за желания общества отречься, избавиться от некоторых своих членов. Не имея ни статуса, ни социальной роли, не в силах отделаться от проблемы цели собственной жизни, индивиды выпадают из интегрированного

⁶⁵ Асмолов А.Г. Психология личности. М., 1990. С. 271-272.

⁶⁶ Попов В.Г., Карпов В.В. К вопросу о соотношении понятий «социальная адаптация» и «социализация» // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 33(324). Философия. Социология. Культурология. Вып. 30. С. 152.

общества и стоят перед выбором: либо ликвидировать инстанцию, которая создает проблемы, т.е. самоуничтожиться, либо противостоять социуму, либо погрузиться в самую глубину своего внутреннего мира, чтобы достичь понимания собственной идентичности»⁶⁷.

Аксиологический аспект субъект-объектных отношений в системе власти позволяет осознать тот факт, что эффективное управление предполагает систему разумного контроля не только за принятым решением, но также за его исполнением. Доминирование традиционных взглядов обуславливает также широкое распространение представлений о глобальной управляемости как символе мондиализма. Имеются в виду общественные представления о мировом правительстве, которые могут иметь довольно широкий диапазон властной вариативности, однако всегда подразумевают признание определенного центра, благодаря чему реализуются государственные функции любого уровня. Подобный подход базируется на таком принципе управления миром, при котором происходит отрицание многих государственных функций, хотя признается наличие коллегиального и демократического руководящего субъекта. Здесь большое значение приобретают процессы становления и правового оформления социальных норм, которые имеют свою специфику, потому что члены общества заметно различаются не только своими правами, но и обязанностями. Из этого тезиса следует, что их «...возникновение и развитие является непосредственным отражением возникновения и развития недемократических институтов»⁶⁸. Естественно, что власть в этом случае вынуждена приспособливаться, играя несвойственную ей роль.

Важно остановиться на еще одном существенном аспекте, без которого аксиологическая сущность власти вряд ли будет понята в полной мере. Он обусловлен деятельностью субъектов и объектов политической власти,

⁶⁷ Астэр И.В. Кризис социальных связей и проблема одиночества в условиях российского мегаполиса // *Credo*. 2010. №2(62). С. 121.

⁶⁸ Шипилов А.В. Судьба демократии в эпоху глобализации // *Философские науки*. 2005. №11. С. 32.

поскольку на протяжении длительного исторического периода значительно менялись нравственно-этические представления социальных групп не только о сущности политических процессов, но также о политической деятельности конкретных социальных групп. Все это так или иначе определяется степенью политической культуры, которая может выступать критерием, по которому можно определить степень освоения человеком и обществом общезначимых образцов политической деятельности. Другими словами, удастся выяснить, насколько их оценки соответствуют нормам практической деятельности, признанным в качестве культурных образцов в демократическом обществе. С другой стороны, исполнительная и законодательная власти вынуждены постоянно соизмерять свою деятельность с идеалами политической культуры, исторически сложившимися и традиционно принятыми в конкретном обществе. Из указанных тезисов следует, что не только отношение людей к власти, но и власти к обществу ярко выражают сущность политического процесса, который является одним из важнейших критериев культурного развития общества, задавая соответствующий тренд всему социальному прогрессу.

Современный человек постоянно ощущает дисгармонию в обществе, потому что «для нравственного сознания всегда существует неизбывный трагический конфликт между личностью и обществом, между личностью и семьей, между личностью и государством, между личностью и личностью. И всегда происходит трагическое столкновение морали личной и морали социальной»⁶⁹ Именно поэтому самочувствие человека, как и целого общества, в значительной мере зависят от удовлетворения социальных связей, ведь «если индивид не имеет достаточно этих связей, наступает чувство одиночества. Одиночество можно описать как неприятное чувство,

⁶⁹ Бердяев Н.А. О назначении человека. М., 1993. С. 144.

являющееся результатом взаимодействия личностных и социальных факторов»⁷⁰.

Особенности существующей системы власти максимально проявляется в том, что полноценный субъект управления обществом исходит из осознания естественного состояния данного общества, поэтому власть способствует разворачиванию такой модели развития, которая не допускает роста социальных энтропий и позволяет обществу самостоятельно совершенствоваться. Этот подход предполагает соответствующую систему управления. Концепция управления, базирующаяся на работах отечественных мыслителей, представляет собой образ действительности общественной жизни России. Именно поэтому такой подход является основополагающим в процессе изучения проблем, связанных с антиэнтропийным управлением обществом⁷¹. Ю.Хабермас справедливо указывает, что «нормативно правильным для человека является жить в согласии с тем, что от тебя ожидают люди из непосредственного социального окружения, сохранять доверие со стороны других, хранить верность и уважение к ним, быть им благодарным»⁷². К сожалению, современный представитель власти «не раздражает местных жителей чуждыми им идеологиями и жестокостью; он развращает их преимущественно через потребление и увеселение»⁷³.

Субъект-объектные отношения во властных системах во многом обусловлены тем, что традиционная либеральная теория базируется на примате индивидуального над групповым и, соответственно, рационального над чувственным, поэтому предпочитает неравенство равенству. Базисом распространенных утверждений, касающихся универсальности прав человека и его потребностей, которые так или иначе приводят к проблеме свободного самоопределения индивида, являются культурно-антропологические теории.

⁷⁰ Фаррахов А.Ф. Порочный круг одиночества // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. №33(324). Философия. Социология. Культурология. Вып. 30. С. 94.

⁷¹ Чуринов Н.М. Совершенство слова и дела // Теория и история. 2007. № 1. С. 21.

⁷² Хабермас Ю. Массовое сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2001. С. 359.

⁷³ Кельнер Х., Х.-Г Зофнер. Культурная глобализация в Германии // Многоликая глобализация / Под ред. П.Бергера и С.Хантингтона. – М.: Аспект Пресс, 2004. С. 162.

Согласно им индивид является независимым, разумным и всегда стремящимся к собственности существом. Именно поэтому любые утверждения о свободе современного человека в общественных структурах является блефом, который посредством СМИ усиленно распространяется органами власти. Важно подчеркнуть, что подобные социальные группы обладают большей устойчивостью, чем добровольные сообщества, потому люди в принципе не в состоянии достичь равенства, как бы они ему ни поклонялись⁷⁴. Для доказательства указанного тезиса используется язык рынка, который является результатом доведенного до крайности антропоцентризма. Вот почему проповедуемое либералами «оптимальное [демократическое] наделение властными полномочиями всех членов общества еще никогда не реализовывалось на практике, и что социальное и экономическое неравенство препятствует применению принципов демократии»⁷⁵. Однако в современном обществе существуют не только социальные группы, формирование которых является сознательным актом, но также те общества, где люди «никогда не вступают, но к которым обнаруживают себя принадлежащими»⁷⁶. Все это естественным образом влияет на качество власти в конкретный исторический период.

Проблема власти в ее аксиологическом проявлении в подобных ситуациях приводит к обратным, по сравнению к декларируемым, результатам: а) настойчивое декларирование равенства приводит к реальному неравенству; б) в законах проявляются двойные стандарты; в) увеличение богатств порождает нищету; г) активная борьба за мир на практике приближает войны. В истории часто встречалась неадекватная времени и пространству власть, однако финансовая олигархия оказалась самой алчной и в этом отношении самой опасной не только для конкретного социума, но и для

⁷⁴ Walzer M. *Politics and Passion. Toward a More Egalitarian Liberalism*. New Haven (Ct.), London, Yale Univ. Press, 2004, p. 18.

⁷⁵ Walzer M. *Politics and Passion. Toward a More Egalitarian Liberalism*. New Haven (Ct.), London, Yale Univ. Press, 2004, p. 23.

⁷⁶ Там же, p. 11.

всего человечества. В.Катасонов уверен, что появление мировых финансовых монстров заметно изуродовало жизнь человека в обществе⁷⁷. Дело в том, что «неотъемлемые права на жизнь, свободу и стремление к счастью» предназначены исключительно для избранных и преуспевающих в конкурентном мире. «Земля равных возможностей» стала своего рода лотереей, в которой только один достигнет вершины, победив всех других»⁷⁸. Естественно, что подобный разрыв между властью и обществом становится все более заметным.

Проблема аксиологического наполнения субъект-объектных отношений в системе власти представляет интерес не только для узких научных направлений, но и для социальной философии, ведь она затрагивает все узловые моменты социальной теории управления обществом. Кроме того, специализированные науки не в состоянии реализовать аксиологический подход по отношению к тем ценностям, которые предполагаются их деятельностью, поскольку для этого требуется соответствующий уровень философского анализа. Именно поэтому у Аристотеля отчуждение носит вполне определенный характер, поскольку «оно связано с функционированием государства как «общения свободных людей», объединенных в самодовлеющее целое, и означает исключение или передачу из этого целого собственности, которая должна быть общей только в относительном смысле, а вообще – частной»⁷⁹. Первый шаг к праву на участие во власти заключается в осознании отчуждения, поскольку оно не может быть упразднено только в результате политической победы. Требуется длительный исторический период цивилизационного развития по замещению абстрактного труда осознанной творческой деятельностью. Взаимоотношения между властью и обществом можно рассматривать как подтверждение

⁷⁷ Катасонов В. Экономическая теория славянофилов и современная Россия. М.: Институт русской цивилизации, 2014.

⁷⁸ Кассим М.Х. Джассим. Антиамериканская мечта в работах современных американских драматургов Дэвида Мамета и Сэма Шепарда // Вестник Орловского государственного университета. – 2011. – №2(16). С. 381.

⁷⁹ Кальной И.И. Отчуждение: истоки и современность. Симферополь: Таврия, 1990. С. 9.

наличия метафизического дуализма, т.е. разделения того, что на самом деле «соединено неразрывным единством»⁸⁰. Хотя абстрактный отчужденный труд имеет право на власть, однако сам он не в состоянии реализовать это право на практике, поскольку для этого требуется особый субъект, обладающий властью. Причем эта власть должна иметь вполне реальные параметры, потому что это под силу только субъектам диктаторского уровня или, как минимум, монарху и аристократам, которые выступают в интересах труда. Исследователь Т.Сергейцев справедливо подчеркивает: «Включение человека в деятельность, даже полностью осознаваемое самим человеком, осуществляемое исключительно по решению человека, не отменяет того факта, что деятельность поглощает его жизнь»⁸¹. Можно оспаривать категоричность этого тезиса, однако он имеет смысл по отношению к представителям власти.

Для полноценного исследования аксиологических особенностей власти, проявляющейся в субъект-объектных отношениях, важно учитывать, что перед энтропийными процессами социальная реальность бывает беззащитнее, чем природа. Подобный тезис обусловлен тем, что выстроить систему реального противодействия энтропии удастся только тогда, когда произойдет глубокое осознание членами общества всеобщей связи явлений. Эти знания являются результатом изучения процессов увеличения стройности и нестроения в обществе, причем сферы, связанные с управленческими функциями, играют здесь ведущую роль. Тем более, что «борьба за власть – это всегда борьба за проекцию будущего»⁸², потому что все понятно «только тем, кто не имеет к власти отношения, кто не знает настоящих и глубинных принципов ее функционирования»⁸³. История подтверждает указанный тезис Н.В.Старикова.

⁸⁰ Чуринов Н.М. Индивидуализм и коллективизм: трансцендентный и соборный субъекты // Теория и история. 2004. №2. С. 136.

⁸¹ Сергейцев Т. К социологии русского постсоциализма // Однако. 2014. Апрель-май. С. 45.

⁸² Стариков Н.В. Власть. СПб.: Питер, 2016. С. 57.

⁸³ Там же. С. 6.

Отличительной чертой современности становится востребованность четких правил взаимоотношений, которые обязательно должны включать в себя такие ведущие понятия, как стабильность, возвращение государству части социальных функций. Кроме того, понимание особенностей самоуправления предполагает четкое обоснование сущности власти вообще. Учет аксиологического фактора способствует более полному выражению интересов людей, проживающих на конкретных территориях, а также перемещению на уровень местного самоуправления центра принятия решений, связанных с местной проблематикой. В процессе осуществления реформ местного самоуправления на первый план выдвигается проблема, суть которой заключается в установлении соответствующего баланса между централизацией и децентрализацией, а не в предпочтительном выборе одного из этих процессов, поскольку власть должна максимально соответствовать реальным условиям, в которых существует социум. Можно согласиться с Л.А.Тихомировым в том плане, что эффективность учреждений должно измеряться следующими критериями: 1) силой власти, потому что бессильная власть теряет смысл; 2) практичность власти, т.е. она не должна быть отчужденной от реальных интересов социума; 3) законность действий власти, т.е. недопущения заметных отклонений «...от обдуманно установленных и объявленных во всеобщее сведение путей действия, одинаковых для правительства и подданных»⁸⁴.

В разрезе данного исследования необходимо акцентировать внимание на важной особенности: если местное сообщество позиционируется как субъект, то оно приобретает публично-властные формы организации, но проявляет свою социальную сущность в качестве объекта. Такая структура не только позволяет выявить, но также фундаментально исследовать аксиологические особенности власти, которая по-разному проявляется на различных этапах развития социума. Аксиологический аспект власти выражается не только и не

⁸⁴ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М.: Айрис-пресс, 2006. С. 532.

столько в попытке охватить все проявления социальных взаимодействий, но в необходимости модернизации того инструментария, который используется в управленческом процессе. Этот управленческий инструментарий должен быть прямо пропорционален изменениям, происходящим в обществе, в первую очередь, в его социокультурной сфере, которая представляет собой пространство динамично меняющихся ценностей. В процессе совершенствования общества происходит усложнение общественной структуры, что востребует новые, более совершенные механизмы власти. Во многом подобная ситуация была обусловлена тем фактом, что в современном мире нацию не является базисом государственного суверенитета, поскольку все чаще рассматривается в качестве «сосуда для реализации гражданской свободы». Они считают, что тезис об уникальности государственно-правового устройства потерял свою значимость, поэтому «национально-государственное мышление и действия должны быть денационализированы»⁸⁵. В современном глобализирующемся мире универсальную основу гражданской идентичности составляют права и свободы граждан. В этом плане принципиальное значение приобретает понятие «менталитет», который выступает как «социально-психологическая характеристика определенного элемента субъективной реальности»⁸⁶. Естественно, что здесь важную роль играет аксиологический фактор.

Субъект-объектные отношения во властных системах актуализируют аксиологический фактор, поскольку проблема выбора достойных представителей власти представляет собой субъективный акт, который предполагает наличие у граждан, участвующих в выборах, наличия собственных целей, понимания сущности происходящего, а также воли. При этом выбор конструируется субъектом искусственно даже в тех ситуациях, которые не допускают альтернатив, но часто имеет более узкий диапазон по

⁸⁵ Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. М., 2000.

⁸⁶ Чуринов Н.М. Совершенство слова и субъективная реальность // Теория и история. 2007. № 2. С. 161-162.

сравнению с потенциальными возможными альтернативами⁸⁷. Представители власти могут выступать в качестве модусов социальной значимости, и общество заинтересовано, чтобы они, являлись стимулами деятельности, были доступны обществу. Однако социум, как правило, контролирует деятельность личности, которая ориентирована на достижение власти. По крайней мере, без соответствующей рефлексии процесс приобщения к власти вряд ли возможен. Существуют процедуры, позволяющие гарантировать доступ к ценностям, что дает власть. Это необходимо для того, чтобы конкуренция людей из-за ценностей была введена в определенные рамки и не была источником постоянного напряжения и хаоса⁸⁸.

Можно утверждать, что власть проявляет себя в управляемости, которая в свою очередь находит свое выражение в развитии, приобретаемому определенному вектору. Однако этот процесс не всегда подразумевает регламентацию способов функционирования определенных социальных институтов, поэтому не совсем корректно рассматривать в качестве синонимов словосочетания «управляемость миром» и «управление миром». Данный аспект приобретает особое значение, когда происходит процесс формирования нетрадиционных форм общности в системе многосоставных сетевых образований, которые свидетельствуют о появлении нового типа субъектности. Дело в том, что, по мнению А.Гулыги, «каждый облаченный властью всегда будет злоупотреблять своей свободой, когда над ним нет никого, кто распорядился бы им в соответствии с законом. Вот в чем трудность стоящей перед человечеством задачи. Полностью решить ее невозможно, но приблизиться к решению – веление природы. Три условия в их сочетании необходимы для этого: правильное понятие о государственном устройстве, в течение веков приобретенный опыт, добрая воля»⁸⁹.

⁸⁷ Алаев Л.Б. «По последним данным разведки мы воевали сами с собой» (к вопросу об основном противоречии нашей эпохи) // Восток (ORIENS). 2002. №4. С. 52.

⁸⁸ Смирнов П.И. Социальная значимость как основная личностная ценность // Вестник ЛГУ. Серия 6. 1990. С. 41.

⁸⁹ Гулыга А. Кант. М.: «Молодая гвардия», 2005. С. 131.

Субъект-объектные отношения проявляются в то, что социальное управление не является односторонним воздействием управляющей социальной системы на управляемую. Социальное управление реализуется в качестве диалектического взаимодействия между его субъектом и объектом, и оно остается адекватным до тех пор, пока сохраняются многообразные прямые и обратные связи между ними. В процессе реализации задач государственного управления и самоуправления, т.е. в условиях реального функционирования власти возникают проблемы субъект-объектных отношений, которые особенно проявляются в аксиологическом ракурсе.

Важное направление исследования аксиологической сущности современной власти предполагает анализ политико-правовых ситуаций, касающихся управления, потому что они актуализируют многие ценности современной техногенной культуры. Дело в том, что аксиологический вектор власти во многом обусловлен новыми технологиями программирования массового сознания, которые создают условия для инициации разнообразных практик информационного насилия. Эти практики могут быть завуалированы, создавая иллюзию добровольного выбора личности представителей власти в демократическом обществе. Именно поэтому проблема защиты личности от информационной власти приобретает новые аспекты, и она в значительной мере обусловлена аксиологическим фактором. Вот почему адекватное понимание властных механизмов возможно только в их тесной взаимосвязи с традициями конкретного общества и выработанной ценностной системой. Этот вектор обусловлен тем фактом, что «...технико-технологическая неоднородность развития мирового социума, хотя и создает противоречия между его отдельными частями, не является антагонистической по своему содержанию, поскольку продукты и достижения технико-технологической

деятельности развитых стран с течением времени становится доступными для остального человечества»⁹⁰.

Аксиологические установки субъектов, т.е. представителей власти на местах зависят от того, в какой мере они выражают мнение социальных слоев. При этом они могут не являться обычной группой политических деятелей, которых часто используют как своеобразное орудие неконструктивной оппозиции. В качестве важного примера положительного использования практики местного самоуправления, неоднократно подтвердившего свою состоятельность на длительном историческом пути, необходимо рассматривать Земские соборы. Они были связаны тесным образом с развитием внутренней организации национальных и социальных слоев, т.е. отражали ценностные устои значительной части населения. Выступающие в качестве представительства организованных социальных групп Земские соборы играли значительную роль в общественной жизни страны, что обусловлено незаменимостью «советных людей» в государственных учреждениях⁹¹.

Современная система ценностей подвержена влиянию культуры техногенной цивилизации, выступая в качестве ее культурно-генетического кода, в соответствии с которым она воспроизводится и развивается⁹². В системе государственного управления особенно востребованным является формирование адекватных обществу властных структур, включающих в себя необходимость согласования в системе их функционирования территориального и общественного начал. В процессе реализации власти многие ее функции выделяются в отдельные функциональные подразделения, поэтому они перестают быть присущими власти как таковой. В качестве

⁹⁰ Петрищев В.Н. Современное общество в контексте теории универсального эволюционизма Н.Н.Моисеева. Междисциплинарный подход // Россия в XXI веке: глобальные вызовы, риски и решения. Анализ. Экспертиза. Рекомендации: Монография /под общ. ред. акад. М.Ч.Залиханова, проф. МНЭПУ С.А.Степанова. – Москва: изд-во МНЭПУ, 2019. С. 95.

⁹¹ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М.: Айрис-пресс, 2006. С. 528-529.

⁹² Степин В. С. Философия и поиск новых ценностей цивилизации. – Доклад на IV Российском философском конгрессе 24–28 мая 2005 г. Москва // Вестник Российского философского общества. 2005. № 4. С. 16.

примера можно привести право на насилие, потому что по мере развития общества на первый план выходит понимание власти как орудия достижения компромисса и контроля соблюдения всеобщей договоренности, а не как насилия с целью реализации воли. Сегодня происходит проблематизация кардинальной идеи прав человека, что во многом обусловлено современными технологиями программирования массового сознания, при помощи которых инициируются разнообразные практики массового информационного насилия. Внешне они маскируются под вполне демократические процедуры, поэтому часто выглядят как добровольный выбор личности. Наличие субъектов и объектов современного глобализационного процесса доказывают тот факт, что данный момент процессы управления находятся под сильнейшим давлением стран-субъектов, что обусловлено тем фактом, что процесс развития современного мироустройства не является социально нейтральным и безликим. Часто попытки конкретного общества сохранить свои традиции рассматриваются как проявление отклонение от прогресса, поскольку вестернистская шкала ценностей позиционируется в качестве общечеловеческой. Естественно, что все это отражается на власти как таковой и ее представителях.

Полноценное исследование аксиологической специфики субъект-объектных отношений в различных управленческих системах предполагает анализ особенностей социальных отношений, сложившихся на данный момент в конкретном социуме. Вот почему так важно создавать условия для увеличения членов общества, выступающих в качестве субъектов исторического процесса, ведь разделение на субъектов и объектов власти, сложившееся в современном мире, не отражает чаяний значительной части человечества. Необходимость серьезной корректировки обусловлена тем, что в современной системе власти не всегда учитываются аксиологические установки не только отдельных социумов, но даже их представителей власти. На этом основании можно утверждать, что местное самоуправление должно распространяться только до той границы, за которой будут нарушены

интересы представителей конкретного общества. т.е. до тех пор, пока права жителей будут доминировать над государственными, а они будут в состоянии осуществлять непосредственный контроль над процессами управления. Подобные примеры свидетельствуют о том, что подобные проблемы имеют социально-философский ракурс исследования.

Базисом для исследования аксиологических особенностей субъектов и объектов власти может быть опыт самоуправления, который веками вырабатывался в конкретном обществе. Местное самоуправление в современных условиях является оптимальным средством общественного развития, под которым подразумевается разновидность публичной власти, одна из форм организации государственного управления на местах. Местное управление представляет собой часть общей государственной системы, которая управляется посредством местных жителей, которые заинтересованы в результатах местного самоуправления. Аксиологические предпочтения в системе местного самоуправления обладают определенной спецификой, потому что основным социальным элементом здесь выступает территориальное общественное самоуправление. Оно представляет собой форму прямого волеизъявления народа, основанного на его самоорганизации по месту жительства с целью совместного удовлетворения материальных и духовных потребностей. Самоорганизация здесь понимается как наиболее активный элемент в системе общественного развития. Подобные тенденции оказывают заметное влияние на специфику реализации принципов самоуправления, которое в последнее время часто приобретает виртуальные черты. Особенность самоуправления состоит в том, что оно сочетает в себе как общественное, так и государственное начала, что вызывает к жизни особую аксиологическую шкалу. Об этом свидетельствуют примеры из истории России. Например, революция 1917 года уничтожила строй, при котором были достигнуты не только серьезные успехи, но также обнажились недостатки и проблемы системы управления. Революция создала предпосылки для радикальной трансформации властных органов. Ликвидации подвергшихся

жѐсткой критике недостатков и способствования развитию успехов. В то же время, уже в ходе революции проявились новые негативные факторы, которые в дальнейшем оказали разрушительное воздействие на функционирование местных самоуправлений: их чрезмерная политизация, акцент на глубокой демократизации, которая шла зачастую в ущерб деятельности в сфере городского хозяйства. Именно 1917 год стал одной из самых ярких страниц в истории городского самоуправления в думской форме, хотя он при этом явился и самым последним примером городского управления в имперской России⁹³. Постепенно, к концу XX века, идея самоуправления перестала играть роль одного из ведущих направлений функционирования власти, отражающей оптимальное соотношение государственных и местных интересов. Десакрализация власти, а также постепенно вытеснение духовного момента в деятельности представителей управленческих структур не только в политико-правовом, но и во всеобщем (эстетическом, религиозном и философском) измерении принципиально повлияло на всю систему отечественного самоуправления.

На уровне современных научных трудов местное самоуправление является совокупностью фрагментов различных теоретических концепций, направленных на поиск максимально эффективной концепции местного самоуправления, которая может быть реализована на практике. Если говорить о российском варианте местного самоуправления, то необходимо выделить следующие его особенности: территорию, географическое положение, национальный состав. Кроме того, посредством самоуправления осуществляется тесная связь с такими способами организации власти и управления, как централизация и децентрализация. Важно подчеркнуть, что это происходит не только на теоретическом уровне, но также в практической деятельности конкретного общества. В современных условиях

⁹³ Мамаев А.В. Городские самоуправления России к началу 1917 года и их место в революционном процессе // Проблемы отечественной истории: Источники, историография, исследования. Сб. научных статей. СПб.; Киев; Минск; Санкт-Петербургский институт истории РАН; Институт истории Украины НАН Украины; Белорусский гос. ун-т, 2008. С. 531.

самоуправление является одним из важнейших факторов процесса децентрализации государственного управления в России. Во многом это обусловлено тем, что формирование новых отношений в системе самоуправления находится под влиянием принципа индивидуализма, основным элементом которого является субъективная воля личности, «руководимая своей высшей, в себе действенной ценностью, – празднует при этом свое возрождение в декларации неограниченного произвола власти господ, которая основывается на собственных правовых нормах и которую представляет коллективная общественная личность»⁹⁴.

Учет аксиологического фактора в системе власти предполагает расширение диапазона действий местного самоуправления, которое, осознавая свою ответственность, способно гарантировать реальное участие населения в решении локальных вопросов. Подлинное народовластие в общественном сознании часто ассоциируется с устоявшимися представлениями, касающимися ряда следующих проблем: 1) делимости власти; 2) развития правосознания; 3) создания действенной системы разделения властей. Вместе с тем, необходимо понимать, что предоставление людям права на участие в выборах не сможет обеспечить преодоление обостряющегося отчуждения народа от управления, т.е. от эффективного функционирования системы местного самоуправления. По нашему мнению, перспективы развития таких форм народовластия как выборы, референдум и т.п. связаны не только с территориальным общественным самоуправлением, но также с аксиологической спецификой субъект-объектных отношений во властных структурах. Этот вектор, обусловленный недооценкой культурного разнообразия и цивилизационного единства мирового сообщества, «все еще продолжает оставаться доминирующей линией поведения крупнейших государств современного типа»⁹⁵.

⁹⁴ Франк С.Л. К проблематике социального права // Вопросы философии. 2007. №1. С. 157.

⁹⁵ Чумаков А.Н. Культурно-цивилизационные исследования: их роль и ценность в глобальном мире // Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика. 2018. №1. С. 31.

Усложнение всех сторон жизни современного социума приводит к новым проблемам в области самоуправления, что обусловлено нарастающим игнорированием ценностей, которые адекватны социуму. Сегодня становится особо востребованным исследование основных путей конструирования нового социума эпохи информационного общества, включающего в себя не только его трансцендентные основания, но также биопсихологическую обеспеченность витальных начал. Результаты обсуждения концепций самоуправления, отвечающих требованиям нового общества, а также их дальнейшее внедрение в практическую жизнь должно стимулировать развитие способности граждан обеспечивать эффективность власти и совершенствование ее управленческой деятельности. Естественно, что аксиологический фактор здесь приобретает принципиальное значение.

Местное самоуправление на современном этапе остается актуальной формой развития различных механизмов управления обществом, о чем свидетельствует активное привлечение для его совершенствования новейших информационных технологий. Однако достижение оптимального баланса централизации и децентрализации в различных механизмах самоуправления тормозится отсутствием целостного теоретического базиса по указанной проблематике. Другими словами, нарушение субъект-объектных отношений во властных системах ставит вопрос об эффективности власти как таковой.

Целью процесса управления является постоянное совершенствование системы местного самоуправления, т.е. приведение системы местного самоуправления в соответствие с действующими условиями. Аксиологический фактор играет важную роль в системе власти и особо проявляется при ее реализации на уровне местного самоуправления, где параллельно протекают два процесса: организация и управление. Естественно, что каждый из них обладает своими функциями, что обусловлено спецификой системы местного самоуправления, которая позиционируется таковой только по отношению к другим управленческим системам, которые действуют аналогичным образом. Отличительной чертой системы местного

самоуправления является то, что в ней присутствуют свои субъекты и объекты управления, которые влияют на формирование новой системы ценностей. Однако, в отличие от классической системы управления, субъекты и объекты местного самоуправления являются частью друг друга, т.е. в отдельных случаях совпадают. При помощи подобных управленческих механизмов решаются в рамках единой государственной политики вопросы местного значения, опираясь на соответствующую собственность, достаточную для реализации целей, обусловленных выживанием конкретного социума. Однако при таком подходе встречалось дублирование отдельных функций государственного управления и местного самоуправления, что обусловлено определенными причинами. Во-первых, система местного самоуправления – это взаимодействие организационных форм, среди которых определяющая роль принадлежит народовластию, базирующемуся на определенной аксиологической шкале, включающей в себя традиции как важнейший фактор выживания общества. Во-вторых, исследование сущности современных субъект-объектных взаимоотношений, складывающихся в различных системах управления, предполагает учет сложившейся на данный период аксиологической шкалы. В-третьих, механизмы реализации народовластия обусловлены не только субъектами управления, но также зависят от общемировых тенденций.

В самоуправлении наблюдаются особые характеристики власти, поскольку роль и значение самоуправления в российском обществе часто менялись, то это вызывало соответствующие изменения его институтов, структуры, функций, права и т.д., которые во многом носили аксиологическую окраску. Само введение идеи местного самоуправления, как следует из отечественных исторических источников, показывает, что этот процесс был вызван коренными изменениями роли власти в обществе, а также попыткой ее демократизации.

Местное самоуправление как власть, рожденная в недрах общества, охватывает все стороны общественной жизни, способствуя преодолению

отчуждения власти от народа и обеспечивая тем самым условия для формирования гражданского общества. Оно максимально консолидирует в себе сложившуюся на протяжении аксиологическую шкалу, а также интересы и пристрастия власти, состоящей из конкретных людей со своей шкалой ценностей. «Особенности институционального устройства, культуры, менталитета – все это продукты длительного процесса социальной самоорганизации, в ходе которого каждый народ, каждая социальная система ищет (и находит) наиболее адекватные для себя формы существования и функционирования»⁹⁶. Можно констатировать, что государственная власть и местным самоуправлением различаются компетенциями, функциями и методами деятельности. Большое значение имеют организационные формы власти, осуществляемые посредством местного самоуправления, поскольку по своей природе они обеспечивают активное участие населения в решении местных вопросов, а также в распоряжении собственностью. Аксиологический фактор власти также проявляется в следующих, довольно распространенных формах реализации местного самоуправления: правотворческие инициативы; собрания граждан; референдум и выборы. Естественно, что встречаются и другие формы прямого волеизъявления, которые обусловлены спецификой выборных органов местного самоуправления, и часто определяются географическими, историческими и другими особенностями конкретного региона.

Сущность народного суверенитета проявляется в оптимальном сочетании определенных форм системы местного самоуправления. В данном случае категория «народный суверенитет» используется в качестве важного элемента, обеспечивающего преемственность власти в ее аксиологическом содержании. Отсюда следует, что единственным носителем и источником власти является не просто население, проживающее на конкретной

⁹⁶ Малков С.Ю. Россия в контексте мировой динамики // Россия в XXI веке: глобальные вызовы, риски и решения. Анализ. Экспертиза. Рекомендации: Монография /под общ. ред. акад. М.Ч.Залиханова, проф. МНЭПУ С.А.Степанова. М.: Изд-во МНЭПУ, 2019. С. 71.

территории, а общность людей, обеспечивающая преемственность развития данного социума, поэтому субъектом взаимоотношений с властью может выступать только народ. Смысл, который является всеобщим компонентом человеческой культуры, воплощаемом посредством субъектно-личностного, может при этом увеличивать общую осмысленность истории, причем ее носители должны быть спасены от «поглощающего воздействия всеобщего»⁹⁷. Мы полагаем, что данный тезис актуален и для исследования субъектно-объектных отношений во властных структурах.

Без понимания политико-правовых обстоятельств функционирования субъектов власти полноценное исследование значения аксиологического фактора в действиях власти вряд ли возможно, поскольку это направление проблематизирует многие стандарты и ценности техногенной культуры. Общественная теория и практика дали серьезное обоснование развитию субъектов власти, позволяя таким образом привлечь граждан к решению актуальных вопросов регионального значения.

Проблема власти должна решаться не только с позиции признания отличительных черт каждого общества, но в соответствии выработанных каждым обществом аксиологических установок, которые создают условия для позиционирования его в качестве субъекта или объекта исторического процесса. Однако характерный для современных исследователей, подход, в основе которого разделение на субъекты и объекты власти, требует серьезной корректировки, поскольку он не учитывает аксиологических установок не только носителей власти, но и социумов. Этот фактор играет принципиальную роль в условиях формирования новой социокультурной парадигмы.

Таким образом, исследование особенностей проявления аксиологических факторов в субъектно-объектной структуре власти и местного самоуправления показало, что традиционное разделение на субъектов и объектов власти потеряло свою актуальность, поскольку оно

⁹⁷ Оконская Н.К. О роли гуманитарного знания в информационном обществе: инструмент самоограничения темпов развития // Университетский научный журнал. 2012. № 2. С. 121.

раскрывает особенности антагонистического мироустройства, где отдельные общества позиционируются как «нецивилизованные». Однако субъектами власти, которые продолжают опираться на концепции однополярного мира, часто игнорируется понимание многомерности социального процесса, на базе которого происходит формирование комплексных, аксиологических установок объектов, что отражают множественность влияющих на него объективных условий и субъективных факторов. Именно поэтому проблема адекватности власти должна решаться не только с позиции признания социокультурной специфики каждого общества, но и выработанных каждым обществом соответствующих аксиологических установок, которые создают условия для позиционирования общества в качестве субъекта исторического процесса.

1.3. Аксиологическая направленность властных механизмов

Аксиологическая направленность властных механизмов обусловлена тем фактом, что многие векторы идентичности (религиозный, этнокультурный, идейно-политический) имеют свободный вектор развития. Необходимо обратить внимание на одну важную черту современности: если аксиология антропологизируется, то сфера познания все больше подвергается аксиологизации. Это обусловлено тем, что в процессе взаимодействия друг с другом в рамках совместной деятельности люди выступают элементами социальной системы, которые являются друг для друга акторами и социальными объектами⁹⁸. Понятие «взаимодействие» имеет локальный характер, поскольку касается задействованных в нём участников, которые находятся в других пространственно-временных структурах и обнаруживают иные онтологии⁹⁹. «Анализируя последствия внедрения в жизни общества информационно-коммуникационной системы, мы все больше понимаем, что у

⁹⁸ Парсонс Т. О социальных системах. М., 2002. С. 30.

⁹⁹ Латур Б. Об интеробъективности // Социологическое обозрение. 2007. № 2. Т. 6. С. 95.

граждан с помощью новых технологических и информационно-коммуникационных решений появляется возможность вмешиваться в дела управления государственной машиной. Гражданин может высказывать свое мнение или предлагать свое решение наболевших проблем, оказывать давление на властвующие структуры в принятии тех или иных решений, – все это является фантазией, скорее, к этому следует относиться как к реалиям сегодняшнего дня»¹⁰⁰. Дело в том, что «традиционный человек многообразен не только в смысле культурного плюрализма, но и по типу разрыва современности с традицией (эволюционного, реформистского, революционного). Любой разрыв формирует «негативную традицию» и в той или иной форме приводит к необходимости реставрации, возвращения и, соответственно, определения того, к чему возвращаться. Традиционный человек в этом смысле – своего рода конструкт, всякий раз переопределяемый современностью»¹⁰¹.

Существенное влияние на направленность и содержание любой формы социальной активности оказывает система ценностей, которая складывается на подсознательном уровне, оказывая заметное влияние на формирование его гражданской позиции, что особо заметно по отношению к представителям власти. Именно поэтому уровень выраженности базовых ценностей в конкретном обществе целесообразно соотносить с тем коммуникативным потенциалом, который обеспечивает естественную саморегуляцию социума.

Существуют общие принципы и методы воздействия на любой управляемый объект, хотя каждый объект управления имеет существенные особенности, базирующиеся на аксиологической основе. Каждый из управляемых объектов является системой, состоящей из взаимосвязанных частей, а управление является целенаправленным процессом. Вот почему в

¹⁰⁰ Гуторович О.В., Гуторович В.Н. Следствия информационно-технологических преобразований // Дискурс. 2019. №4. С. 45.

¹⁰¹ Щербина А.В. Традиционный человек в «цифровой клетке». Идеиные истоки альтернативных сценариев (20-30-е гг. XX в.) // Дискурс. 2021. №3. С. 69.

результате воздействия на управляемый объект могут появляться новые свойства, которых нет в элементах, изначально составляющих систему. Понятно, что власть приобретается для осуществления управленческих функций, а система управления при этом представляет собой механизм, что обеспечивает указанный процесс. Из этого тезиса следует, что управление по преимуществу представляет собой основное средство достижения цели представителей власти, если, конечно, они ставят перед собой цель служить самосохранению и развитию конкретного социума. Однако «...история европейского Запада при ее сравнении христианской корпоративной идеей пошла с XV в. по ложному пути, увлекаемая в большей мере, чем социалистическими тенденциями, своими усилившимися до крайности тенденциями индивидуалистическими...»¹⁰². Это, естественно, отразилось и на особенностях формирования власти в Западной Европе, и этот пример преподносился в качестве образца. Однако в России сложилась своя аксиологическая шкала, не считаясь с которой не могли представители власти. Кроме того, проблема ценностных ориентаций властных структур осложняется тем, что «ценность» традиционно в советской науке использовалось в основном для характеристики психологических ситуаций, т.е. различные аспекты ценностных ориентаций изучались по преимуществу в рамках понятия «направленность личности». Указанная особенность приобретает особое значение для определения мотивов, на которые опираются вполне конкретные люди, представляющие власть. Трудно переоценить работы таких известных отечественных психологов, как А.Н. Леонтьев¹⁰³, Б.Г.Ананьев¹⁰⁴, С.Л. Рубинштейн, последний из которых доказывает, что «потребности, интересы, идеалы составляют различные стороны или моменты многообразной и вместе с тем в известном смысле единой направленности личности, которая выступает в качестве мотивации ее деятельности»¹⁰⁵.

¹⁰² Макс Шелер. Пророческий либо марксистский социализм? // Дискурс, 2021. Т. 7, №5. С. 31.

¹⁰³ Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.

¹⁰⁴ Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. СПб.: Питер, 2001.

¹⁰⁵ Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: в 2 т. М.: Педагогика, 1989. Т. II. С. 120.

Аксиологический анализ социального базиса современной власти предполагает учет того факта, что практика управления включает в себя в качестве необходимого элемента интуицию, которая значительно расширяет пределы властных полномочий. По мнению Р. Уотермана, интуиция не имеет мистической основы, которую ей приписывают, однако благодаря интуиции удается без сознательного обдумывания воспроизводить опыт. Именно поэтому Р. Уотерман призывает: «Доверяйте шестому чувству. Используйте свою интуицию без смущения»¹⁰⁶. Указанный подход развивает целый ряд ученых, которые акцентируют внимание на роли интуиции, объясняя, например, успех отдельных японских и американских компаний в процессе принятия решений именно игнорированием современного формально-математического инструментария¹⁰⁷. «При этом рост взаимозависимости, как и понимания того, что никто не может уклониться от участия в преодолении общих проблем, лишь обостряет споры о доле такого участия и мере ответственности различных сторон за ухудшение ситуации. ...В то же время разрыв в уровне жизни и социально-экономического развития разных народов все больше увеличивается»¹⁰⁸. Естественно, что указанные проблемы становятся приоритетными для представителей власти на определенном историческом этапе.

Одним из признаков совершенства верховной власти является то, насколько она в состоянии свободно допускать в системе управления подчиненные принципы власти, не провоцируя при этом государственные перевороты и узурпацию власти. Однако демократия в сфере управления, как свидетельствует история, в большинстве случаев подчиняется аристократии, которую всегда ненавидит. Демократия вынуждена прибегать к диктатуре в тех случаях, когда возникает насущная потребность в очередной раз

¹⁰⁶ Уотерман, Р. Фактор обновления. М.: Прогресс, 1990. С. 85–86.

¹⁰⁷ Dreyfus H.L., Dreyfus S.H. Mind over machine. Oxford: Basil. Blackwell Ltd., 1986.

¹⁰⁸ Чумаков А.Н. Культурно-цивилизационные исследования: их роль и ценность в глобальном мире // Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика. – 2018. №1. С. 33.

осуществлять «назревшую народную волю»¹⁰⁹. Свой скепсис по отношению к демократической власти Лев Тихомиров подкрепляет довольно убедительной аргументацией. В частности, он приводит следующий аргумент: даже если бы появились яркие доказательства преимуществ для народа, которые несет в себе разделение властей на несколько самостоятельных учреждений в виде двух палат и президента, то это принципиально не меняет ситуации. Усложнение происходит, по мнению Л.А. Тихомирова, только во власти управляющей, которая приводит руководящую волю в практическое осуществление. Данный тезис довольно убедительно иллюстрирует подлинное строение государства, которое не уничтожает общества, а только организует его «на верховном уровне, и поэтому допускает под своим верховным руководством действие всех его природных сил, для чего внедряет их в систему управления». По мнению Л.А. Тихомирова, государство так поступает по необходимости, потому что ввод в систему своего управления остальных элементов власти приводит к подчинению их своему руководству. Подобные действия многих властных структур создают условия для их легитимности, поэтому им не приходится таиться в общества в качестве незаконных сил¹¹⁰. На этом основании формируется аксиологическое направление исследования властных механизмов.

Для исследования роли ценностного фактора в формировании властных структур важно также учитывать еще одно важное замечание Льва Тихомирова. Отталкиваясь от своих предыдущих тезисов, этот теоретик предлагал вместо понятий «прогрессивный» и «реакционный», прижившихся в научном обиходе, ввести более адекватный термин «жизнеспособность государства», потому что перспективы любого социума определяется в первую очередь критериями совершенства и жизнеспособности. По нашему мнению, подобная точка зрения находит свое подтверждение в современном мироустройстве, которое в результате глобализационных процессов

¹⁰⁹ Тихомиров Л.А. Церковный собор, единоличная власть и рабочий вопрос. М.: Москва, 2003. С. 81.

¹¹⁰ Тихомиров Л.А. Церковный собор, единоличная власть и рабочий вопрос. М.: Москва, 2003. С. 81.

разделилось на субъектов и объектов, где максимально проявляется аксиологическая сущность. Дело в том, что именно в системе власти максимально проявляется принципиальное противоречие между философско-мировоззренческим индивидуализмом и этическим персонализмом, утверждающем равную и изначальную взаимообусловленность индивидуального и социального начал в человеке¹¹¹. Здесь ученые отталкиваются от концептуального ядра учения Шелера, т.е. во многом основывают свои концепции на его философско-социологической «теории всех возможных сущностных социальных единств»¹¹²

Несмотря на культ демократических принципов, характерный для европейского сознания, надо признать, что диктатура формируется в рамках любой политической системы, где существует государство, т.е. любое государство потенциально представляет собой диктатуру. Хотя демократические принципы опираются на массовую силу, однако по своей сути демократические институты представляют собой только форму. Важный момент в исследовании цены и ценности власти состоит в том, что когда нация выдвигает одно из начал власти в качестве верховного, гармонизирующего принципа, то она нация при этом не уничтожает других путей проявления общественной силы, а только пытается установить четкий принцип соподчинения между различными ветвями власти. Тем более что в общественной жизни проявляются также другие ценные принципы управления, несмотря на сущность власти, стоящей в самом верху властной пирамиды. Народ, как свидетельствует практика, находит законное оправдание другим властным проявлениям только в качестве служебной силы по отношению к верховной власти и в состоянии функционировать в сфере управления под верховным ее надзором. Вся эта специализация, как

¹¹¹ Малинкин А.Н. Концепция «пророческого» социализма Макса Шелера // Дискурс. 2021. Т. 7, №5. С. 11.

¹¹² Scheler M. Der Formalismus in der Ethik und die materiale Wertethik. Neuer Versuch der Grudlegung eines ethischen Personalismus // Max Scheler. Gesammelte Werke. Bd. 2. 6. durchges. Aufl., Hrsg. von Manfred S. Frings. Bern und Munchen: Francke Verlag. 1980. S. 515-529.

доказывает Л. Тихомиров, наблюдается не в самой верховной власти, а в создаваемых ею органах управления. Там происходит разделение функций, которые часто не соответствуют современному государственному праву, однако потому они и возможны «в виде гармоническом, без погружения общества в анархию, что над ними всегда возвышается в виде живой и деятельной силы какой либо один, простой и нераздельный принцип, в качестве *Власти Верховной*»¹¹³.

При исследовании аксиологической направленности властных механизмов важно также учитывать тот факт, что не стоит развитие человеческих сообществ сводить к кумулятивной поступательности, потому что человеческое сообщество развивается по нелинейным законам. Как показывает мировая практика последних десятилетий, развитие общества, его направление, а также темп в максимальной степени зависят от действия глобальных процессов. Именно поэтому способность общества управлять этими процессами выходит на первый план, потому что оно должно ориентироваться на тенденции развития социальных систем, а не на субъективные желания управляющего элемента. Однако при исследовании особенностей проявления аксиологического вектора во властных механизмах важно учитывать возможность существования зон, являющихся свободными от контроля, поэтому сохраняющими значительный потенциал непредсказуемости. В частности, важно учитывать тот факт, что аксиологическая обусловленность власти во многом связана со степенью веры в социальный прогресс, сомнения в котором все чаще появляются не только на уровне обыденного сознания, но также – в научных кругах. На фоне подобных размышлений приводятся аргументы, отрицающие действенность объективных законов истории, поэтому особенно обострились вопросы, обусловленные аксиологической направленностью власти, поскольку она в информационном обществе не в состоянии скрыть механизмов, связанных с

¹¹³ Тихомиров Л.А. Церковный собор, единоличная власть и рабочий вопрос. М.: Москва, 2003. С. 66.

задачами управления социальным бытием. Отсюда следует, что объективное изучение властных механизмов современного информационного общества требует понимания важного момента, связанного с либеральной установкой, согласно которой человек выступает «мерой всех вещей». Однако, по нашему мнению, стоит этому тезису придать онтологический смысл вместо гносеологического, который ему придавал Протагор и поздние софисты.

Для полноценного исследования роли аксиологического фактора в системе властных структур особый интерес вызывает термин «социальная установка», который обосновал в своих трудах Д.Н. Узнадзе¹¹⁴, потому что именно в характеристиках представителей власти это понятие приобретает реальный смысл. Для доказательства наличия связи между мотивацией и ценностным отношением к объекту В.К. Вилюнас вводит понятие «пристрастность», и этот подход приобретает особое значение в разрезе данного исследования, поскольку может быть использован, например, к конкретным властным механизмам. С точки зрения этого автора, в мотивации «выражается пристрастное отношение субъекта ко всему, что в некоторый момент им отражается»¹¹⁵. Необходимо подчеркнуть, что пристрастие к власти предполагает наличие определенного аксиологического фундамента, потому что для формирования оценочного отношения ко всему, что входит в состав деятельности субъекта, необходимо жизненное пространство. Социальное пространство, на котором идет борьба за власть, как правило, сопровождаются эмоциями, отражающие явления действительности, не только оценивая их, но также «функционально и энергетически подготавливают организм к поведению, адекватному этой оценке»¹¹⁶. Если применить этот тезис к исследованию аксиологической направленности власти в конкретном обществе в определенной исторический период, то значительно актуализируется вопрос о суверенности данного социума. На примере

¹¹⁴ Узнадзе Д.Н. Установка у человека. Проблема объективации // Психология личности в трудах отечественных психологов. СПб.: Питер, 2000.

¹¹⁵ Вилюнас В.К. Психологические механизмы мотивации человека. М.: Изд-во МГУ, 1990. С. 40.

¹¹⁶ Додонов Б.И. Эмоция как ценность. М.: Политиздат, 1978. С. 37.

Западной Европы и США можно заключить, что аксиологическая ситуация в современном мире, – это, по мнению Ж.Бодрийяра, – «вирусная стадия диффузии ценностей»¹¹⁷. В качестве примеров он приводит многочисленные ситуации, когда не удается «провести расчеты в терминах прекрасного или безобразного, истинного или ложного, доброго или злого», когда «добро не располагается более по ту сторону зла» и когда «ничто не имеет определенного положения в системе абсцисс и ординат»¹¹⁸. Понятно, что аксиологическая направленность власти в этом случае приобретает ярко выраженный вестернистский характер, что не может быть принято всеми членами мирового сообщества.

Для понимания особенностей формирования ценностного базиса у представителей власти необходимо также учитывать, что ценностные ориентации являются связующим звеном между мотивом и целью людей, особенно ярко проявляясь в деятельности управленческих механизмов. Этот тезис подтверждает вывод о том, что ценности являются преимущественно сферой осознанных действий, поскольку они приобретают более-менее сформированный вид на фазе объективации, в полной мере проявляясь во властных механизмах. Ценности формируются в мыслительном акте, хотя рациональное их обоснование на словах не всегда совпадает с реальными поступками. Этот тезис позволяет понять многие управленческие решения, которые на уровне обыденного сознания часто кажутся лишены смысла и могут вызвать социальный протест. Ценностное отношение к окружающему миру предполагает нравственное измерение, поэтому оно всегда соотносится с категорией должного бытия, ведь безразличных в нравственном отношении сознательных действий не бывает. Тем не менее, в современных либеральных концепциях особое место занимают ценности, где связь аксиологических установок с нравственным измерением выражена не столь отчетливо, как, например, в христианстве. Такие установки постепенно ведут к разложению

¹¹⁷ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2000. С. 10.

¹¹⁸ Там же. С. 11.

ценностной сферы, что в полной мере отражается на системе власти. На этот факт обращают внимание наиболее известные представители западной психологии (З. Фрейд, К.Г. Юнг, А. Маслоу и др.). Ценностный релятивизм имплицитно представлен и в бихевиоризме, поскольку в нем ценностная проблематика принципиально вынесена за скобки.

Аксиологические особенности власти зависят от степени ее влияния в конкретном обществе, однако история свидетельствует о том, что, например, сверхвласть ничего не может завоевать и даже не в состоянии воспользоваться реальной военной угрозой. Именно поэтому ее военное превосходство должно в действительности идеализироваться, превращаться в метафизическую догму, обожествляться. Если исходить из этих позиций, то необходимо подчеркнуть, что американская концепция государства, в основе которой находился общественный договор, якобы позволяющий останавливать «войну всех против всех», не выдерживает критики ни в логическом, ни, тем более, в историческом смыслах. В классическом государстве, согласно теоретическим постулатам западных ученых, должны отсутствовать конфликты, потому что социальная структура сословий в состоянии предсказать поведение индивидов, превращая их в своеобразный механизм воспроизводства самой социальной структуры. Это в полной мере касается и властных структур, порождающих соответствующие управленческие механизмы. Т. Сергейцев убедительно доказал, что неклассические социумы существуют в процессе непрекращающейся более или менее явной классовой войны, потому что подобные общества разрушают, а потом подчиняют себе государство. Можно согласиться с автором в том смысле, что такие общества выступают в качестве неустойчивых, являясь революционными по своей сути. «Но и в этих обществах нет «войны всех против всех», всегда есть солидарные «мы» и солидарные «они»¹¹⁹. Власть, как правило, использует революционные

¹¹⁹ Сергейцев Т. К социологии русского постсоциализма // Однако. 2014. Апрель-май. С. 46.

ситуации для консолидации населения, с одной стороны, и отвлечения его от истинных социальных проблем.

Аксиологическая направленность властных структур особенно ярко проявляются не только и не столько в декларации прав, а гарантированностью и реальной доступностью их для людей. В. Остром обращает внимание на тот факт, что в демократических обществах граждане всегда имеют представления о своих полномочиях в сфере управления. Однако демократия не сможет сохранять контроль над управленческими механизмами, если граждане не в состоянии заставить должностных лиц действовать в рамках фундаментального права. В. Остром доказывает, что демократия прекращает свое существование в пользу автократии, если люди не могут создать систему ограничений на осуществление правительственных прерогатив, поэтому не в состоянии заставить должностных лиц нести ответственность перед фундаментальным правом¹²⁰. Далее автор доказывает, что основной признак демократии проявляется в способности народа контролировать разделение и распределение властных полномочий при помощи конституционно-правовых механизмов¹²¹. Отсюда следует, что наличие и соблюдение прав «становятся важнейшим материалом, из которого создается процесс демократического правления»¹²², гарантирующего право всех граждан на участие в нем. Другими словами, использование демократических норм позволяет не только осознать аксиологическую направленность власти, но также завуалировать ее истинные намерения.

Демократия реализуется в различных формах, тесно взаимодействующих между собой, но такое взаимодействие является эффективным, если учитывается множество факторов, которые обусловлены характером политического режима, уровнем социокультурного развития страны, а также национальными особенностями. Ценность либеральной

¹²⁰ Остром В. Смысл американского федерализма. Что такое самоуправляющееся общество. М., 1993. С. 155.

¹²¹ Там же. С. 161.

¹²² Даль Р. О демократии. М., 2000. С. 51.

демократии состоит в том, что в рамках конституционных ограничений осуществляется реализация власти большинства. Целью подобных ограничений является предоставление меньшинству условий для реализации своих индивидуальных или коллективных прав, хотя этот классический подход часто только декларируется. Консервативный же вектор власти состоит в использовании наработанного веками опыта управления конкретным обществом, который включает в себя систему устоявшихся ценностей, соответствующих истории и менталитету этого социума.

Исследование роли аксиологического фактора в системе власти предполагает понимание того факта, что понятие «демократия», несмотря на широкий диапазон ее трактовок, в конечном счете сводится к изначальному его значению, которое подразумевает народовластие. Подобная форма политической самоорганизации общества, основанная на системе социальных институтов, идей, ценностей и отношений, в западной традиции базируется на постулатах классического либерализма. Он, как известно, проповедовал традиционный набор тезисов: право каждого человека на жизнь; индивидуальная свобода; свободный рынок; частная собственность и т. п. Однако современное воплощение либеральной демократии требует серьезных корректировок, поскольку оно довольно далеко отошло от первоначальной идеи демократии, причем часто и во много противореча ей.

Основное противоречие современной либеральной теории и практики состоит в том, что она максимально опирается на базисную установку о самоценности отдельной личности, а также приоритета ее прав и свобод, что все чаще вступает в противоречие с интересами социума. Настоящая демократия представляет собой содружество различных институтов и не может рассматриваться как унификация, которая преподносится насильственными способами. Подобная система должна основываться на культуре конкретной страны и бережно относиться к традициям общества, иначе не удастся достичь оптимального устройства общественно-политической системы. Демократия не может быть заимствованной, потому

что решение, которое имеет положительный эффект для одной страны, «может быть нелепо и даже опасно при иных культурных и исторических условиях, при иной политической «погоде»¹²³. Этот факт часто игнорируется представителями власти, что приводит конкретную социальную систему к кризису. Здесь трудно не согласиться с М. Леонтьевым, который утверждает, что «демократическая санкция на власть в современном обществе в отличие от традиционного является единственно легитимная – даже если допустить существование форм «демократий», отличных от образцовой либеральной модели (например, китайская, или ранее советская «народная демократия», или покойная ливийская Джамахирия и т.д.). Суть легитимности и признания большинством законности данной формы правления»¹²⁴. Именно система управления, обладающая соответствующей аксиологической направленностью, является важным критерием определения уровня демократичности конкретного общества. Практика последних десятилетий существования современного западного мира в полной мере подтверждает указанный тезис. Более того, представительская вертикальная «демократия» часто маскирует свое недемократическое содержание внешним демократическим имиджем, чтобы претендовать на законного продолжателя идей народовластия, т. е. прямой демократии, заложенных еще в античности.

Особую специфику аксиологический фактор приобретает в либеральных концепциях, посвященных власти и управленческим механизмам, в которых декларируется политическое равенство, а также представительное правление, где в качестве ведущей функции является защита свободы личности и частной собственности. Особое внимание в либеральных концепциях уделяется ведущим принципам демократии, формально-правовым аспектам, а также социально-нравственным ценностям демократии. Это обусловлено базисным постулатом либерализма, который проповедует доминирование гражданского

¹²³ Толстоухов А.В. Философские измышления о демократии (на материалах событий 2004 г. в Украине) // Философские науки. 2006. № 4. С. 21.

¹²⁴ Леонтьев М.В. Идеология суверенитета // Однако. 2013. Август–сентябрь. С. 9.

общества над государством. Отличительной чертой подобных концепций является активное изучение тех ситуаций, где на первом месте стоит проблема соблюдения формальных процедур демократического плюрализма.

Для адекватной оценки роли аксиологического фактора в системе власти необходимо опираться также на консервативные концепции, где ведущими выступают идеи, проповедующие особую роль государства и доказывающие необходимость постоянного повышения его статуса в содружестве с гражданским обществом в целях обеспечения общественного блага. Исторически так сложилось, что само общество ставило вопрос о необходимости расширения функций государства, особенно это касается сферы безопасности. Демократия, играя особую роль в системе общества, должна являться гарантом сохранения истинных ценностей общества, поэтому может и должна выходить за рамки власти, потому что она в определенном смысле отождествляет себя с социальным устройством общества. Вот почему истинная демократия может и должна реализовываться не только как форма власти, но также как тип культуры. В реальной практике общественно-политической жизни вряд ли возможна реализация подобных проектов, поэтому в каждом отдельном случае утверждается свой тип демократии, хотя при этом сохраняется в основных чертах некая демократическая система, близкая к идеалу, описанная многими теоретиками-утопистами. Однако подлинное народовластие не может ассоциироваться с существованием государства, а тем более демократии. История свидетельствует о том, что реальная демократия иногда представляет собой власть большинства над меньшинством, однако намного чаще встречаются примеры псевдодемократии, когда господство меньшинства над большинством становится слишком явным. Является вполне закономерным тот факт, что демократическая власть всегда старается выдавать свои цели за общенародные, прикрываясь общегосударственными интересами, поскольку демократия всегда определяет себя не только как форма власти. Отсюда следует, что демократия, если опираться на предыдущие тезисы, представляет

собой определенный тип не только политической, но и социальной культуры в широком смысле слова.

Однако на уровне общественного сознания сложность перехода от административно-командной системы к демократии не всегда осознается в полной мере. Политикам этот процесс часто представляется несколько упрощенным, что во многом связано внезапным распадом существовавшего ранее социального организма, о чем пишут, в частности, западные ученые: «Сегодня существует большая неопределенность относительно будущих моделей государственного управления и направления политики безопасности»¹²⁵. В условиях трансформирующейся действительности власть все чаще рассматривается как олицетворение определенной ценностной шкалы, а также их сублимация на определенном этапе развития индивида и общества. К сожалению, пока не существует теоретических разработок, рассматривающих власть с аксиологических позиций, что связано с недостатками социальных наук.

Аксиологический фактор в действиях представителей власти проявляется также в том, что успех и результат современных представительных демократий, в которых народ выбирает своих представителей в законодательные органы, определяется денежными средствами, предоставляемыми, как правило, нелегальными богатыми спонсорами. Это дает основание определять современные демократии как плутократические, потому что каждая из ведущих партий чрезвычайно щедра на обещания, потому что победа на предстоящих выборах любой ценой является их основной целью. Как правило, после прихода к власти многое из обещанного забывается. Можно констатировать, что слабость современных западных демократий состоит в преобладающем культе гедонизме, порождающем властолюбие как источник их удовлетворения, что приобретает

¹²⁵ Калдор М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. С. 354.

особый смысл в контексте исследования аксиологического вектора властных механизмов.

Важный фактор, сыгравший большую роль в выработке аксиологических оснований западноевропейской власти, – это христианство. «Именно христианство после падения Римской империи сыграло роль одного из создателей Европы как целостной идеи, именно оно хранило эту уникальную идею имперскости, идею единства человеческого рода»¹²⁶. Кроме того, немаловажным фактором, который оказал значительное влияние на изменение аксиологической шкалы, явилось сокращение количества коренного населения, потому что глобальные ценности во многом нивелировали социокультурную идентичность отдельных этносов. Связь между этими явлениями состояла в том, что победа мондиалистских тенденций, проповедующих создание мирового правительства, привели к упразднению некоторых важных функций, которые традиционно принадлежали национальным государственным структурам. В современной жизни западных стран находится множество подтверждений прогнозам О. Шпенглера. Большое количество факторов говорит в пользу пророчества о закате европейской культуры¹²⁷, о чем, в частности, свидетельствует неудача США в своем безудержном стремлении к гегемонии в мире¹²⁸. Многие факты убеждают человечество в несостоятельности западной цивилизации придать мировому сообществу новый импульс, что подтверждают кризисные явления современности. Ф. Кесседи, в числе других ученых, акцентирует внимание на моральном упадке Европы, указывая на основные признаки разложения западной цивилизации: 1) безудержный гедонизм; 2) все возрастающий потребительский культ; 3) неправомерное распространение релятивистских

¹²⁶ Кантор В.К. «Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. К проблеме имперского сознания в России». – М.: РОССПЭН, 2008. С. 536.

¹²⁷ Шпенглер О. Закат Европы. В 2-х т. Том 1. Гельшалль и действительность. М.: Мысль, 1998.

¹²⁸ Кесседи Ф.Х. Философия истории Фукидида и современность // Вопросы философии. 2005. №7. С. 133.

идей на фундаментальные этические принципы; 4) гипертрофированный интерес к сексуальным меньшинствам.

В последние десятилетия характерная для Запада политика двойных стандартов приобретает новую логику и приводит к отказу от стратегии демократизации. Подобный подход предполагает ориентацию на требования эффективности, потому что даже самая совершенная демократия на деле не является таковой, потому что негативные стороны демократических процессов становятся все более явными. На первый план в современном мире все чаще выходит власть немногих, опирающихся на принадлежащие им СМИ, которые диктуют абсолютному большинству свою волю, нарушая основные принципы демократии.

Обновление власти невозможно без выработки новой аксиологической шкалы, поэтому большое значение приобретает не только отстранение от власти отдельных лиц, представляющих устаревшие властные структуры, не способные к конструктивным реформам правящего слоя, но и формирование новых конструктивных политических и социальных сил. Однако часто новые представители власти мало озабочены интересами страны и их мало волнует судьба общества, потому что они уже получили космополитическое воспитание. Естественно, что в этих условиях между образовавшейся властью и народом должны сформироваться коммуникации, учитывающие особенности окружающей действительности, где в оценке всех проявлений социальной жизни в качестве ведущих выступают иные критерии.

Для понимания роли аксиологического вектора в управленческой сфере важно обратить внимание на научное наследие А.А. Богданова¹²⁹, в основе которого находятся идеи всеобщей взаимозависимости и организационного единства, а актуальность их подтверждена не только фундаментальными теоретическими обобщениями, но также реальными социальными процессами в конкретных исторических условиях. А.А. Богданов разрабатывая широкий

¹²⁹ Богданов А.А. Тектология: всеобщая организационная наука; под редакцией профессора Г.Д.Гловели. 6-е изд., испр. и доп. М.: URSS : ЛЕНАНД, 2019.

спектр исследований, включающий в себя большое количество научных направлений, что чрезвычайно важно для объективного анализа мировой организационной динамики. Заслуга этого российского мыслителя и практика состоит также в том, что он вводит ряд новых терминов, среди которых особое место занимают такие понятия, как «ингрессия», «эгрессия» и «дегрессия». Для понимания сущности аксиологических особенностей власти в переходные исторические периоды важна «ингрессия», под которой понимается универсальный механизм, состоящий из звеньев для соединения различных комплексов. «Эгрессия» представляет собой попытку выделения в комплексах элемента-центра, отличного от периферических. «Дегрессия», по мнению А.А. Богданова, представляет собой соединение элемента, который имеет менее устойчивое содержание с более прочной оболочкой, защищенной от внешних разрушительных воздействий. Важно подчеркнуть, что на основе идей А.А.Богданова, касающихся норм бытия раскрывается проблема социализации. Она проявляется в развитии «нормативного мира», поэтому формируется как «нормативный обычай», превращающийся во внешнюю форму принудительного характера. В таком контексте анализа богдановских идей особенно важно проследить значение норм аксиологической целесообразности конкретной системы управления. Дело в том, что в своей книге «Тектология: всеобщая организационная наука» А.А. Богданов акцентирует максимальное внимание на всеобщих организационных механизмах, в которых можно выделить следующие важные элементы: 1) формирующий; 2) регулирующий; 3) системы обратной связи; 4) основные типы кризисов и устойчивости; 5) лимитирующие факторы; 6) пределы централизации.

Универсальная организационная формула А.А. Богданова представляет собой особую ценность для определения роли аксиологического фактора в системе власти, поскольку она включает все элементы гармоничного управления обществом: ингрессия концентрирует организуемое содержание, эгрессия концентрирует его, а на уровне дегрессии оно фиксируется.

Социальные группы, отличающиеся более высоким уровнем организованности, характеризуются гибкостью, однако они являются более уязвимыми из-за легкого разрушения связей между ними. В то же время группировки, обладающие низким уровнем организованности форм, более устойчивы к влиянию среды, и они обеспечивают прочность, которая в определенных условиях переходит в ригидность. Такая закономерность особо проявляется в развитии общественных форм, связанных не только идеологиями, но также организационными структурами. В этих тенденциях заложен дискуссионный базис, зафиксированный Н. М. Чуриновым: «...остатки западных стандартов философствования в теории Богданова еще остаются в том, что касается «борьбы с природою», «факта опыта», признания необходимости теории, пригодной для всего человечества, и т. д. И, безусловно, эти остатки должны быть отрешены, для того чтобы диалектический потенциал теории Богданова получил дальнейшее развитие, актуальное разрешение»¹³⁰. Можно констатировать, что тектологическая направленность в системе управления позволяет выявить сущность аксиологического вектора представителей власти в контексте осуществления своих полномочий. Постепенно на первый план выдвигается тектолого-гуманистический подход к перспективам развития общества, который убедительно обоснован в работах А.А. Богданова, поскольку это позволяет по-новому взглянуть на проблему власти и управления. Пробуждение национального самосознания обусловлено начальным этапом «сверхвременного идеала и сверхвременного существа народа»¹³¹. К.А.Очеретяный справедливо отмечает: «Проект тектологии возникает на основании проекта эмпириомонизма, согласно которому опыт психический всегда связан не столько с определенным физическим или физиологическим фактом, сколько с социальной организацией, но универсальные

¹³⁰ Чуринов Н. М. Индивидуализм и коллективизм: трансцендентальный и соборный субъекты // Теория и история. 2004. №2. С. 202.

¹³¹ Карсавин Л.П. Философия истории. СПб.: АО «Комплект», 1993. С. 21–22.

организационные законы шире социальных, так как управляют устройством любых сложных систем. Более того, в совокупности элементов, которое человечество станет способно организовывать посредством тектологии на всех уровнях существования, будут иметь значение не только реальные, но и идеальные, в том числе воображаемые элементы»¹³².

Исследование роли аксиологического фактора во взятии и удержании власти предполагает основательно разработанную социальную теорию и практику, которые могут доказать свою состоятельность, если соответствующие концепции и идеологические установки используют ценностную шкалу на уровне конкретного социального бытия. Сложность подобных исследований обусловлена противоречивостью современной власти, проявляющейся при структурном подходе к власти и ее ведущих управленческих структурах. Вполне справедливым в этом плане представляется мнение М.Г. Делягина: «технологии являются более уникальным ресурсом, чем деньги, и передаются значительно хуже, чем деньги; соответственно, и господство, основанное на них, прочнее господства, основанного на деньгах»¹³³. Этот аспект существования власти не всегда учитывается в современном рыночном хозяйстве.

Исследование аксиологической сущности властных структур подтверждает тот факт, что ценности и нормы носят историчный характер. Это означает, что они изменяются соответственно цивилизационным и культурным преобразованиям, которые происходили и происходят в обществе. Из этого тезиса следует, что попытка распространения аксиологических особенностей на другие народы в большинстве случаев проявляется как насилие и в большинстве случаев не приводит к желаемым результатам, потому что в этом случае сталкиваются ценности, аккумулярованные поколениями. Однако противопоставление ценностей

¹³² Очеретяный К.А. Русский космизм –теория медиаэпистемологического действия // Диалог. 2019. Т. 5. №4. С. 38.

¹³³ Делягин М.Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2003. С. 252.

пагубно воздействует на социум, поскольку они должны проявляться в единстве, гармонично регулируя различные грани жизни социума. Определенный тип власти, как свидетельствует мировая практика, может быть востребован, если он базируется на соответствующих законах, и традициях, сформировавшихся на длительном историческом пути.

Аксиологическое содержание, а также формы и уровни власти проявляются во взаимодействии и в соотношении основных его элементов, поэтому недостатки демократии особенно ярко наблюдаются на Западе в последние десятилетия. Они постепенно начинают преобладать над ее положительным содержанием, что подтверждается следующими фактами. Во-первых, в интервалах между выборами демократия мало проявляет себя в качестве народовластия, что можно трактовать, как фактическое отстранение народа от власти. Во-вторых, наблюдается постепенное отеснения исполнительной властью законодательных органов от реальных политической действий, что свидетельствует об усилении авторитарных тенденций в государственных структурах. В-третьих, в системе управления наблюдается олигархизация власти, что свидетельствует об отрыве депутатов от рядовых членов общества; в-четвертых, СМИ становятся все более тенденциозными, все чаще переходя на сторону олигархии и подтверждая приоритетное влияние капитала на политику. О недостатках и недееспособности демократической власти пишет Д. Сорос: «...Участникам приходится иметь дело с ситуацией, которая сопряжена с принимаемыми ими решениями; их мышление составляет неотъемлемую часть этой ситуации. Независимо от того, считаем ли мы мышление участников фактом особого рода или вообще не считаем фактом, оно вносит элемент неопределенности в предмет исследования»¹³⁴.

Для понимания аксиологической направленности современных властных процессов представляет интерес следующий факт. В лекционных курсах 1970-х годов и в работе «Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы»

¹³⁴ Сорос Дж. Алхимия финансов. М.: ИНФРА-М, 1998. С. 43-45.

французский философ М. Фуко ввел понятие «дисциплинарное общество», которое рождается в западном мире в XVIII-XIX вв. в процессе модернизации старых европейских обществ. В дисциплинарном обществе, каждому человеку определено четкое место, где он функционирует. Однако общество классического модерна, не испытавших на себе влияние духа постметафизических проектов XX в., является пространством, которое определяет социальную роль и устанавливает дисциплину»¹³⁵. Т. Парсонс акцентирует внимание на свойствах социальной системы, осуществляющей контроль внутреннего состояния при помощи механизмов социального контроля. Акторов мотивируют таким образом, чтобы у них не возникало желания отклониться от выполнения ролевых обязанностей¹³⁶. Однако проблема состоит в том, что система не так часто находится в состоянии равновесия и внутренние процессы полностью не упорядочиваются. Нужна определённая свобода манёвра акторов для возможности проведения социальных изменений, ведь только в этих случаях механизмы социального контроля работают на ограничение последствий отклонений, а не на уничтожение. Локальные и условные взаимодействия актуализируют различные механизмы консолидации, координации и управления, а согласованность элементов системы позволяет устанавливать границы возможностей моделирования действительности¹³⁷. Можно согласиться, что устойчивость социальных систем обеспечивается путем упразднения основных элементов деградации элементов системы и выработкой полярностей в аксиологическом плане, что принципиально для адекватной деятельности власти. В то же время рамки стратегического устойчивого развития¹³⁸ определяются удовлетворением потребностей людей в

¹³⁵ Дисциплинарное общество // Современная западная философия. Энциклопедический словарь / Под ред. О. Хеффе, В. С. Малахова, В. П. Филатова, при участии Т. А. Дмитриева. – М., 2009. – С. 135-136. [Электронный ресурс] / Понятия и категории: вспомогательный проект портала ХРОНОС. URL: <http://ponjatija.ru/node/12733> (дата обращения: 04.09.18).

¹³⁶ Парсонс Т. О социальных системах. М., 2002. С. 5.

¹³⁷ Lenartowicz M., Weinbaun D., Braathen P. The individuation of Social Systems : A Cognitive Framework // Procedia Computer Science. 2016. Vol. 88. P. 15-20.

¹³⁸ Missimer M., Robèrt K., Broman G. A strategic approach to social sustainability – Part 1: exploring the social system // Journal of Cleaner Production. 2017. Vol. 140. P. 1. P. 32-41.

самоорганизации. Однако каждая система имеет собственную цель, которая может быть труднодостижимой или противозаконной, однако она способствует созданию индивидуальных смыслов, а также постановке собственных целей участниками для недопущения чувств беспомощности и угнетения¹³⁹. М.Ерофеева приходит к обоснованию принципа обобщённой симметрии, подразумевая под ним уравнивание человеческих и нечеловеческих актантов, чем подчеркивает отсутствие разницы между ними¹⁴⁰. Все эти факты помогают глубже осознать аксиологическую направленность власти. Например, Зиммель доказывал, что все многообразие социальной жизни обладает ситуационной релятивностью, поэтому «отношение к ценности служит критерием выбора, но ценностями (субъективными “отпечатками” любого объекта) обладает не факт, а человек, изучающий конкретные события»¹⁴¹. Концепция этого ученого, который находился под влиянием социальной феноменологии, приобрела популярность благодаря тому, что рассматриваемые ею «объекты брались лишь в качестве смысловых ценностей, а не материальных вещей»¹⁴², что проявилось на уровне формирования соответствующих властных структур.

Для динамического конструирования новых властных механизмов необходимо учитывать несколько условий. Во первых, важную роль играет наличие потенциала, который способен трансформироваться в такую силу, что способна управлять реальностями. Во-вторых, определяющее значение имеют действия представителей власти, которые в пространстве политических событий в состоянии управлять большими событиями посредством небольших усилий благодаря наличию у них особенного положения в

¹³⁹ Missimer M., Robèrt K., Broman G. A strategic approach to social sustainability – Part 2: a principle-based definition // *Journal of Cleaner Production*. 2017. Vol. 140. P. 1. P. 47.

¹⁴⁰ Ерофеева М. Акторно-сетевая теория и проблема социального действия // *Социология власти*. 2015. № 1. Т. 27. С. 28.

¹⁴¹ Реале, Д. и Антисери, Д. Западная философия от истоков до наших дней: От романтизма до наших дней / Георг Зиммель: Ценности историка и релятивизм фактов. [Электронный ресурс] // Библиотека «Полка букиниста». URL: http://society.polbu.ru/reale_westphiloiiv/ch68_i.html (дата обращения 2.08.17).

¹⁴² Вахштайн, В. С. Возвращение материального: «пространства», «сети», «потoki» в акторно-сетевой теории // *Социологическое обозрение*. 2005. Т. 4, № 1. С. 98.

обществе, а также «паблицитного капитала, целевой аудитории и т.д.»¹⁴³. Именно поэтому исходной позицией социологии знания П.Бергера и Т.Лукмана стала «реальность» «как качество, присущее феноменам, иметь бытие, независимое от нашей воли и желания»¹⁴⁴. В то же время главным условием социальной сплоченности, по мнению Т. Парсонса, является легитимизация существующих норм посредством приравнивания их к общественным ценностям¹⁴⁵, а эта легитимизация происходит посредством отсылки к высшей реальности¹⁴⁶. Можно утверждать, что подобные концепции являлись своеобразным ответом на социальные трансформации, которые были одновременно и причиной, и следствием несостоятельности традиционных власти, представители которой не в состоянии были вовремя и адекватно решать острые проблемы современности. В качестве примера процесса упразднения аксиологического смысла власти можно рассматривать «общество контроля» Ж. Делеза, поскольку в рамках подобного социума образуется «формальное знание о том, что все социальные институты обречены на предсмертную агонию»¹⁴⁷. В качестве примера можно привести проблему демократических институтов, к которым в обществе нарастает недоверие. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что всякая демократия является управляемой, поскольку она представляет собой одну из частных форм делегирования власти. Можно утверждать, что история государственной системы представляет собой эволюция механизмов управления демократией, поэтому не существует неуправляемой демократии. История демократии стала формально всеобщей за счет совершенствования техники управления, которая продолжается с античности до нынешнего постмодерна. Однако проблема

¹⁴³ Герасимов С.В., Терещенко П.А. Сторителлинг политических лидеров как инструмент символической политики // Дискурс. 2020. Т. 6. №3. С. 8.

¹⁴⁴ Бергер П. Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. Е.Руткевич. М.: МЕДИУМ, 1995. С. 9.

¹⁴⁵ Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2000.

¹⁴⁶ Парсонс Т. Понятия общества: компоненты и их взаимоотношения // Американская социологическая мысль. М., 1996. С. 494-526. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/3096>.

¹⁴⁷ Делез, Ж. Post scriptum к обществам контроля / Пер. с фр. В. Е. Быстрова. – СПб.: «Наука», 2004. [Электронный ресурс] // Международная ассоциация трудящихся. URL: <https://aitrus.info/node/754> (дата обращения: 10.09.18).

состоит в том, что на этом историческом пути были потеряны почти все основные признаки участия граждан в реальном принятии решений. Вот почему вполне справедливым представляется утверждение, согласно которому демократия всегда была и остается в современном мире властью меньшинства, хотя этот факт вполне успешно скрывается за ширмой демократических процедур посредством СМИ. Трудно не согласиться с И.А.Ильиным, который подчеркивал: «если отрицать государственное дело – нелепо, зловредно и фальшиво, то переоценивать государственное дело – недопустимо опасно и губительно. Дело государства является... в полном смысле слова второочередным, предварительно-отрицательным, не абсолютным, не праведным; и все же необходимым, ответственным и могущественным делом»¹⁴⁸.

Если позиционировать власть как определенную систему, то важно учитывать мнение Р.Арона, утверждавшего, что «...идеальные системы, каков бы ни был их уровень структурализации и систематизации, не представлены в сознании индивидов»¹⁴⁹. Другими словами, исследование аксиологических оснований власти предполагает учет идеальных социальных структур, где властные механизмы рассматриваются в качестве примера. Аксиологическая сущность властных механизмов проявляется также в том, что сама система управления позиционируется в качестве ведущего критерия уровня демократичности конкретного общества¹⁵⁰.

Таким образом, из данной части исследования можно заключить, что любая власть обладает определенной аксиологической направленностью, поэтому оптимизация властных механизмов вряд ли возможна без формирования конкретных властных структур на базе ценностной шкалы данного общества на определенном историческом отрезке. В современном

¹⁴⁸ Ильин И.А. О сопротивлении злу силою // Русское возрождение. 1978. № 3. С. 255.

¹⁴⁹ Арон Р. Лекции по философии истории: курс лекций в Коллеж де Франс. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. С. 263.

¹⁵⁰ Ушакова Е.В. Системная философия и системно-философская научная картина мира на рубеже третьего тысячелетия. Ч. 1, 2. – Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 1998. 221 с.

трансформирующемся мире особо востребованными являются концепции, раскрывающие принципы действия властных структур, которые учитывают смену социокультурной парадигмы и соответствующей аксиологической шкалы. Определенный тип власти может быть востребован, если он соответствует традициям, правилам или законам, сложившимся на протяжении столетий в данном обществе, хотя содержание этой власти может быть подвержено кардинальным изменениям, проявляясь во взаимодействии различных форм и в соотношении основных его элементов, что часто обусловлено меняющейся шкалой ценностей. Вполне естественно, что востребованность конкретных аксиологических установок может быть детерминирована манипуляцией со стороны представителей власти определенной частью социума в политических целях меньшинства.

Можно подвести некоторые итоги исследования в **первой главе**.

Во-первых, ценностное отношение к власти обусловлено не только осознанием значимости этой сферы человеческой деятельности в общественном сознании. Аксиологический аспект власти детерминирован олицетворением своих ценностных установок с представителями власти, претендующими на роль элиты. Власть, выступающая на уровне общественного сознания в качестве сублимации ведущих ценностей конкретного социума, связана с волевыми усилиями, что объективно ставит человека, облаченного властью, перед нравственным выбором, где невозможно оставаться индифферентным к проблемам социума.

Во-вторых, власть выступает в качестве аксиологической социальной сферы, проявляющейся не только в конкретных управленческих механизмах, но также в тех прослойках людей, которая поддерживает власть. Этот процесс представляет собой важный фактор трансляции ценностных ориентаций, выступающих базисом для эффективных действий власти в интересах социума в конкретный исторический период.

В-третьих, аксиологическая направленность системы власти обладает содержательной логичностью и структурной упорядоченностью в силу своей институциональности, благодаря чему появляется возможность для создания системы контроля за деятельностью власти и эффективностью ее управленческих механизмов.

Глава 2. ВЛАСТЬ В ЭПОХУ СМЕНЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ПАРАДИГМЫ КАК СИНТЕЗ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ УСТАНОВОК ОБЩЕСТВА

Современная власть, стремящаяся охранить свои полномочия, часто стремится ориентироваться на «общечеловеческие» ценности, а не на ту аксиологическую шкалу, которая исторически сложились в конкретном обществе. Это приводит к тому, что постепенно происходит обесценивание системы ценностей, на которых базируются многие самодостаточные социумы, угрожая тем самым социокультурной идентичности общества. Вот почему полноценное изучение власти предполагает диалектическую методологию для детального анализа таких важных факторов, как исторический опыт, менталитет и т.п. Понимание сущности проблемы роли аксиологического фактора в системе власти предполагает обращение к историческим корням формирования сознания, в которых происходит самоидентификация конкретного социума.

Для адекватного реформирования ведущих во властных механизмах необходимо исходить из того, что попытка универсализации мирового пространства представляет собой процесс унификации отдельных. Однако подобная модель, как правило, не учитывает тот факт, что идея единой системы власти в любой форме мондиализма не может быть реализована, поскольку народы, рассматриваемые в качестве объектов интеграции, имеют различную природу. Многие властные структуры находятся под влиянием вестернистского опыта государственного строения, который принято признавать в качестве идеального, т.е. подходящего для любой страны.

Во второй главе исследуется природа аксиологических установок представителей власти в условиях социальных трансформаций и смены социокультурной парадигмы на примере российского государства и общества.

2.1. Цена и ценность власти в российском обществе

Исследование особенностей власти в условиях смены парадигмы, выступающей в качестве синтеза аксиологических установок, предполагает понимание того, что антиэнтропийная система управления обществом последовательно разрабатывалась русскими философами на протяжении веков. Такой подход реализуется на диалектическом базисе, характерном для отечественной философии, сущность которого состоит в том, что субъект управления обществом осознает естественное состояние данного общества, выступающего объектом управления. Результатом подобной деятельности должна стать реализация такой модели жизни, которая основывается на естественной платформе. Благодаря такому подходу общество, последовательно двигаясь путем совершенствования, способно самостоятельно противостоять росту социальной энтропии. Такая концепция управления обществом представляется оптимальной для российского социума, являясь образом действительности общественной жизни России. При этом она выступает фундаментом не только «для изучения проблемы антиэнтропийного управления обществом»¹⁵¹, но также раскрывает аксиологическую сущность властных структур.

Очеретяный К.А. справедливо подчеркивает: «...мы современники этих перемен, поскольку по мере технического прогресса время все больше ускоряется, пространство все больше сжимается, способы установления причинно-следственных связей модифицируются, а опыт стремительно мутирует в пролиферации гаджетов, интерфейсов и новых гибридных связей между ними. Русская философия в своем возникновении стояла у истоков этих изменений, была их современницей, но ее традиция была в определенном смысле прервана, по крайней мере, русскую философскую, обычно видят как замкнутый в себе продукт эпохи. Тем не менее эта замкнутость отражает не «законсервированность» русской философии, а ее сосредоточенность на онтологическом истоке перемен: деактуализация традиционных институций,

¹⁵¹ Григоренко, Д.Е. Русский социализм как антиэнтропийная концепция управления российским обществом // Теория и история. 2007. № 2. С. 31.

технического преобразования мира и человеческого поведения, возникновения новых средств коммуникаций, новых технически организованных обществ и новых форм опыта, которые им соответствуют»¹⁵².

Основополагающие, базисные аксиологические основания российского общества сохранились, несмотря на тот факт, что на протяжении века Россия переживала события, кардинальным образом затрагивающие все стороны общественной жизни, расшатывая властные структуры. В результате больших испытаний постепенно формировались основы управления и самоуправления. Поскольку управленческая система находилась под значительным влиянием западных научных школ, то сложившаяся система управления требовала значительной корректировки, что обусловлено аксиологической спецификой всех субъектов и объектов властных структур, которая выступает основанием любого народа, сохранившего свою идентичность на длительном историческом пути.

Проблема власти занимает особое место в творчестве русских мыслителей, что во многом обусловлено спецификой взаимоотношений между государством и обществом. Характерной чертой отечественной общественной мысли является углубленная теоретизация понятий, свидетельствующих о единоумии, единодушии и единомыслии общества. Доказательства этому постоянно встречаются в исследованиях древнерусских мыслителей, причем они, как правило, базируются на аристотелевской традиции исследования основ существования общества, являясь ее продолжением. Становление российского государства происходит в сложных условиях смены социокультурной парадигмы, когда сама идея национально-государственной модели общества испытывает на себе давление универсалистских тенденций. В подобной ситуации содержание национальной составляющей идентичности зависит не только от государственных структур, которые выполняют в России роль ключевого

¹⁵² Очеретяный К.А. Русский космизм – теория медиаэпистемологического действия // Дискурс. 2019. №4. С. 29.

ориентира, но также от специфики форм социальной самоорганизации. Например, современная модернизация осуществляется с учетом традиционалистских установок, на которых базируются позитивные ориентиры идентичности, как правило, обращенные в прошлое. Действительно, на базе исторических примеров часто формируются представления о национальном достоинстве и национальной гордости. Модернизационные же процессы чаще всего ассоциируются с кризисом, со сдачей позиций великой державы и забвением национальных ценностей. А.Зиновьев справедливо подчеркивал: «...если бы даже удалось реставрировать Советский Союз, это был бы не кратковременный акт. Потому что ситуация в мире изменилась настолько радикально, что требуется нечто другое, более серьезное, чтоб повернуть вспять антиэнтропийные процессы»¹⁵³. Понятно, что подобные трансформации требуют кардинальной перестройки всех властных механизмов.

Многочисленные примеры жизнестойкости наших предков свидетельствуют о том, что вся политическая система Древней Руси носила характер советов, которые являлись эффективной формой управления страной и способствовали выживанию общества в самые драматические периоды отечественной истории. При наличии многосоветия различные институты власти, включающие в себя вече, дружину, боярский совет и т.п., представляли собой определенную целостность. Так создавалось оптимальное единство всех ветвей власти, которое придавало равновесие, стабильность, а также гармонию общественно-политической системе в целом. Несмотря на случаи периодического нарушения подобного единства, наши предки, тем не менее, всегда восстанавливали утраченное единство, обеспечивая целостность и, естественно, жизнеспособность древнерусского общества и государства¹⁵⁴.

¹⁵³ Зиновьев А. Советская государственность была вершиной эволюции русской идеи // К справедливому обществу. Идеи, проекты, теории на Западе и в России. – М.: Алгоритм, 2011. С. 756.

¹⁵⁴ Калашников В.Д. Советы Древней Руси // Теория и история. 2004. № 3. С. 68.

Аксиологический ракурс власти разрабатывался еще в трудах Нестора и Иллариона, а также другие мыслители, предлагая различные пути организации общественной жизни. «Послание митрополиту Даниилу», написанное Ф.И. Карповым (XVI в.) можно рассматривать в качестве примера такого духовного поиска. Подобные произведения вызывали острую полемику в среде наших предков, и она не потеряла своего значения и для современной философии. В частности, Карпов разрабатывал концепцию «идеального общества», которая, по сути, представляла собой ответ на идею митрополита Даниила, который видел социальный идеал в «долготерпении». В основе подобного государства должна находиться «правда», которая понималась в широком смысле как вселенская справедливость. Идея этой «правды» как высшего общественного идеала в реальной жизни российского общества должна была воплотиться в «законах». Выдвижение столь смелой концепции дает основания утверждать, что Ф.И. Карпов выступает в качестве одного из первых религиозно-философских мыслителей в России, использовавших в качестве теоретического базиса для собственных учений труды античных мыслителей¹⁵⁵, в которых дается характеристика идеальному государству. Пытаясь оспаривать традиции демократии на Руси, некоторые исследователи ссылаются на Флетчера, оставившего следующее описание системы правления в России: «Земское собрание, называемое собором, составляется следующим образом. Царь приказывает созвать дворян, заседающих в его Думе, коих он сам выберет, вместе с патриархом, который приглашает свое духовенство. Когда дело предложено секретарем на рассмотрение, то прежде всего желают знать мнение патриарха и духовенства. Встает кто-нибудь посмелее других (впрочем, уже заранее назначенный) и просит царя, чтобы он изволил приказать объявить им собственное мнение его величества и постановление по делу, предложенному дьяком»¹⁵⁶. Однако подобная точка

¹⁵⁵ Ермашов Д., Перевезенцев С.В., Ширинянц А.А. Русская социально-политическая мысль X-начала XX вв. М., 2005. С. 82.

¹⁵⁶ Флетчер Дж. О государстве Русском // Проезжая по Московии (Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов). М.: Междунар. отношения, 1991. С. 46-47.

зрения аргументировано опровергается конкретными историческими фактами, которые свидетельствуют о том, что основные ценности и менталитет российского общества предполагают адекватные формы и методы правления.

Под единомыслием в этом случае понимается не «единообразие», когда множество граждан подчиняются одной воле, потому что истинный смысл этого понятия состоит в его диалектическом понимании. Он заключается в приведении к единству волевых усилий всех членов общества посредством согласования их между собой, поэтому указанные понятия раскрываются как диалектика единого и многого, когда единое предполагает многое, а многое – единое. Такой подход, если его использовать в разрезе данного исследования, отражает стремление представителей общества отыскать общее решение, реализуемое в процессе всенародного обсуждения, которое являлось бы приемлемым для всего социума. Этот важный концепт раскрывает Н.М. Чуринов, подчеркивая, что «одним из принципиально важных концептов со времен Древней Руси стал русский концепт о единомыслии, единоумии и единомудии. Многие политологи подтверждают, что в современной российской действительности наблюдаются тенденции, связанные с реконструкцией традиционной для России политической организации, что, в частности, выражается в концентрации и персонификации власти, а также в определяющей роли «личных отношений, персональных и групповых неофициальных связей...»¹⁵⁷

Можно согласиться с Ю.В. Кривошеевым, подчеркивающим: «Единое Русское государство образуется как земско-самодержавное государство. На рубеже XV-XVI столетий приходится рождение – впервые в истории русской цивилизации – единого Русского государства, государства, воплотившего в себе основы единомудавия и общинности, государства земско-

¹⁵⁷ Царская Россия. В трех книгах. М.: Молодая гвардия, 2013.

самодержавного по форме и по существу»¹⁵⁸. Именно перед Земским собором кандидат в русские монархи брал на себя обязательства «не изменять русских законов и не налагать самовольно податей», потому что «в государствах демократического типа выше воли народа нет ничего, даже в смысле начал нравственных»¹⁵⁹. Власть всегда старалась соответствовать историческим условиям, однако бывали периоды, когда между государственными институтами и обществом возникали противоречия, о которых, в частности писал древнерусский писатель XVII в. Юрий Крижанич: «Крутое правление – причина того, что Русь редко населена и малолюдна. Могло бы на Руси жить вдвое больше людей, чем их живет сейчас, если бы правление было помягче»¹⁶⁰. Россия всегда находилась во вражеском окружении и в значительной степени жесткость управления была вызвана необходимостью самосохранения. Русские народники раньше, чем экономисты Запада, выдвинули идею модели смешанной, многосекторной экономики, которая должна быть основана «на признании возможности взаимного осуществления, параллельного и согласованного развития разных форм собственности и укладов»¹⁶¹. На этом базисе появлялась реальная возможность сформировать властные структуры, соответствующие народным требованиям.

Полноценный анализ аксиологического фактора требует учета соборных традиций и ценностей в нашем обществе, которые проявляют себя в виде самоуправления, где ведущим является иррациональное духовно-целостное самопонимание человека, который интегрирует в себе архетипические ценности и традиции, ориентируя людей на всечеловеческое единение. Отечественные ученые много внимания уделяется двойственной природе местного самоуправления, которое сочетает в себе государственные и общественные начала. Здесь на первое место выходит проблема, связанная с

¹⁵⁸ Кривошеев Ю.В. Русская средневековая государственность. СПб: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 2008. С. 122.

¹⁵⁹ Тихомиров Л.А. Церковный собор, единоличная власть и рабочий вопрос. М.: Москва, 2003. С. 103–114.

¹⁶⁰ Крижанич Ю. Политика. М.: Новый свет, 1997. С. 324.

¹⁶¹ Можайскова И.В. Духовный образ русской цивилизации и судьба России (опыт метаисторического исследования): В 4 ч. М., 2001-2002. Ч. 3. С. 314.

условиями формирования в России подобной политической конфигурации, потому что она определила многие особенности всей общественной жизни на столетия. Не менее важным оказался также вопрос, тесным образом связанный с этой проблемой: какова причина такой своеобразной логики взаимоотношений между обществом и государством в России¹⁶². Наблюдалась абсолютизация относительного у В. Соловьева, С. Франка, И. Ильина, где все было подчинено Богу, а у Л. Толстого происходила абсолютизация этических принципов.

М.С. Каган обосновывает свои выводы в монографии «Философская теория ценности», где подчеркивает, что абсолютизация ценностей встречается не только в практической жизни русского общества, но также в отечественной философской мысли.

Если представители радикальных течений абсолютизировали какой-то один вектор – политику (В. Ленин), эстетику (А. Луначарский)¹⁶³, то М.С. Каган был уверен, что невозможно вывести какой-то единый для всех явлений ценностный критерий, поскольку «мир многомерен». Он обращает внимание на объективность социокультурного перехода к «культуре личностно-креативной, динамичной и инновационной, ценностное обеспечение которой воспринималось уже не как раз и навсегда данное, божественное по своему происхождению, а как человеческое, формирующееся в культуре и поэтому изменчивое...»¹⁶⁴ Русская философия, согласно мнению этого ученого, «не знает теории ценности, поскольку признает только одну подлинную ценность – Божественную»¹⁶⁵. Вполне естественно, что подобные аксиологические установки в полной мере распространялись на представления о власти, которые сложились и укрепились в русском обществе на протяжении многих веков. Однако здесь важно избежать распространенной ошибки, когда любая дискуссия о власти в нашем обществе, как правило, превращается в спор о

¹⁶² Глинчикова А.Г. Социальное значение русского раскола // Вопросы философии. 2008. № 6. С. 17.

¹⁶³ Каган М.С. Философская теория ценностей. – СПб.: Петрополис, 1997. С. 30-32.

¹⁶⁴ Там же, с. 13.

¹⁶⁵ Там же, с. 30.

системе ценностей вообще, и такие споры сводятся к проблеме возможности или невозможности абсолютных ценностей. Наиболее последовательно эти идеи просматриваются в трудах Н.О. Лосского¹⁶⁶, размышления которого базируются на различении понятий «абстрактное» и «конкретное» бытие. Из этого подхода следует известный тезис, согласно которому любое бытие ценнее любого небытия, потому что является положительной ценностью в сравнении с небытием. В то же время «конкретное бытие» всегда рассматривается в системе с другим бытием, поэтому может обладать отрицательной ценностью. С нашей точки зрения, подобный подход может быть принят в качестве основы для исследования аксиологических установок современной системы власти, что предполагает учет последствий тех трансформаций, которые наблюдаются в социуме в последние десятилетия.

Исследование сущности власти путем определения управленческих приоритетов требует полноценного анализа еще одной специфике российской истории. Особое место в России всегда отводится государству, которое является единственной эффективной управленческой структурой, способной мобилизовать людей на борьбу за выживание в сложнейших условиях посредством концентрации в руках мощной государственной системы основных ресурсов. Эта особенность дает основание утверждать, что российский народ всегда являлся государственным, потому что «...воспринимал власть сакрально: от власти ждали не столько благосостояния, сколько спасения – в суровейших условиях жизни и от внешних угроз. Государство инициировало либо поддерживало все великие достижения»¹⁶⁷. Важно подчеркнуть, что отличительной чертой власти в России выступает ее двойственность, отражающая тождественность и нетождественность общественных и государственных структур. Такая специфика позволяет вывести важное свойство системы власти, согласно

¹⁶⁶ Лосский Н.О. Ценность и бытие. Бог и Царство Божие как основа ценностей // Бог и мировое зло. – М.: ТЕРРА; Книжный клуб: Республика, 1999.

¹⁶⁷ Аксютин В. Апология русского характера // Независимая газета. 2000. 27 июня.

которому государство при подобном подходе подразумевает в себя два разных смысла. Можно констатировать, что в широком смысле государство растворяет в себе не только политическую элиту, но также и общественные структуры. Если рассматривать подобную модель в узком смысле, то справедливым представляется утверждение, согласно которому государство при подобном подходе не совпадает с обществом, потому что выступает в качестве своеобразного инструмента управления им. Кроме того, государство традиционно выполняет функции не только контроля над обществом, но также принуждения общества с целью решения задач, поставленных им. Такую двойственность нельзя считать случайностью, а также ее трудно рассматривать в качестве категориальной некорректности, потому что она естественным образом вытекает из специфики природы, заложенной в самой системе «государство-общество». Указанная двойственность становится отличительным признаком российской политической действительности, и она без значительных изменений сохранялась на всех исторических этапах при различных политических режимах. По мнению А.Г. Глинчиковой, эта специфика отечественной власти легитимизирует столь архаичную патерналистскую систему со стороны общества¹⁶⁸. Естественно, что в основе подобной системы – проверенные историей властные механизмы.

Однако существуют и альтернативные проекты развития мировой системы, в частности, разработанные отечественными мыслителями, которые всячески подчеркивали особенность российской конфигурации «общество-государство». Отличительной чертой российской действительности являлась идея, ставшая базовой в отечественной системе «государство-общество». Суть ее состояла в тождестве общества и государства, при том, что вопрос о соответствии политики государства интересам общества не принято было поднимать. Во все исторические периоды государство несколько дистанцировалось от общества, претендуя на роль единственной инстанции,

¹⁶⁸ Глинчикова А.Г. Социальное значение русского раскола // Вопросы философии. 2008. № 6. С. 18.

которая имеет право защищать общественные интересы. При этом государство старалось не допускать ситуаций, когда общество могло покуситься на его политическую прерогативу, которая рассматривалась как исключительная. В процессе реализации целей, поставленных государством, общество подчинялось государству. Однако указанная проблема не столь однозначна, потому что «самый рост деспотизма государства в процессе исторического строительства являлся... столько же причиной, сколько и следствием слабости социального расслоения русского общества»¹⁶⁹. Способом воспроизводства власти часто является актуализация определенных аксиологических установок, что свидетельствует о манипуляции определенной части общества в политических целях меньшинства.

Наиболее полно этот аксиологический момент в нашей истории раскрывает В.Н. Холодный, который максимально точно фиксирует основные компоненты соборной феноменологии: целостность, внутреннего духа и общинного бытия в качестве первоосновы всей человеческой жизнедеятельности; целостность познавательной деятельности; исторически наиболее совершенная объективация соборности в жизни социума. Высшая ценность соборной феноменологии проявляется как надежда на воссоздание всемирной соборной цивилизации путем свободного единения народов. В соборной феноменологии А.С. Хомякова сосредоточены вечные темы русской философии, актуальные вне какой-либо хронологической привязки: «соборность как субстанция человеческого существования; соборная феноменология как философская система, ориентированная на изучение духовно-целостного самопонимания и производных от нее других уровней бытия (понимания)», наконец, проблема русской идеи как «философской идеологии возрождения соборных ценностей и единения на их основе всех людей Земли»¹⁷⁰. Эта всемирная задача состояла в том, чтобы «...освободить

¹⁶⁹ Миллюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 3 т. Т. 1. М.: Прогресс, 1993. С. 38.

¹⁷⁰ Холодный В.И. А.С. Хомяков и современность: зарождение и перспектива соборной феноменологии. М.: Академический Проект, 2004. С. 46.

человечество от того одностороннего и ложного развития, какое получила история под влиянием Запада»¹⁷¹.

Опираясь на славянофильский базис, постепенно выстраивалась секулярная соборно-феноменологическая концепция, которая включает в себя не только гносеологическую, но также и онтологическую интерпретацию соборности. Соборность становилась краеугольным понятием человечества, живущего под знаком двух полярно противоположных систем: абсолютного индивидуализма и абсолютного коллективизма. Если учитывать аксиологический фактор, что можно утверждать, что соборное миропонимание представляет собой базис целостного человеческого понимания. «Соборность, первоначально проявляемая как одухотворенное пространственно-временное созерцание, ценностный опыт, который, проникая в сферу сознания, оформляется в соборную феноменологию как иррациональный уровень творческого универсального понимания. В процессе онтологизации соборная секулярная феноменология выполняет роль косвенной предпосылки восстановления целостности бытия, ибо призвана «теоретически стимулировать восстановление прерванных связей времен, народов и различных сфер человеческой жизнедеятельности»¹⁷². Идеологи славянофильской идеи, в частности, К. С. Аксаков постоянно подчеркивали, что быт русских славян базировался на добродетелях: «При своих верованиях славяне русские образовали жизнь свою; они поняли значение общины, они ощущали чувство братства, чувство мира и кротости и многие общественные и личные добродетели»¹⁷³. Указанные факты свидетельствуют о том, что в России сложилась устойчивая система ценностей, базирующаяся на лучших качествах народа.

Исследуя особенности российской власти, В.А. Нардова заключает, что «...к институту городского общественного самоуправления в том виде, в

¹⁷¹ Зеньковский В.В. История русской философии. Ростов н/Д., 1999. Т. 1. С. 239.

¹⁷² Холодный В.И. А.С. Хомяков и современность: зарождение и перспектива соборной феноменологии. М.: Академический Проект, 2004. С. 68.

¹⁷³ Аксаков К.С. Эстетика и литературная критика. М.: Искусство, 1995. С. 423.

каком он функционировал после 1892 г., лишь условно применим термин «самоуправление» в его классическом понимании». Однако «...самоуправление, даже такое усечённое, как в царской России, способствовало проявлению общественной инициативы в решении не только хозяйственных, но и социально-культурных проблем...»¹⁷⁴. С указанным автором солидаризуется Л.Ф. Писарькова: «... наиболее результативными для городского хозяйства были последние 25 лет существования Московской думы, когда действовало Городовое положение 1892 г. Именно в эти годы состав московских гласных отличался особенно высокой степенью профессионализма, а городское хозяйство развивалось небывалыми для предыдущего периода темпами»¹⁷⁵.

Не только в истории, но и в современных условиях, доминирующая и определяющая роль государства во всех сферах жизнедеятельности является характерной особенностью становления и развития российской государственности¹⁷⁶. Многие формальные носители власти в России, как, впрочем, и в любом другом государстве начинают осознавать тот факт, что «...если они не управляют социальными процессами, то это будет делать кто-то другой»¹⁷⁷. Для решения подобных задач стоит обратиться к истории. Л.М. Дамешек. и М.М. Плотникова вполне резонно ставят вопрос о том, почему Екатерина II, которая была сторонником идеи разделения властей, не поступила подобным образом по отношению к магистратам. Они пришли к выводу, что законодателем изначально предполагалось, что разные формы городского самоуправления будут в столицах и других городах империи. Законодателем также было определено, что в небольших городах управление

¹⁷⁴ Нардова В.А. Самодержавие и городские думы в России в конце XIX – начале XX века. – СПб., 1994. С. 156.

¹⁷⁵ Писарькова Л.Ф. Московская городская дума: 1863–1917 г. М., 1998. С. 267.

¹⁷⁶ Шиловский М.В. Роль государства в развитии производительных сил Сибири во второй половине XIX–начало XX века: к постановке проблемы //Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII–начала XX века: сб. материала региональной научной конференции. Новосибирск, 2007. С. 15.

¹⁷⁷ Стариков Н.В. Власть. СПб.: Питер, 2016. С. 187.

городом остается в ратушах¹⁷⁸. Важно подчеркнуть, что начало административных и городских реформ Екатерины II совпало со временем территориально-административного развития Сибири и особенно ярко наблюдалось в ее восточной части. Подобные исторические примеры важны для понимания аксиологической сущности властных институтов РФ в кризисных условиях. Например, по мнению некоторых авторов, преемственность власти в России не соответствует сегодня национально-государственным интересам¹⁷⁹ именно по причине аксиологического несоответствия субъектов и объектов власти.

Отличительной чертой представлений населения о власти являлось то, что она в отечественной традиции всегда содержала в себе представления граждан о добре и зле. Еще в «Повести временных лет» земная жизнь рассматривалась как противостояние добрых и злых людей, а опасность злых людей проявляется в том, что «зол человек ни Бога не боится, ни человека. Именно посредством их множится мировое зло. Борьба за добро, любовь к добру, добролюбие – важнейшие ценности исторического понимания Древней Руси»¹⁸⁰. Главным в историческом самосознании российских людей всегда являлось выражение борьбы добра со злом. Эту особенность власти в нашем Отечестве отметил еще монах Нестор, который указывал, что осознание неизбежности этой вечной борьбы создает условия, способствующие максимальной консолидации всех общественных ресурсов. Тезис Нестора об историческом единстве народа и единении самосознания Руси¹⁸¹ становится особо актуальным в современной России. Для многих отечественных ученых идеи древнего мыслителя были отправной точкой для исследований на протяжении столетий, поэтому они в своих трудах раскрывали многие

¹⁷⁸ Дамешек Л.М., Плотникова М.М. Модели городского самоуправления в Восточной Сибири в конце XVIII-первой половине XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 394. С. 115.

¹⁷⁹ Хабибулин А., Селиванов А. Преемственность власти при суверенной демократии // Аргументы и время. 2006. № 9. 6 июля. С. 11.

¹⁸⁰ Андреев А.Л. Особенности русского исторического самосознания // Теория и история. 2004. № 3. С. 23.

¹⁸¹ Лихачев Д.С. Нельзя уйти от самих себя. Историческое самосознание и культура России // Новый мир. 1994. № 6. С. 115.

особенности власти в России, включая ее аксиологический вектор. Как только в нашей стране оформились основы политической организации, российский народ на протяжении всей своей жизни упорно и настойчиво ищет некий образец, духовно-политическую константу, при помощи которой удалось бы создать власть в соответствии с представлениями народа о царство справедливости и правды. Своеобразным символом такого видения окружающего мира выступает «Русская Правда». П.Е. Бойко, который уверен, что «...благодать Иллариона есть не что иное, как религиозный образ идеала свободы как высшей цели всемирной истории»¹⁸², если понимать свободу в качестве определенного набора правовых норм, декларируемых в традиционном, западноевропейском смысле. Однако власть в России формировалась по другим стандартам.

Цена и ценность власти в России во многом была обусловлена религиозным фактором. Историческому христианству на востоке удалось сохранить духовное, сакральное единство православия на основе великого принципа православной церковности, что сыграло решающую роль в становлении России, со временем ставшей ведущей силой православного востока. По мнению П. Милюкова, «Византизм явился среди русских славян огромной силой, прежде всего потому, что он поддерживался властью; во-вторых, он сам по себе был силой организованной; в-третьих, он нес с собой науку, гражданское и церковное право, просвещение. Он явился источником, откуда русский народ пил веками, почти не имея ничего другого»¹⁸³.

Оценка сущности и перспектив власти в России предполагает понимание роли православной нравственности, которая может реализовываться только в обществе, где научно организованный труд базируется на коллективистском базисе. В православии содержится сущность «русской идеи», представляющей собой концепцию единства нескольких

¹⁸² Бойко П.Е. *Идея России в русской философии истории*. М.: Изд-во «Социально-политическая МЫСЛЬ». 2006. С. 28.

¹⁸³ Флоренский П.А. *Сочинения*: В 4 т. Т. 1. М., 1994. С. 642.

важнейших направлений общественной жизни: приоритет духовности в человеческих отношениях, освобожденный труд и справедливое устройство жизни всех народов. Все эти важные направления проявляются, как указывал Н.А.Бердяев, в стихийном «русском коммунизме»¹⁸⁴.

Из религиозно-нравственного опыта многих поколений формировалось и укреплялось правовое сознание, поэтому в России духовная основа не расшатывалась, а традиции воспринимались как естество, несмотря на множество неоднозначных внешних событий. На более позднем этапе истории, когда страна вступила в эпоху социальных потрясений, появился правовой нигилизм, который подпитывался нигилизмом религиозно-нравственным, когда все стали говорить о правах человека, ребенка в частности; чем более рассуждали о правах, тем более теряли основное право – остаться народом с исторически выверенной культурой. Абстрактные права возвысились над конкретными, составляющими смысл и суть человеческого бытия¹⁸⁵. Данный аспект особо проявляется во властной системе. Дело в том, что справедливость, присутствующая в нравственных представлениях, не во всех общественно-культурных образованиях соотносится с природой юридического права. Существует, например, специфика русского понимания справедливости, которое имеет глубинные исторические и ментальные истоки, во многом определяя русский характер. Это один из примеров, дающих представление о том, что одни и те же слова в различных духовно-культурных контекстах могут иметь различный смысл¹⁸⁶.

Сложившаяся в России ситуация, детерминированная сменой социокультурной парадигмы, свидетельствует о сохраняющемся расколе во властных структурах по отношению к европейским ценностям, ведь в российском социуме всегда большую роль играли ценности,

¹⁸⁴ Комаров, В.Д. Актуализация нравственного смысла // Теория и история. 2007. № 2. С. 21.

¹⁸⁵ Корольков А.А. Духовный смысл русской культуры. СПб: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2006. С. 189-190.

¹⁸⁶ Ильин И.С. Онтологическое значение этических категорий в правовом способе социально-нормативной регуляции // Вестник Орловского государственного университета. Серия: новые гуманитарные исследования. №1, январь-февраль 2011 г. С. 225.

сформировавшиеся вне западной аксиологической шкалы. Российская цивилизация отличается от европейской в первую очередь по своим базовым ценностям, фундаментальным принципам, и менталитету, что дает основания говорить о своеобразии отечественной аксиологической шкалы. Становление российского государства происходит в сложных условиях смены социокультурной парадигмы, когда сама идея национально-государственной модели общества испытывает на себе давление универсалистских тенденций. В подобной ситуации содержание национальной составляющей идентичности зависит не только от государственных структур, которые выполняют в России роль ключевого ориентира, но также от специфики форм социальной самоорганизации. Например, современная модернизация осуществляется с учетом традиционалистских установок, на которых базируются позитивные ориентиры идентичности, как правило, обращенные в прошлое. Действительно, на базе исторических примеров часто формируются представления о национальном достоинстве и национальной гордости. Модернизационные же процессы чаще всего ассоциируются с кризисом, со сдачей позиций великой державы и забвением национальных ценностей. Дело в том, что «утрата почвы, в качестве которой в России на самом деле выступало не столько общество (народ-богоносец), сколько государство, обернулась произволом и беспорядком во всех сферах жизни. Отсюда призывы философов к бытию, представителей искусства высоким ценностям, моралистов к Добру, религиозных деятелей к Богу, политиков к Государству, народных целителей к «космическим энергиям» можно расценивать как реакцию на беспочвенность и беспорядок»¹⁸⁷. В российской культуре всегда большую роль играли ценности, сформировавшиеся не на западной аксиологической шкале. Указанная специфика особенно заметна в системе власти, которая «...исторически преодолевается европеизмом, изживается в фундаменте российской цивилизации, а в какой – напротив, нарастает,

¹⁸⁷ Марков Б.В. Философский ландшафт в России // Credo -2006. №1. С. 51.

принимая формы отталкивания от Европы»¹⁸⁸. Однако многие современные приверженцы западной системы ценностей пытаются распространить ее и на систему управления, игнорируя факт социал-дарвинистских превращений, которые претерпела современная управленческая теория и практика.

Эффективная система управления формировалась в России постепенно, однако она с самого начала приобрела специфические черты. В частности, в нашей стране сформировалась такая система самоуправления, какой в то время не существовало в Европе. В разрезе данного исследования необходимо учитывать тот факт, что местное самоуправление в нашей стране является не только определенной формой управления, но также выступает в качестве ценности, которая никогда не носила декларативный характер. Историческая практика показывает, что деятельность местного самоуправления затрагивала все основные вопросы регионального значения, которые часто передаются на местный уровень по мере решения комплекса проблем, характерных для предыдущего этапа. Важной характеристикой отечественного самоуправления становится привлечение к непосредственному участию в управленческой деятельности тех социальных групп и лиц, интересы которых обслуживались на данном конкретном этапе. Традиции и опыт становления самоуправления в России имеют довольно богатую историю, не получившую пока своей адекватной оценки на уровне социально-философского осмысления. Это направление должно стать ведущим, потому что отсутствие серьезных научных и философских разработок, в которых аккумулировались бы лучшие традиции отечественного управления, с одной стороны, и все достоинства новейших информационных технологий – с другой. Подобные работы способствовали бы формированию адекватной роли аксиологического фактора во властных структурах нашей страны. Специфика России состоит в том, что в общественном сознании местное самоуправление традиционно считалось важной формой управления

¹⁸⁸ Кондаков И.В. «По ту сторону» Европы // Вопросы философии. 2002. № 6. С. 5.

общественными делами, однако реализация проектов по формированию новых властных структур проходила в рамках централизованного управления.

Насильственное внедрение чуждых русской системе управления западных стандартов приводило к разрушению, а не к созиданию во всех областях социальной жизни. Дело в том, что своеобразие формирования и реализации власти в России часто вызывало раздражение у сторонников западной модели государственного устройства. «Либерализм направляется странами Запада на экспорт, потому что они хотят уничтожить суверенность государств как источника власти»¹⁸⁹. В Европе по-прежнему господствует мнение о «неправильном» развитии российского общества, а также необходимости «исправить» отечественные государственные механизмы по аналогии с Западом. Многие политики сегодня, как и сотни лет назад, стоят на позициях подавления российской цивилизации, т.е. уничтожения не только материальными, но и духовными способами нашей страны как государственного образования. Дело в том, что «в ситуации, когда социально-экономические мотивы интеграции интересов населения действуют слабо, а национальная политика государства достаточно противоречива, повышается опасность отрыва части регионов от политического и правового пространства страны и их перетягивания близкими по этнокультурным традициям полюсами»¹⁹⁰. Можно с удовлетворением констатировать, что за последние десятилетия ситуация несколько улучшилась, что, в частности, проявилось в большей определенности взаимоотношений между властью и обществом.

Отличие в аксиологических установках российского общества и западных социумов состоит в культе крайнего индивидуализма и консюмеризма, характерных для Запада, которые упорно насаждаются при помощи современных информационных технологий на всем пространстве мирового сообщества. Для российского общества это неприемлемо, потому

¹⁸⁹ Стариков Н.В. Власть. СПб.: Питер, 2016. С. 182.

¹⁹⁰ Глonti В. Федеративные отношения в Грузии // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 7. С. 110.

что подобные тенденции закономерно становятся базисом для таких социальных пороков общества, как жестокость, немотивированная агрессия, наркомания, сексуальная вседозволенность и т.п. Усугубляет ситуацию также разрыв с христианскими традициями, что в сочетании с культом индивидуализма провоцирует радикальные течения, проявившиеся, например, в широком распространении на Западе неподотчетных обществу псевдорелигиозных сект. Можно согласиться с Н. О. Лосским, который десятилетия назад уверял, что Западная Европа не в состоянии воплотить христианский идеал человеческого существования из-за того, что переоценивает рационалистическое начало в жизни и логический способ познания в ущерб духовности. По мнению Н.О.Лосского, Россия не смогла воплотить в жизнь великие идеалы, потому что русский народ мало уделяет внимания разработке логического способа познания, который оптимальным образом должен сочетаться со сверхлогическим пониманием реальности¹⁹¹. Можно оспаривать отдельные положения в учении великого отечественного философа, однако придется согласиться с ним в том плане, что проблемы российского общества обусловлены властью, противоречивость которой во многом детерминирована амбивалентностью русского сознания.

Для понимания особенностей аксиологических установок власти в России важно учитывать многозначность категории «правда», поскольку ее значение в истории отечественного теоретизирования трудно переоценить. Она имеет глубокий смысл не только и не столько в гносеологическом смысле, но также проявляется в таком понятии, как «жить по правде». Управление обществом «по правде» подразумевает формирование адекватных социальных институтов, раскрывающих антиэнтропийный характер власти. Реализация подобных проектов позволяет ускорить процесс достижения цели управления, «когда принятие решения представляет собой отрицательный вклад в социальную энтропию»¹⁹². Развитие данной идеи находим у Д.Григоренко

¹⁹¹ Лосский Н.О. История русской философии. М.: Советский писатель, 1991. С. 41.

¹⁹² Чуринов, Н.М. Правда и совершенство слова // Теория и история. 2007. № 1. С. 170.

который вполне резонно подчеркивает, что «...управление обществом «по правде» есть не что иное, как внесение субъектом управления своей стройности в процессы роста социальной энтропии, происходящие в жизни общества. Человек обогащает (восполняет, совершенствует) своей стройностью совершенство социального мира, имеющего в своей сути диалектическое противоречие социальной стройности и нестроения»¹⁹³. Власть, реализующаяся «по правде», находит свое воплощение на уровне актуальной практики управления российским обществом. Подобная управленческая стратегия является неотъемлемой частью объективной диалектики жизни российского общества, поэтому такой тип управления проявляется на всем историческом пути России. При таком подходе максимально востребованными являются те традиции, которые базируются на отрицательных вкладах в социальную энтропию. Антиэнтропийный принцип организации жизни общества реализовывался в управлении им «по правде». Он подтвердил свою эффективность в разные периоды отечественной истории, получив таким образом фактическое обоснование своей актуальности. Диалектические противоречия, возникающие в процессе реализации указанных направлений, представляет собой характеристику степени совершенства социума России. Оно также выступает в качестве показателя устойчивости общества, обусловленного единодушием его представителей. Изучение диалектического смысла указанных противоречий характерно для русской философии. Например, понятие коллективизма в рамках диалектики части и целого исследуется А.А.Богдановым: «Органическое единство жизни таково, что ее целое всегда отражается в каждой части. Так и любая социальная форма – форма труда или познания – отражает в своей истории и в своем строении путь развития и принцип организации всего общества»¹⁹⁴.

¹⁹³ Григоренко, Д.Е. Русский социализм как антиэнтропийная концепция управления российским обществом // Теория и история. 2007. № 2. С. 32.

¹⁹⁴ Григоренко, Д.Е. Русский социализм как антиэнтропийная концепция управления российским обществом // Теория и история. 2007. № 2. С. 31.

Значительной проблемой для российской власти всегда являлись попытки становления России на путь активного модернизационного перехода, поскольку представители власти в большинстве случаев не имели адекватного представления о сущности этого периода. Однако четкого алгоритма преобразований не было также у многоликой оппозиции, что, как свидетельствует история, приводит к грандиозным национальным катастрофам. В таких условиях перспектива отчуждения власти от общества несет реальную угрозу социокультурной идентичности и суверенитету народу. В ближайшие годы эта тенденция станет ведущим фактором нестабильности, который несет в себе серьезную угрозу фундаментальным основам российской цивилизации. Если будут игнорироваться чаяния большинства граждан России, как это происходило и ранее, то это будет означать победу врагов РФ, мечтающих разрушить нашу страну как субъекта мировой политики. Проблема усугубляется тем фактом, что значительная часть молодежи уже отравлена космополитизмом, поэтому они мыслят в масштабах всего мира, а судьба Родины их, как правило, мало волнует. К сожалению, антипатриотизм в XXI веке не рассматривается как нечто необычное, однако в России «он усиливается в связи с деструкцией традиционных форм жизни»¹⁹⁵.

В нашей стране была предпринята попытка построить общество, которое изначально было бы ориентировано на внеэкономические цели, однако российской цивилизации не удалось реализовать подобный проект. Страны, выступающие в роли наших конкурентов, строили цивилизацию, которая в качестве экономической цели была направлена исключительно на наживу. Конкуренция вынуждала их воспроизводить социальные институты и ценности, которые оказались более успешными именно в России. В последние десятилетия происходит демонтаж избыточных социальных институтов, потому что система их не в состоянии содержать, ведь в этой системе

¹⁹⁵ Марков Б.В. Философский ландшафт в России // Credo. 2006. №1. С. 59-60.

отсутствуют стимулы, а также ресурсы для поддержки этих институтов. Ю.А.Тихомиров справедливо отмечает: «Правосознание и юридические нормы имеют глубокие корни в обществе, в его традициях и культуре. Правовые потребности зарождаются в глубинах общественной жизни. К тому же феномен правопреемственности означает, что у права и законов радиус действия нередко длиннее, чем у принявших их государств и государственных органов»¹⁹⁶. Например, Россия после крушения советской системы попала в колею той же общественной модели, однако проявившейся в самом примитивном варианте. Тем не менее, «монетизация» социальных институтов, а точнее их демонтаж представляет собой освобождение системы от громоздкого, абсолютно чуждого ей бремени. Для понимания аксиологического фактора в системе власти важно следующее высказывание А.Гулыги: «Русская идея всеобщего спасения родилась из катастрофического прошлого страны. Сегодня весь мир, несмотря на видимое благополучие, сползает к катастрофе. Поэтому опыт России преодолевать беду важен для всех. Точнее – для тех, кто эту беду предчувствует и убежден, что ее можно избежать. Для тех, кто полагает, что пока растет производство и благополучно работает полиция, ничего дурного не произойдет, для тех русская идея не существует»¹⁹⁷.

В наследии С.Л. Франка большое место занимает описание идеала общественного устройства, проявляющееся в таком соборном устройстве общества, в основе которого лежит представление о равенстве людей в их онтологической богочеловеческой сущности. Как утверждает С.Л.Франк, «...в том и состоит печальная ирония истории, что русский коммунизм, основывающийся теоретически на экономическом материализме, т.е. на вере в полную зависимость политического развития от экономически созданных сил страны, должен укрепляться на безнадежной позиции, при которой его

¹⁹⁶ Тихомиров Ю.А. Государство: Развитие теории и общественная практика // Правоведение. – 1999. №3. С. 3-14.

¹⁹⁷ Гулыга, А.В. Творцы русской идеи. М.: Молодая гвардия, 2006. С. 21.

политические условия прямо противоречат экономическим условиям. И все же это противоречие непреодолимо для него самого и должно рано или поздно послужит причиной его крушения»¹⁹⁸. Однако Франк понимает соборность метафизически, рассматривая как своеобразное субстанциальное органическое единство общества. По его мнению, соборность воплощает собой идею всеединства, представляющую собой внутреннюю связь человеческого духа со всем сущим. При таком подходе жизнь понимается в единстве, в то время как ее противоположностью является внешняя раздробленность и отчужденность природного бытия. Необходимо подчеркнуть, что попытка противопоставления индивидуального и массового сознания является типичным тезисом не только для христианских мыслителей Запада, но и для представителей европейской философской школы.

Сложность достижения гармонии в деятельности всех актуальных жизнеутверждающих социальных институтов российского общества обусловлена тем, что они должны включать различные общественные союзы и церковные организации, а не только государственные организации. Этот процесс подразумевает общественный прогресс как результат соборного управления, которое совершается на основании принципа «всем миром». Вот почему практика вражды социальных институтов, характерная для западных обществ, не может быть приемлемой в практике властных структур российского общества. Дело в том, что базисом совершенства общественных отношений в России является противоречие между двумя векторами развития смуты и социальной стройностью, которые характеризуют соответствующие разнонаправленные направления развития общества: энтропийный и антиэнтропийный. Антиэнтропийный вектор обусловлен необходимостью постоянного совершенствования общественной жизни, включающей в себя ряд элементов: развитие коллективистской организованности социума; упорядоченность, гармоничность. Именно поэтому антиэнтропийная

¹⁹⁸ Франк С.Л. Внутреннее противоречие советской системы // Вопросы философии. 2007. № 1. С. 168.

управленческая стратегия должна базироваться на соответствующем векторе, направленном на гармонизацию деятельности всех актуальных социальных институтов российского общества. «В Россию ни с того ни с сего продвинута мистификационного свойства идея многопартийности, т.е. лишенности диалектики единомыслия и многомыслия, отсутствия государственного мышления. В чем смысл многопартийности? Во-первых, партии западного типа, конечно, – это идея эпигонствующих в России, доказывающих, что русская цивилизация – это цивилизация догоняющего типа, и, следовательно, надо перенимать у Запада все, не раздумывая. Во-вторых, эти партии политических посредственностей, партии плебса, партии атомизированного общества, так сказать, клюющего на те или иные приманки»¹⁹⁹. Категоричность подобных суждений свидетельствует о том, что западноевропейский опыт взаимоотношений между властью и обществом не является однозначным.

В процессе исследования мы приходим к важному заключению, согласно которому уничтожение СССР и советской системы не привело к кардинальным изменениям в шкале ценностей народа, на которой базировалась российская цивилизация. В частности базовый алгоритм развития социальной системы не изменили даже такие основательные трансформации, как отказ от идеологии и радикальная смена отношений собственности. В первую очередь подобный алгоритм проявляется в наиболее важных аксиологических характеристиках взаимоотношений общества и соответствующих властных структур, представляющих государство. Естественно, что новые тенденции, проявляющиеся во всех социальных структурах, несколько изменили условия реализации властных инициатив, однако не затронула самой сущности социально-политической конфигурации «общество-государство».

¹⁹⁹ Чуринов, Н.М. Идеология государственного мышления // Теория и история. 2007. № 2. С. 9.

Аксиологический фактор в системе власти проявляется также в том, что русские люди, как правило, не удовлетворялись полезностью и умозрительностью окружающего мира, потому что для них всегда было важным стремление к правде жизни. Важно учитывать тот факт, что правда в понимании наших предков не рассматривалась как своеобразная юридическая регламентация поведения граждан, потому что это понятие включало в себя стремление к справедливости и совершенству. Можно констатировать, что для русских людей стремлением истинности человеческих отношений всегда оставалось определяющим. Уже в таком древнейшем юридическом памятнике, как «Русская Правда», который отражал все стороны древнейшей истории Руси, отчетливо проявлялся синтез юридических, нравственных и религиозных категорий²⁰⁰. Не случайно И.А. Ильин, анализируя проблему самобытности отечественной истории, предупреждает об опасности бездумного подражания ценностям и идеалам, которые представляются ведущими для Запада. Далее отечественный мыслитель констатирует: «Запад нам не указ и не тюрьма. Его культура не есть идеал совершенства. Строение его духовного акта (...) может быть и соответствовать его способностям и его потребностям, но нашим силам, нашим заданиям, нашему историческому призванию и душевному укладу оно не соответствует и не удовлетворяет. И нам незачем гнаться за ним и делать себе из него образец. У Запада свои заблуждения, недуги, слабости и опасности. Нам нет спасения в западничестве. У нас свои пути и свои задачи... Мы Западу не ученики и не учителя»²⁰¹. Другие русские мыслители также подчеркивали, что западноевропейская философия исчерпала свой положительный потенциал, который можно было бы использовать в качестве базиса для создания эффективной управленческой системы. И.В. Киреевский уверен, что «последний результат европейской образованности, правда, еще далеко не

²⁰⁰ Корольков А.А. Духовный смысл русской культуры. СПб: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2006. С. 250.

²⁰¹ Ильин И.А. Наши задачи // Собрание сочинений: В 10 т. М., 1993. Т. 2. Кн. 1. С. 426–427.

сделавшийся всеобщим, но, очевидно, начинающий уже господствовать в передовых мыслителях Запада, принадлежит новейшей и, вероятно, уже окончательной эпохе отвлеченно-философского мышления»²⁰². Аксиологический аспект концепции реального самоуправления не предполагает автоматического заимствования чуждого нам опыта, потому что западный его вариант несет в себе порочную идею безудержного материального потребления, что не в традициях российского общества. Однако необходимо подчеркнуть, что отечественная философия также столкнулась с определенными проблемами. Например, можно утверждать, что именно в славянофилов проявилась аксиологическая ограниченность проектов по управлению Россией на базе отечественных ценностей. Подобные социальные эксперименты порождают напряжение в обществе, и эти страхи, наблюдавшиеся в последние годы, имели определенную динамику, т.е. в тот или иной период времени вперед выдвигались конкретные страхи, которые в полной мере проявлялись в системе управления страной²⁰³.

Полноценное исследование аксиологических особенностей власти предполагает учет того факта, что в политической истории России сложился своеобразный опыт взаимоотношений народа и власти. Это позволяет осознать роль населения в формировании российской власти, а также принцип его активного участия или пассивности в управлении страной²⁰⁴.

Оценивая ведущие ценности отечественной системы, К.Н. Леонтьев призывает современников: «хранить свою личную веру и личную добродетель до конца...; своему русскому государству, как столпу настоящего недемократического христианства, мы должны стараться сделать пользу, как умеем»²⁰⁵. Важность сохранения ценностной функции в субъект-объектных отношениях на всех этапах отечественной истории подчеркивалась всеми

²⁰² Киреевский И.В. Критика и эстетика. М., 1970. С. 123.

²⁰³ Матвеева С.Я., Шляпентох В.Е. Страхи в России в прошлом и настоящем. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. С. 115–117.

²⁰⁴ Кантор В.К. Между произволом и свободой. К вопросу о русской ментальности. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2007. С. 218.

²⁰⁵ Леонтьев К.Н. Чем и как либерализм наш вреден? // Избранное. М.: Рарогъ; Московский рабочий, 1993. С. 185.

великими отечественными мыслителями. Сложилось устойчивое мнение, согласно которому только люди, преуспевшие в добродетели, могут управлять соборным государством.

Отечественный опыт взаимоотношений общества и власти вызывает неоднозначные оценки. Встречаются попытки одновременно позиционировать российский народ как самый националистический и наиболее всемирный. Еще чаще можно слышать утверждения о российском народе, который является «бесконечно свободным и вместе с тем подчиненным рабской необходимости»²⁰⁶. Подобные противоречия во многом обусловлены тем, что общество потребления, характерное для западной цивилизации, начинает формироваться и в России, однако отличительной чертой этого процесса в нашей стране является его направленность. Он разворачивается в сфере государственной власти, создавая условия для общества политического потребления, т.е. характерной особенностью подобного процесса является превращение политики в объект потребления, а самой распространенной его формой выступает политическое зрелище. Цель подобных действий состоит в противопоставлении сцены, где в процессе политической игры принимаются важные политические решения, и народа, являющегося пассивной аудиторией, реагирующей на это политическое шоу аплодисментами, криками неодобрения или голосования²⁰⁷. Совсем не случайно западники приняли основной тезис победившего Запада: коммунизм является порождением традиционализма, который принял крайние формы. Тем самым, если оценивать последние десятилетия с аксиологической точки зрения, то Запад избавлялся от всяких поводов для самокритики, претендуя на мировое Добро, а на Россию навешивается ярлык носителя мирового Зла.

Любая власть должна стремиться строить социальное государство, опирающееся на принцип социальной справедливости. «Именно на этой

²⁰⁶ Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. С. 11–21.

²⁰⁷ Ильин В.И. Россия: общество политического потребления // Философские науки. 2007. № 7. С. 49–66.

основе должны осуществляться либеральные реформы, а не наоборот, если мы желаем получить такое жизнеспособное российское общество, которое будет способно адекватно ответить на все угрозы и вызовы мировой глобализации»²⁰⁸. Анализируя аксиологическую ценность формирования различных форм самоуправления, важно учитывать, что именно России предназначено внести определяющую роль в формирование новой парадигмы развития цивилизации. Это обусловлено духовно-нравственным, интеллектуальным и природно-ресурсным потенциалом, а также возможностью практического претворением всего этого богатства не только на уровне отдельных государств, но и в масштабе всей планеты²⁰⁹. В.Г.Федотова доказывает, что национальная модель модернизации России должна основываться на идентичности, включающей политические амбиции, а также желания вывести страну в число лидеров мирового развития путем улучшения внутренней ситуации²¹⁰. Именно Россия может в полной мере осознать стремление человечества к гармоничному объединению, что является важным условием преодоления кризиса цивилизации. Высокая цель, направленная на предотвращение гибели человечества, в состоянии объединить российский народ, а также будет способствовать определению основных приоритетов в действиях власти. Увеличиваются шансы на коэволюционный путь развития человечества, являющийся единственно возможным вариантом будущего²¹¹.

Оценивая противоречивые процессы современности, многие из которых обусловлены спецификой субъект-объектных отношений в системе власти, Христиана Улиг описывает сознательную оппозицию к западному мышлению, сложившуюся в России. По ее мнению, она свидетельствует о сильной

²⁰⁸ Шевченко В.Н. Проблема трансформации российского государства на современном этапе глобализации // Глобализация и перспективы современной цивилизации / Отв. ред. К.Х.Делакаров. М.: КМК, 2005. С.148

²⁰⁹ Поздняков А.В. Концептуальные основы решения проблемы устойчивого развития. Томск: Спектр, 1995.

²¹⁰ Федотова В.Г. Глобализация и российская идентичность // Глобализация и перспективы современной цивилизации / Отв. ред. К.Х.Делакаров. М.: КМК, 2005. С.169.

²¹¹ Яхнин Е.Д. Эволюция и будущее человеческого социума (общенациональная идея России в мировом контексте) // Вопросы философии. 2006. №5. С. 174.

компенсаторной функции для выросшего национального разочарования, из которого многие русские пытаются выйти²¹². Трудно в полной мере согласиться с выводами этого автора, однако необходимо подчеркнуть, что проблемы, которые несет в себе недооценка ценностных особенностей властных механизмов, становятся все острее. В частности, в результате бессистемных социальных реформ конца XX в. национально-цивилизационная идентичность российского социума оказалась размытой, что нанесло серьезный удар по аксиологическому базису, на котором формируются властные механизмы.

Еще один важный момент, касающийся аксиологических оснований властных механизмов, состоит в том, что характерной чертой русской ментальности и русской политической традиции является сверхперсонализации власти, которая берет свое начало в религии, образовавшей подлинное русское мышление, и наложившее отпечаток на все формы духовности. С момента разрушения СССР актуализировался вопрос о сущности нового государства, которое мы должны построить. Нас не может устроить веберовский вариант, потому что он представляет собой проект не государства, а только управленческой структуры, постоянно порождая евробюрократию. Также не оправдал себя на практике американский проект, где в качестве базиса управления выступает «чистый рынок», хотя больше всего энергии отечественная власть потратила именно на американизацию. Естественно, что положительного результата в формировании нового образа власти мы не могли получить, поскольку подобные принципы управления явно противоречили менталитету российского народа²¹³.

Таким образом, из этой части диссертации можно заключить, что кризис, в котором оказалась Россия в последние десятилетия, свидетельствует о деформации властных механизмов, что во многом детерминировано

²¹² Christiane Uhlig, in Osteuropa. Vol 45. 38/2464. 1995. S. 815.

²¹³ Сергейцев Т. К социологии русского постсоциализма // Однако. Апрель-май 2014. С. 34–35.

целенаправленной деструктивной политикой Запада, а также безответственных политиков в нашей стране, утративших фундаментальные ценности российской цивилизации. Решение проблем российского государства и общества во многом связано с тем решением проблемы власти, без чего Россия не сумеет занять достойное место в будущем многополярном мире. Эта задача актуальна не только для нашего общества, поскольку многие социальные объединения осознают, что спасение своей идентичности и дальнейшее самостоятельное так или иначе связано с Россией, сохранившей духовные традиции и впитавшей в себя позитивный мировой опыт взаимоотношений общества и власти. Переход к новой социокультурной парадигме в полной мере отражается на властных структурах, в которых происходит обесценивание предыдущей аксиологической шкалы, на основе которой происходило формирование социокультурной идентичности общества на протяжении предыдущей парадигмальной эпохи. Особенно востребованным становится анализ разнообразных социальных последствий, так как не все властные механизмы в состоянии реализовывать общественные аксиологические установки, которые традиционно формируются в конкретном обществе на определенном историческом отрезке.

2.2. Особенности проявления аксиологических установок во властных механизмах трансформирующихся обществ

Полноценная характеристика современной власти и трансформация ее управленческих механизмов не может быть осуществлена, если не акцентировать свое внимание на том факте, что система управления сегодня осуществляется посредством новейших цифровых технологий. Речь идет не просто о сознательной деятельности какой-либо властной структуры, а о той разновидности, которая напрямую связана с выработкой решений. Вполне естественно, что значительную роль в этом вопросе играет организация, призванная претворять в жизнь решения, которая занимается не только

регулированием системы в соответствии с заданной целью, но также подведением итогов ее деятельности²¹⁴. Однако в условиях трансформации обществ резко возрастает взаимообусловленность власти и аксиологии.

В последние десятилетия произошла серьезная трансформация основных демократических принципов, и они перестали играть ведущую роль в политике, что важно учитывать при изучении аксиологических аспекты власти. Явный кризис, которому подвержена либеральная демократия в последние десятилетия, вызвал своеобразную реакцию, которая, в частности, проявилась в концепции состязательного элитизма, где особое внимание уделено анализу роли эффективного политического лидерства. Эта ситуация часто выражается дихотомичной позицией «Мы – Они», которая сохраняется даже при оказании моральной заботы в отношении иной культурной группы²¹⁵. А.А.Солдатов подчеркивает: «Размытые социальные границы неизбежно предполагают отсутствие прочной идеологической базы, на место которой приходят протестные тренды, зачастую прямо не связанные с политическими событиями и требованиями... Проблема заключается в том, что политические субъекты активно реагируют на любые движения, из-за чего сфера принятия политических решений теряет аутентичский характер»²¹⁶.

Для понимания истинных мотивов в действиях власти важно также учитывать тот факт, что в современных философских концепциях сознание трактуют как результат влияния внешних факторов на человечество в процессе эволюции (Д. Дубровский, Д. Деннет, Дж. Сёрль)²¹⁷, а также учитывают внутренние особенности личности, строения и функционирования

²¹⁴ Афанасьев В. Г. Человек в управлении обществом. М.: Политиздат, 1977. С. 57–58.

²¹⁵ Nadarics M., Kende A. Moral foundations of positive and negative intergroup behavior: Moral exclusion fills the gap // *International Journal of Intercultural Relations*. 2018. P. 67-76.

²¹⁶ Солдатов А.А. Новые социальные группы как фактор политической дестабилизации в современном социуме // *Дискурс*. 2021. №1. С. 89.

²¹⁷ Дубровский Д. И. Сознание. Мозг. Искусственный интеллект: сб. статей. М., 2007. 272 с.; Деннет Д. Онтологическая проблема сознания // *Аналитическая философия: Становление и развитие (антология)*. М., 1998. С. 361-375; Сёрль Дж. Открывая сознание заново. М., 2002. 256 с.; Патнэм Х. Философия сознания. М., 1999.

головного мозга (Т. Нагель, Д. Чалмерс)²¹⁸. Нередко в рамках современных междисциплинарных исследований нейробиологии и кибернетики сознание рассматривают как специфическую программу сбора, обработки и хранения информации (Х. Патнэм, Г. Райл)²¹⁹. Естественно, что подобные научные подходы нашли свое отражение в концепциях, где позиционируется особенность проявления властных структур в современных трансформирующихся обществах.

Распространённость тех или иных убеждений у представителей власти указывает на наличие людей с определённым опытом, стремящихся к интеграции²²⁰. Дело в том, что «размытые социальные границы неизбежно предполагают отсутствие прочной идеологической базы, на месте которой приходят протестные тренды, зачастую прямо не связанные с политическими событиями и требованиями»²²¹. Диалогичность обусловлена особенностью психики поддерживать социальные отношения с другими субъектами, представления о которых сформированы в целостный образ²²². Коммуникативное действие в рамках единого коммуникативного пространства осуществляется посредством диалогичной природы. Оно является направленным на достижение какой-либо цели, на достижение успеха в конкретном коммуникативном акте²²³.

Важный аспект изучения аксиологического аспекта власти в современном мире связан с реформированием общества, которое должно быть обусловлено новым типом общественных отношений. Без понимания священного как высшей ценности человек не представлял бы собой отдельное

²¹⁸ Нагель Т. Каково быть летучей мышью? // Глаз разума. Самара, 2003. С. 349—360 ; Чалмерс Д. Сознание: ум: в поисках фундаментальной теории. М., 2013.

²¹⁹ Патнэм Х. Философия сознания. М., 1999. 240 с.; Райл Г. Понятие сознания. М., 2000.

²²⁰ Leeuwen N., Elk M. Feeling the supernatural: responses to commentary // Religion, Brain and Behavior. 2018. P. 1-9.

²²¹ Солдатов А.А. Новые социальные группы как фактор политической дестабилизации в современном социуме // Дискурс. 2021. Т. 7. №1. С. 89.

²²² Boyer P. Religion Explained: The Evolutionary Origins of Religious Thought. N.-Y., 2001. 375 p.

²²³ Ross A., Chiasson M. Habermas and information systems research: New directions // Information and Organization. 2011. Vol. 21. P. 123.

разумное существо, отличное от животных. «Сознание мира, самосознание и сознание образа бога образуют неразрывное структурное единство»²²⁴. Сегодня оно нарушено, поэтому отрицательными тенденциями формирования российской культуры является утверждение пассивно-потребительского отношения к ценностям, а также утрата единой национальной идеи в связи с нарастающей тенденцией интернационализации культур и сложность организации региональной культурной политики²²⁵.

В современном трансформирующемся мире особо востребованными являются концепции, раскрывающие принципы действия властных структур, которые учитывают смену социокультурной парадигмы и соответствующей аксиологической шкалы. «Народ отдавал свою власть учрежденному или демократически выбранному им правительству, чтобы государственным усилием решить не только внешние, но и внутренние проблемы (экономического благосостояния, защиты граждан от общественных неурядиц и т.д.)»²²⁶.

Проблема состоит в том, что гуманитарные науки «добровольно и по мере своих возможностей выполнили вменённую им идеологами перестройки функцию по трансформации общественного сознания российского общества до того предела, за которым их воздействие заканчивается, упираясь в трансцендентные и ментальные свойства социума, уходящие в православную традицию»²²⁷.

Необходимость обращения к аксиологическому базису власти резко возрастает в кризисные ситуации, которые периодически переживает любой социум. Дело в том, что в неблагоприятные периоды люди чаще обращаются к властным структурам, надеясь на ее способность предвидеть причины,

²²⁴ Шелер М. Положение человека в космосе // Проблема человека в западной философии. М., 1988. С. 31-95.

²²⁵ Проблема социокультурных исследований в современной гуманитарной науке / Н. П. Копцева, Н. А. Бахова, Ю. С. Замараева, В. И. Кирко // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 3. С. 323.

²²⁶ Кантор В.К. Между произволом и свободой. К вопросу о русской ментальности. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. С. 215.

²²⁷ Марцева Л.М. Сущность и существование труда.: избранные статьи. Омск: ИЦ «Омский научный вестник», 2013. С. 95.

масштабы и последствия кризисов²²⁸, а именно эта функция должна быть присуща достойной власти. Смена социокультурной парадигмы привела к корректировке аксиологической шкалы и продемонстрировала необходимость изменений самой структуры власти и трансформировала всю управленческую систему. Подобные трансформации обусловлены идеей глобального рыночного «естественного отбора», в результате которой осуществляется дискредитация всех незащищенных и неприспособленных, провоцируя разноплановый процесс отчуждения. Указанные тенденции усугубляются тем, что глобализация предполагает децентрализацию, которая проявляется в передаче властных полномочий от центра местным выборным органам.

Важно отметить, что речь идет не о замене существующих управленческих, социально-экономических и всех других теорий, методологий и методик общественной организации, а лишь о реорганизации и модернизации их на новом мировоззренческом и аксиологическом базисе. Учет аксиологического фактора в субъект-объектных отношениях предполагает также гуманизацию всей управленческой системы, а также создание системы конструктивной конкуренции и партнерства стран различного уровня развития; выработку международного законодательства, способного предотвратить этнические агрессии²²⁹.

Для современного мира характерны социальные трансформации различных уровней, что обусловлено попытками формирования глобально-регионального мироустройства. Многие сторонники вестернистской аксиологической системы стремятся распространить ее также на управленческие механизмы, раскрывая таким образом социал-дарвинистскую сущность современной управленческой теории и практики. Однако история свидетельствует о том, что насильственное внедрение чуждых стандартов управления, приводило не к созиданию, а к разрушению всех сегментов

²²⁸ Regester M. Crisis management: How to turn a crisis into opportunity. – L. etc.: Hutchinson business, 1987.

²²⁹ Осипов Г.В. Социологическое понимание новых геополитических и социальных реалий в XXI веке // Вестник Российского философского общества. 2005. № 3. С. 38.

социальной жизни, вызывая закономерное противодействие в обществе. Своеобразие формирования и реализации суверенной власти раздражает сторонников западной модели государственного устройства, потому что подобные управленческий инструментарий направляется странами Запада на экспорт с целью уничтожения суверенности государств, выступающих источниками власти²³⁰. Несовершенство знаний об аксиологической сущности власти в полной мере отражается на различных сторонах деятельности общества, потому что политические деятели транслируют ценностную направленность социума посредством различных представителей общественного мнения. Среди множества людей самых разнообразных слоев все чаще наблюдается политический нигилизм по отношению к власти, а также незнание, непонимание и неуважение начал власти, что проявляется в размерах, незнакомых ранее в Европе²³¹.

Аксиологический вектор выступал важным критерием для определения истинного лица потенциального субъекта, носителя того или иного управленческого решения только до того момента, пока велась борьба с советской идеологией. В этот период демократия, выступающая в качестве проекта политического устройства общества, довольно четко позиционировала себя, однако в последние десятилетия современная демократия проявляет свою аморфность. Конформизм становится нормой жизни, потому что личность начинает жить по обстоятельствам, а это приводит к трансформации ценностей в мотивационной сфере общественного и индивидуального сознания. Игнорирование духовности приводит к появлению людей, которые культивируют бессовестный образ жизни, т.е. жизнь без совести, милосердия, взаимопонимания, а также других нравственных стержней, делающих человека человеком²³². Западный социальный порядок, основывающийся на общественном договоре, не может

²³⁰ Стариков Н.В. Власть. СПб.: Питер, 2016. С. 182.

²³¹ Тихомиров Л.А. Церковный собор, единоличная власть и рабочий вопрос. М.: Москва, 2003. С. 40.

²³² Кальной И.И. Отчуждение: истоки и современность. – Симферополь: Таврия, 1990. С. 144.

быть образцом для обществ, стремящихся сохранить свою социокультурную идентичность. Например, по отношению к российскому обществу подобные стандарты не работают, потому что мы «тяготеем к коллективному единству, но не готовы принимать самоотчуждение в коллективе с утратой личностного начала, что так присуще Востоку с его нерасчленимой социальной целостностью. Нам внутренне ближе устремление от личного к коллективному – осознавая собственную индивидуальность, мы устремляемся к общим задачам и идеалам. Нам ближе сама устремленность, и сохраняющая нас как личностей, и отторгающая коллективность нашего Я, а не преобладание того или иного начала»²³³.

Во властных механизмах трансформирующихся обществ аксиологические установки проявляются особенно ярко, потому что кризисное общество востребует ту систему власти, которая способна сохранить его жизнеспособность. Более того, несмотря на глобализационное давление, полностью упразднить современное государство не удастся, потому что при всех социальных трансформациях национальное государство сохранит за собой ведущие функции: а) обеспечение правопорядка; б) гарантии обороноспособности; в) достойный уровень социальных услуг; г) регулирование рынка; д) контроль над природными ресурсами и т. п. Меняющаяся власть в нашей стране опирается на политико-правовой режим, потому что при формировании нового socioэкономического и политического порядка всегда используются элементы прежнего. Однако не всегда учитывают тот факт, что при таком подходе не удастся формализовать существующие структуры власти.

Субъекты западной системы управления мировым сообществом, стремясь к мировому господству, пытаются придать статус единственно верного учения ограниченному набору либеральных идей, которые направлены на защиту прав человека, демократии и рыночной экономики, При

²³³ Кудашов В.И. Достоинство философа в современном мире (Субъективные заметки по поводу III Российского философского конгресса) // Теория и история. 2002. № 1. С. 96.

подобном подходе нивелируется социокультурная идентичность многих народов, которые выступают в роли объектов, тем более, что субъектами мондиализма часто используются методы идеологов тоталитаризма: они объявляют неверными все ценности, которые не совпадают с их концепциями. В современном мире «...новые технологии требуют вносить изменения в технику, они предполагают новые решения социальных, философских, даже личных проблем. Они изменяют все интеллектуальное окружение человека и его мировоззрение»²³⁴.

Важный аспект в исследовании аксиологической сущности власти состоит в том, что несовершенство современного мира часто трактуется в виде дихотомической формулы «или-или». Основывающиеся на подобном базисе носители так называемых универсальных ценностей (права и свободы человека – демократия – рыночная экономика) убеждают всех, что представляют единственно верный и возможный вектор человеческого развития. Сторонники этническо-религиозной специфики человечества объявляются приверженцами тоталитарных форм власти, вплоть до «империи зла». Современная мировая практика свидетельствует о том, что вестернистская система ценностей выступает в качестве новой версии секулярного фундаментализма, которая навязывается всему мировому сообществу в качестве образца универсальных ценностей, хотя истинной целью субъектов подобной политики является установление монополии единственного мировидения. Вызывает серьезные опасения тот факт, что отрицаются все ценности, которые не согласуются с узко трактуемыми представлениями о демократии в рамках западной либеральной парадигмы. Все ускоряющиеся трансформации в социальной сфере, имеющие глобальный характер, раскрыли противоречивость тенденций современной власти, которые детерминированы расхождениями в аксиологической шкале с народом. Тем более что объемы и качество знаний, накопленных

²³⁴ Тоффлер Э. Шок будущего. М., 2002. С. 42.

человечеством на данный момент, часто адекватны задачам управления. Эффективное управление предполагает обеспечение деятельности объекта для достижения целей, поставленных субъектом, причем решение подобных задач является условием сохранения системной целостности объекта. Именно по этим критериям можно судить о несовершенстве социального управления, поскольку доказательством его эффективности является нарушение системной целостности объекта, поскольку подобная ситуация в состоянии спровоцировать социально-экономические и политические кризисы в общественной жизни. «Бездомность, безродность современного человека прогрессирует, как ни странно, прежде всего там, где люди имеют комфортабельное жилище, и могут сами свободно передвигаться по миру»²³⁵.

Вестернизация социально-экономического и политического строя любой страны является принципиальной для инициаторов данного процесса, потому что способствует формированию мифологического комплекса. Он базируется на «своих героях», которые ориентированы на западные ценности, активно продвигая их в социальную действительность конкретного общества. Например, представители российской политико-экономической элиты рассматривают свое дело как важный вклад в «возвращение» России в сообщество так называемых «цивилизованных стран». С этой целью в области информационных технологий предпринимаются попытки создания в общественном сознании стереотипный образ тех политиков, которые проводили курс на «вестернизацию» российского общества, прикрываясь теми или иными демократическими процедурами. Граждане нашей страны при таком подходе воспринимаются западными технологами как некая «инертная масса», в сознание которой можно внедрить любую идею, создав таким образом определенный идеологический комплекс. Основной вектор подобных информационных диверсий направлен на разжигание противоречий между социумом и представителями власти. Однако существует теоретическое

²³⁵ Марков Б.В. Философский ландшафт в России // Credo. 2006. №1. С. 58.

знание, наработанное отечественными мыслителями, задачей которого является противодействие подобным попыткам навязывания российскому обществу новых мифов о его прошлом и будущем²³⁶.

Исследование различных аксиологических установок, которые проявляются во властных структурах в условиях больших социокультурных трансформаций, предполагает учет того факта, что механизм управления глобализационными процессами, отвечающий современным требованиям является сложнейшей проблемой современной науки. В истории эта проблема мировым сообществом решалась на основе практической деятельности и теоретических исследований на уровне конкретных сфер человеческой деятельности или отдельных регионов. Можно предположить, что подобная деятельность имела в основном спонтанный характер. Однако в современном мире решение подобных задач предполагает обращение к фундаментальным положениям теории управления, которая рассматривается как целенаправленное системное взаимодействие субъекта и объекта управления с целью решения задач, намеченных самим субъектом управления. В последнее время процесс управления предполагает достаточный уровень информационного обеспечения, а также наличие соответствующих аксиологически установок, как у субъекта, так и у объекта управления. Вот почему, нивелирование суверенного качества институтов государственной власти в контексте активизации международно-правовых и военных интервенций, характерное для современной общественной жизни, заметно сужают возможности государств, потому что они формируют условия, при которых сопротивление глобальной модернизации становится практически невозможным²³⁷.

Власть максимальным образом реагирует на тот факт, что в условиях

²³⁶ Григоренко Д.Е. Аграрные реформы П.А.Столыпина в контексте современного социального мифотворчества // Вопросы философии. 2007. №1. С. 64-65.

²³⁷ Волков В.Н. Либерально-демократический проект десовернизации отечественного политико-правового порядка // Вестник Орловского государственного университета. Серия: новые гуманитарные исследования. 2011. №5(19). С. 18.

смены социокультурной парадигмы и кардинальных изменений в обществе происходит девальвация традиционных ценностей. В этой ситуации обладание властью представляется определенной гарантией достойного и обеспеченного существования, поэтому войти во властные структуры мечтают те, кто не в состоянии реализовать себя в обществе, используя образование и профессию, т.е. люди с пониженной нравственной и социальной ответственностью. Постепенно происходит сублимация всех ведущих ценностей в определенном субъекте власти, что создает условия для проникновения во властные структуры случайных людей, не обладающих не только определенными управленческими талантами, но и элементарными моральными нормами, в том числе уважения к обществу, выдвинувшему конкретных представителей во властные структуры. Многие люди продолжают верить, что вестернистские традиции, преподносимые в качестве демократических, гарантируют соблюдение прав человека без различия его расы, национальности и религии, поэтому они должны оставаться приоритетными во всех сферах жизни современного общества²³⁸.

В современных условиях, когда трансформация властных институтов стала реальностью, особенно заметен противоречивый характер социальных связей в современном обществе, что особенно проявляется в изменении аксиологической шкалы на представителей власти. Современные информационные технологии, которые задают тон в современных управленческих механизмах, позволяют сформировать новую систему коммуникаций между представителями власти и конкретными гражданами. Важно особо подчеркнуть тот факт, что система власти, складывающаяся под воздействием глобальных информационных сетей, приобретает новое качество, а не только новые параметры. Однако эти процессы сталкиваются с серьезными проблемами, потому что старые социальные управленческие механизмы усложняют моделирование отдельных элементов властной

²³⁸ Абдулрахман Ф.М. Проблема регулирования миграционных процессов в современной Германии // Вестник Орловского государственного университета. 2011. №2(16). С. 274.

структуры. Построение целостной модели общества, позиционируемой в качестве результата естественноисторического процесса, предполагало бы сначала создать модели всех тех случаев, когда доминирующей оказывается одна из сторон общественной жизни, что вряд ли возможно без учета аксиологической шкалы как субъектов и объектов управленческого процесса. Сложность указанной задачи обусловлена резким изменением системы устоявшихся связей под влиянием хаотических информационных потоков. По мнению В.И.Толстых, «модернизация, как бы широко или узко ее ни толковали, представляет собой масштабный, растянутый во времени процесс общественных изменений и перемен, проводимых под знаком обновления, внятно продекларированного и аргументированного»²³⁹. Естественно, что это в полной мере касается власти.

Исследуя особенности сублимации аксиологических установок во властных механизмах в трансформирующемся обществе, важно учитывать поведение представителей властных структур в условиях уничтожения старых и появления новых социальных институтов. Концепции, посвященные особенностям руководства поведением людей в социуме, не сводятся к выработке соответствующих алгоритмов управления, поэтому учет аксиологического фактора играет важную роль. Кроме того, в деятельности власти значительное место занимают эвристические операции, не поддающиеся формализации. Дело в том, что современным ученым не очень понятны механизмы управленческой деятельности, поэтому более-менее адекватная оценка эффективности власти может быть осуществлена на аксиологическом базисе. Тем не менее, можно частично согласиться с категоричным выводом Л. Фаткина, утверждающим, что на современном информационном уровне руководство людьми является своеобразной формой искусства. Стоит признать, что современное управление должно включать в себя свободную творческую деятельность, которая базируется на научных

²³⁹ Толстых В.И. Консолидация и модернизация России. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2014.

знаниях, сочетая в себе приемы ремесла и профессиональные навыки²⁴⁰.

В современном мире приоритетными для общества является модернизация, а также национально-цивилизационное самоопределение, без чего трудно реализовывать масштабные проекты. Если правящий строй утверждает лишь те правовые, нравственные, религиозные нормы, которые обеспечивают незыблемость его прав и не отражают озабоченность нуждами народа, то эти нормы, как правило, не выполняются. Трудно не согласиться с выводом П.Дж.Бьюкенена, который утверждает, что в США правит не большинство, а кучка меньшинств, представление которых о будущем государства поддерживается всего лишь пятью членами Верховного суда, хотя «их имена вспомнит разве что каждый десятый американец...»²⁴¹

В последние десятилетия власть приобрела новые черты, обусловленные влиянием информационных технологий, хотя любая сложная самоорганизующаяся система обладает исторически определенным строением, собственными законами функционирования, а также собственной структурой. Подобная организованность выражается совокупностью общественных процессов, отношений, социальных институтов, по сути, представляет идеологию государственного мышления как идеология масштабного мышления. «Это своего рода идеологический макроподход, когда деятельность всякого социального субъекта осмысливается с точек зрения определенной социальности всей страны... В отличие от макроподхода, идеология государственного мышления раскрывает диалектику прерывного и непрерывного в поле социальности коллективистского общества, согласно которому, так сказать, нет такой точки, где находится собственно государственное мышление – это мышление и жизнь вместе со всей страной, в унисон всей стране, в унисон социальности всей страны. Государственное мышление – это, так сказать, мыслительный

²⁴⁰ Фаткин Л. Командообразование в организации как фактор эффективности совместной деятельности // Проблемы теории и практики управления. 2001. № 1. С. 106–111.

²⁴¹ Бьюкенен П.Дж. Смерть Запада М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2003. С. 258.

консонанс страны. И, следовательно, идеология государственного мышления – это идеология общественной настройки, гармонизации общества, гармонизации общественных отношений, благодаря которой каждое общественное отношение совершенствуется вместе с другими общественными отношениями, и в каждом общественном отношении остальные общественные отношения находят свою законченность»²⁴².

Учет аксиологического фактора при исследовании особенностей трансформаций власти в переходные этапы предполагает понимание сущности власти как результата государственного мышления. При таком подходе конкретные властные шаги являют собой синтез диалектики рационального и иррационального, что позволяет формировать оптимальные, системные управленческие механизмы. Внутренняя политика, базирующаяся на подобных принципах, предполагает заботливое отношение к институциональному оформлению общества, которое, как правило, основывается на устоявшейся аксиологической шкале. Созданный в рамках указанной системы любой социальный институт становится частью власти и не может быть исключен из общественно-государственного управленческого механизма. Вместе с тем, образование социальных институтов, формирующихся по образцам, чуждым для данного общества или инспирированных для определенных целей, в любом случае становятся источниками роста социальной энтропии. Это обусловлено несоответствием аксиологической шкалы, поэтому подобные примеры должны стать предметом пристального внимания соответствующих органов. Именно поэтому трансформирующаяся власть должна получить институциональную законченность, т.е. являться институционально оформленной. На практике социальный авангард и его институциональная оформленность не могут сводиться до уровня среднего класса, политической партии или социальной

²⁴² Чуринов Н.М. Идеология государственного мышления // Теория и история. 2007. № 2. С. 13–14.

элиты, потому что эти структурные элементы заметно различаются по своим аксиологическим позициям.

Можно вывести признаки аксиологически окрашенной общественной структуры, которая характеризует в большей степени славян, в частности, русских. В ней подразумевается высокоразвитая семья не патриархального типа, а с общинным политическим строем, который опирается на волю народа, что подтверждает история русских славян: образовано государство на собственной, адекватной народу базе; вече, земские соборы. Однако «в условиях трансформации не только самой экономической структуры бывших социалистических государств, но и интеллектуального освоения нового научного, институционального, социокультурного пространств, меняется восприятие и осознание ранее неприемлемых научных истин и теорий. Именно такой процесс происходит с теорией государства благосостояния и теорией устойчивого развития – теми концепциями экономической теории и социологии, которые, в том числе и благодаря трансформационным процессам, происходящим в постсоциалистических странах, переживает второе рождение»²⁴³.

Аксиологический вектор властных механизмов в трансформирующемся обществе должен отражать несколько направлений развития социума, которые базируются на антиэнтропийном принципе развития жизни общества. Важно подчеркнуть, что любые объединения индивидов имеют свои пределы, которые могут проявляться в теоретическом плане, как осмысление проблемы передачи индивидом части своих полномочий институтам государства. На законном основании соответствующие государственные структуры оказываются полномочными управлять обществом, включая те отношения, которые традиционно входили в сферу общественных интересов.

²⁴³ Кузнецова Н.П. Устойчивое развитие и концепция государства благосостояния в условиях глобализации // Философия человека в историческом контексте: сборник научных статей. – СПб.: изд-во РГПУ им. А.И.Герцена, 2019. С. 127.

Для Запада характерна система управления, которая основывалась на стандартах западной идеологии, этических нормах жизни и идеалах, которые являются абсолютно нормальными для западного типа общества: ярко выраженный индивидуализм; ориентация на приоритет материальных благ и т.п. Несмотря на широкую пропаганду подобного образа жизни в период реформ в России, они не прижились, поскольку указанные ценности не являются истинными ценностями для русского общества. Более того, эти ценности не смогут когда-нибудь составить базис жизненных целей русского человека, поскольку западный мир и Россия развивались разными путями. Однако, по мнению Э. Хобсбаума, «мало что бывает опаснее империй, преследующих свои интересы, будучи убежденными в том, что они оказывают человечеству услугу»²⁴⁴.

Для постижения роли ценностного фактора в условиях трансформации государства и права особенно важна адекватная оценка концепций, которые допускают возможность создания совершенного общественного устройства. В управлении в полной мере проявляется тот факт, что традиционные теории, характерные для западных ученых, основывается на принципе доминирования индивидуального над групповым, а также рационального над чувственным. Такие теоретические установки в социальном плане приводят к тому, что на практике неравенство доминирует над равенством, ведь развитые в экономическом плане общества пока не сумели создать идеологии, которая способна удовлетворить человеческую потребность в осмысленном существовании и ощущении общности²⁴⁵. Как свидетельствует история, «оптимальное [демократическое] наделение властными полномочиями всех членов общества еще никогда не реализовывалось на практике, и что социальное и экономическое неравенство препятствует применению принципов демократии»²⁴⁶.

²⁴⁴ Хобсбаум Э. После победы в войне // Логос. 2003. № 1.

²⁴⁵ Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. Уроки социальной психологии. М., 1999. С. 326.

²⁴⁶ Walzer M. Politics and Passion. Toward a More Egalitarian Liberalism. New Haven (Ct.), London, Yale Univ. Press, 2004. P. 23.

Формирование гармоничной, устойчивой власти предполагает единую аксиологическую шкалу, на базе которой произошло бы сознательное объединение социальных групп. Однако необходимо учитывать и тот факт, что встречаются довольно влиятельные социальные объединения, которые не считают себя принадлежащими к социуму, но при этом они демонстрируют более высокий уровень устойчивости, чем добровольные сообщества. Справедливо утверждать, что индивидуализированное общество формируется действием объективных сил и процессов, а не усилиями индивидов по обособлению²⁴⁷. В современных государствах, которые претендуют на звание демократических, регулярно нарушается принцип плюрализма. К. Хруцкий категорично утверждает, что в современном мире не существует выбора, потому что каждый социум может развиваться только по канонам Западной мировоззренческой системы, которая нацелена на достижение таких целей, как выживание и возрастающее потребление, что гарантирует ее доминирование над окружающим миром²⁴⁸.

Если рассматривать принципы власти с аксиологической позиции, характерной для западной цивилизации, то можно утверждать, что она может рассматриваться в качестве научной парадигмы общества, претендующего на роль управляющего субъекта на всем мировом пространстве. Однако пока она не в состоянии полностью вытеснить национальные идеи, благодаря чему формируются концепции, позиционирующие политический мир в качестве определенного баланса разновекторных интересов конкретных социумов. Можно согласиться с утверждениями, что современная глобализация, которая сегодня реализуется по конкретному сценарию субъектов глобализма, должна рассматриваться в качестве теории и политики западного неолиберализма²⁴⁹. Именно в идеологии западного неолиберализма глобализации проявляется

²⁴⁷ Федотова В.Г. Факторы ценностных изменений на Западе и в России // Вопросы философии. – 2005. № 11. С. 4.

²⁴⁸ Хруцкий К.С., Самарин А.Г. Российский электронный философский журнал – журнал для России и для будущего России // Вестник Российского философского общества. 2005. № 2. С. 185.

²⁴⁹ Соловей И.В. Конструирование «политической реальности» в дискурсе политического субъекта // Философские науки. 2005. № 11. С. 35.

особый аксиологический подход, благодаря которому мир управляется по таким законам, которые абсолютный субъект навязывает всей планете. Перемены, характерные для современных управленческих систем в первую очередь затрагивают государство со всеми его институтами, хотя, по мнению З. Баумана, в современном мире традиционные три базисных элемента суверенитета вышли из строя и восстановлению не подлежат, потому что экономическая, военная и культурная самостоятельность государства, включая его самообеспеченность, перестала быть реальной перспективой²⁵⁰. Автор уверен, что «глобализация – это всего лишь тоталитарное внедрение их логики во все сферы жизни»²⁵¹, что в полной мере проявляется и в системе власти.

Тем не менее, в последнее время наблюдается возрастание роли культурно-ценностных факторов в осмыслении проблем народовластия, самой острой из которых является отсутствие смыслообразующих факторов в деятельности властной элиты и неадекватности ценностных ориентиров как на уровне личности, так и на уровне целого социума. Таким образом, нарушение традиционно сложившихся принципов управления конкретным обществом стало реальностью наших дней, что усугубило глубокий кризис постиндустриального общества вместе с существованием внутренне расколотых стран. Несмотря на наметившиеся тенденции к разрушению именно межпоколенные стабильные общности приобретают существенное значение в жизни современного человека²⁵². Любая власть вынуждена учитывать эти тенденции.

Важно подчеркнуть еще одну особенность современной управленческой системы, которая в полной мере проявляется при аксиологическом подходе. В условиях глобализации осуществляется сознательный отказ от политизации власти, потому что современные социальные трансформации раскрывают

²⁵⁰ Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М., 2004. С. 93.

²⁵¹ Так же. С. 96.

²⁵² Социальная психология в современном мире / под ред. Г.М.Андреевой, А.И. Донцова. – М.: Аспект пресс, 2002. С. 30.

истинную тоталитарную сущность абсолютного субъекта, претендующего на неограниченную власть. Сегодня уже можно утверждать, что идеологам глобализации не удалось доказать на практике преимущества своей системы управления мировым сообществом. В частности, восточные страны не позволили посредством внешнего давления разрушить традиционные для них модели производственного поведения и общественных ценностей, хотя довольно успешно освоили западные стандарты бизнеса. Яркими примерами тому являются Япония, Южная Корея и др. Все это происходит, несмотря на изощренные методы субъектов глобализации, которые пытаются сосредоточить в своих руках значительную часть управленческих функций. Более того, некоторые самодостаточные страны сумели выработать черты новой субъектности, выступая в качестве примера для многих модернизирующихся стран. Важно отметить, что эти страны сумели отыскать оптимальное для себя сочетание традиционных ценностей и новых подходов к управления социальными объектами. Можно констатировать, что эти страны, не став объектами глобализационного давления, сформировали специфическую внутреннюю структуру – особый конгломерат, который позволяет совмещать все элементы таким образом, что они «...не уничтожают друг друга, а образуют отдельные взаимодействующие друг с другом анклавы»²⁵³. В данной связи не утратило актуальности утверждение Тихомирова о том, что, попадая под власть современных западных концепций, наши ученые, пытаются убедить себя в том, что в современном мире европейские народы занимаются политическим творчеством, создавая нечто особенное, обладающее признаками совершенства. В основе подобного подхода – учение о техническом прогрессе, которое включает в себя и довольно хаотичное учение о современном государстве, олицетворяющем собой универсальность. Этот ложный тезис, господствующий в Европе, передается также представителям отечественной науки. Трудно не

²⁵³ Богатуров А.Д., Виноградов А.В. Модель равноположенного развития. Варианты сберегающего обновления // Полис. 1999. № 4.

согласиться с А.Бадью в том плане, что «умственное разложение» вынуждает значительную часть человечества соглашаться с современным несправедливым мироустройством. Они даже готовы вести войну с теми, кто против «отвратительного самодовольства», с которым провозглашается превосходство капиталопарламентаризма»²⁵⁴.

Управление современными социальными процессами представляет собой наивысший тип управления в масштабе всего человечества, поскольку появление транснациональных корпораций привело к тому, что они все чаще стали игнорировать государственные структуры. Отсюда следует, что власть, выступающая в виде современного государства, не заинтересованы в стремлении представителей капитала к безудержному накоплению. Можно сказать, что многие представители исполнительной и законодательной властей понимают опасность транснациональных корпораций, которые по мере усиления будут нивелировать соответствующие государственные органы. По крайней мере, интересы патриотов от власти и ТНК расходятся, что свидетельствует о различных ценностных установках у них на отдельных исторических отрезках. Особо востребованным становится создание мировой системы права, потому что отсутствие единых норм, правил и законов в человеческом сообществе угрожает хаотизацией жизни на планете. Неопределенность организационно-правового статуса транснациональных корпораций, а также наднациональных международных организаций приводит к серьезным сбоям в управлении не только отдельных стран, но уровне всей мировой системы. Вот почему определение статуса подобных субъектов управления даст возможность регулировать в соответствии с ним деятельность всех участников международного права. Подобное развитие событий будет способствовать прогрессу, потому что поможет всем странам преодолевать нестабильность и постепенно переходить к устойчивому развитию всего человечества. «Современное общество входит в новую эпоху,

²⁵⁴ Бадью А. Загадочные отношения философии и политики. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2014.

когда коренным образом меняются наши представления о мире. Смена мировоззренческой парадигмы напрямую связана с развитием информационных технологий, интеграцией и глобализацией мировой экономики. Национальные государства все больше становятся частью глобальных структур политических, экономических и информационных»²⁵⁵.

С синергетических позиций сублимация аксиологических установок во властных механизмах трансформирующихся обществ имеет свою специфику в нынешнем управлении мировыми процессами, поскольку пока не обеспечивается оптимальное сочетание хаоса и порядка. Более того, в мире происходит рост анархии, стихийности, обостряя межцивилизационные противоречия. Как видим, проблема глобального управления в современном мире является чрезвычайно актуальной, потому что ее нормальное функционирование предполагает систему. Она должна оптимальным образом сочетать ценности не только определенного общества, но и всего мирового сообщества, с одной стороны, процессы неравновесности, нелинейности, локальной кооперации, а другой – примеры равновесия, порядка, линейности и устойчивости. В.Л.Романов подобный синтез определяет следующим образом: «в контексте спонтанной глобализации включается процесс глобализации организуемой»²⁵⁶. Для этого исследования важна характеристику глобализму, данная А.С. Панариным. Он уверен, что автором и реализатором глобалистских идей является Европа: «Исторический титанизм, связанный с подчинением жизни грандиозному проекту и во имя стройности последнего готовый ломать и калечить жизнь, во всем зловещем блеске проявил себя в XX веке»²⁵⁷. Сложившиеся на данный момент формы и методы управления современными процессами включают в себя ряд процедур: договоры, двусторонние соглашения, конвенции, ассоциации и т.п. В

²⁵⁵ Ковач Я.М. Конкурирующие соблазны и пассивное сопротивление // Многоликая глобализация / Под ред. П.Берера и С.Хантингтона. – М.: Аспект Пресс, 2004. С. 163.

²⁵⁶ Романов В.Л. Глобализация в реальности и сценариях развития // Глобализация: синергетический подход. М., 2002. С. 276.

²⁵⁷ Панарин А.С. Искушение глобализмом. М., 2002. С. 220.

современном мире наиболее авторитетной организацией, которая в состоянии осуществлять управление, является ООН, в которую входят многочисленные подразделения. С аксиологических позиций особое место в мировой управленческой системе занимает мондиализм как теория, на базе которой предпринимаются попытки объединения всех государств и народов в планетарную целостность во главе с единым мировым правительством. Более того, в среде ученых и практиков популярно мнение, согласно которому причины многих глобальных проблем пытаются объяснить отсутствием глобального правительства. Дж. Стиглиц, рассуждая с позиций Нобелевского лауреата, утверждает, что «...у нас нет мирового правительства, ответственного за народы всех стран, чтобы контролировать процесс глобализации... Вместо этого у нас есть система, которую можно назвать глобальным управлением без глобального правительства, такая, в которой кучка институтов – Всемирный банк, МВФ, СТО – и кучка игроков – министерства финансов, внутренней и внешней торговли, тесно связанные с финансовыми и коммерческими интересами, доминируют на сцене, но при этом огромное большинство, затрагиваемое их решениями, остается почти безгласным»²⁵⁸.

Для постижения аксиологических особенностей современного глобального управления важно помнить об изъянах классического либерализма, представители которого изначально допускали возможность создания совершенного общественного устройства. Важно подчеркнуть, что в большинстве успешных демократических странах реформаторская инициатива происходит сверху, однако принципиальное отличие заключается в том, что в этих случаях давление сверху выступает лишь в качестве первичного катализатора глубинных процессов, которые впоследствии проявляются в обществе. Функции власти в основном сводятся к обеспечению институциональной поддержки подобных процессов в

²⁵⁸ Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. М., 2005. С. 47.

соответствии с общепринятыми демократическими процедурами²⁵⁹. Исследуя аксиологические особенности демократии, необходимо подчеркнуть, что она действительно обеспечивает эффективное управление сложными социальными системами, что обусловлено многообразием обратных связей, корректирующие управленческие решения. При монархическом и автократическом способе правления подобные связи несколько ослабевают, однако в условиях социальных трансформаций начинают обостряться и изъяны демократии. Современная демократия ориентирует власть преимущественно на тактические, игнорируя стратегические программы, поэтому теряется ответственность человека перед будущими поколениями в угоду сиюминутной борьбы за голоса избирателей.

Анализ особенностей проявления аксиологических установок во властных механизмах трансформирующихся обществ свидетельствует о том, что социальная конструкция человечества в значительной степени управляется идеями, мало соответствующими реальности, потому что зачастую выражают научные и социально-философские знания прошлых поколений. Глубокое изменение социальных и политических идей, которые произошли в результате новых открытий, громадно, что начинают замечать даже самые отъявленные консерваторы. Вот почему можно разделить уверенность великого отечественного мыслителя В.И. Вернадского: «Вследствие этого обязательно наступит переворот в самих социальных принципах, управляющих общественным мнением»²⁶⁰.

Участившиеся попытки универсализации мирового пространства дают основание для довольно категоричных утверждений относительно будущего нашего государства. Трудно не согласиться с Н.В. Стариковым: «Если государство и власть не вмешиваются в процессы внутри страны, то очень

²⁵⁹ Мельвиль А.Ю. Демократический транзит в Россию – сущностная неопределенность процесса и его результатов // Альманах «Космополис». М., 1997. С. 65.

²⁶⁰ Вернадский В.И. Автотрофность человечества // Русский космизм: Антология философской мысли. М.: Педагогика-Пресс, 1993. С. 292.

скоро не будет ни этой власти, ни этого государства»²⁶¹. Действительно, в условиях социальных трансформаций, характерных для нашего Отечества последних десятилетий, произошло падение интеллектуального уровня, что значительно снизило научный уровень, а также привело к сужению институционального и социокультурного пространств. Более того, в мировом масштабе меняется восприятие и осознание ранее не очень востребованных научных теорий и истин в области государства и права. Особенно это касается концепций, направленных на формирование государства благосостояния, а также связанных с теорией устойчивого развития. В этих условиях концепция государства приобретает новый смысл, становясь мультикультурно-глобальной. Трансформация фундаментальных принципов управления затронуло не только общества, но и жизненные циклы индивида, что дает основание для переноса с общественного уровня на индивидуальные системы управления рисками. Без учета аксиологического фактора не удастся решить проблемы, которые несет в себе расширение информационного пространства до уровня планетарного, сопровождающееся чрезвычайной активностью миграционных потоков. Все более углубляющийся кризис в мировой политике и экономике разворачивается на фоне осложнившихся межкультурных и конфессиональных отношений. Указанные тенденции приводят к политическим трансформациям, понять истинную сущность которых возможно только с привлечением аксиологического фактора.

В последние десятилетия многие идеи и ценности либерализма проявляются в идейно-политическом течении неоконсерватизма. Аналогичные процессы постепенно становятся идеологической платформой для ведущих политических сил США и всего Запада²⁶². И.Р. Пригожин высказывал серьезные сомнения в возможности научного прогноза в развитии социальных процессов, используя для определения современной

²⁶¹ Стариков Н.В. Власть. СПб.: Питер, 2016. С. 148.

²⁶² Гаджиев К.С. Заметки о метаморфозах либеральных ценностей // Вопросы философии. 2008. №5. С. 14.

действительности такие понятия, как «управляемый хаос», «вероятностная причинность» и т.п. В продолжение идей И.Р. Пригожина Ф.А. Хайек писал, что задача власти сводится к тому, чтобы не мешать действовать рынку спроса и предложения, который ничем не регулируется²⁶³. «Глобализация является не только современным условием, но и этапом видовой социализации человека, на котором происходит обретение им буквально космической полноты социальности, когда зримо выступает общность человечества и его судьбы, встает насущная необходимость его саморефлексии, самоорганизации и самосоциализации как единого коллективного субъекта»²⁶⁴.

При исследовании аксиологических установок власти важно также учитывать ускорившуюся хаотизацию социального пространства путем преодоления таких заблуждений, что хаос не есть целое, а лишь часть целого и весьма динамичная часть, которая посредством упорядочивания ведет социум по пути развития и смены культурно-исторических циклов. Творческий подход к концепции социокультурного развития предполагает рассматривать аксиологические проблемы власти не просто в контексте смены исторических эпох, но применительно к историческим переворотам и периодам нестабильности. Дело в том, что в такие эпохи не просто меняется рейтинг социальных ценностей, но довольно часто аксиологическая шкала пересматривается кардинальным образом. В ходе больших социальных трансформаций рождаются новые формы коммуникаций, ищущие своего воплощения на уровне властных структур, причем активизируются элитарные, кастовые, диктаторские группы, которые могут иметь общественно-договорную основу, т.е. основываться на общественном договоре, как базе гражданского общества.

Власть не может не учитывать современные реалии, потому что на уровне обыденного сознания диалектика хаоса и порядка многими

²⁶³ Хайек Ф.А. Дорога к рабству / Пер. с англ. М.: Новое издательство, 2005.

²⁶⁴ Кириллова А.И. Воспитание: сущность процесса, культурные и социализационные транскрипции в условиях глобализации // Философия образования. 2014. № 4 (55). С. 131.

рассматривается в качестве механического рычага, находящегося в руках достойного правителя, который призван своевременно осуществлять урегулирование как стихийных, так и упорядоченных социальных процессов. В то же время любая разбалансировка социокультурных процессов может стать основой для обвинения правящей элиты в попытках дестабилизации устоявшихся порядков. В настоящее время подобное регулирование применяется, например, в «перегретых» экономике или социокультурной жизни с переменным успехом. В будущем можно прогнозировать эффективное регулирование социокультурных процессов на базе учета стабильности и нестабильности, что невозможно вне определенной аксиологической системы.

Перед наукой будущего стоит задача радикального решения вопроса регулирования социокультурных отношений, который невозможно решить только в рамках психологии, социологии, культурологии, синергетики и т.д., поскольку эта сложнейшая задача, стоящая перед человеческой цивилизацией, может быть решена на уровне социальной философии. Человечество в последние десятилетия убедилось в несостоятельности мондиализма, осознавая, что в качестве прообраза глобального управления должно выступать не мировое правительство, а совокупность межгосударственных и наднациональных органов, которые сохраняют плюрализм национальной и социокультурной идентичности и могут гарантировать суверенитет для всех адекватных социумов. Важно подчеркнуть, что объектом такого управления будут глобальные процессы, включающие не только общественные, но также и биосферные процессы.

Аксиологические аспекты власти, проявляющиеся в современном глобально-региональном мире, детерминированы социально-политическими изменениями, которые являются результатом современных глобализационных процессов, выступая следствием насильственной глобализации и затрагивая при этом основополагающие принципы управления государством и обществом. Глобализм в этом отношении представляет собой социальную

модель политического и экономического доминирования западной цивилизации, которая навязывается всему миру²⁶⁵.

История доказывает, что идеи могут использоваться как в качестве созидательных, так и для разрушительных целей. Например, ценности, принципы, идеи и установки (свобод и прав человека, гражданского общества и правового государства, разделения властей и политического представительства и т.д.), что были выдвинуты еще мыслителями Нового времени, составлявшими базис современного либерализма, сыграли определяющую роль в развитии человечества на путях технического социального, экономического, научно-технологического и политического прогресса. Однако изъяты из общего контекста, отдельные положения либерализма, доведенные до логического конца, могут быть использованы для обоснования радикальных и даже экстремистских идеологий. К.С. Гаджиев доказывает, что тоталитарные идеи ленинского толка, господствовавшие на протяжении XX в., являются, по сути, западноевропейской рационалистической цивилизации, которая ставила своей целью реализацию на практике специфически воспринятых идей, ценностей и принципов интернационализма, свободы, равенства и братства всех народов.

Таким образом, исследование аксиологических установок во властных механизмах трансформирующихся обществ позволяет заключить, что определенный аксиологический базис представителей властных структур отражает изменчивость общества, проявляясь в развертывании присущих ему качеств, свойств и характерных черт, которые должны быть адекватны потенциалу общества, а также содержанию исторической эпохи и быть направлены на сохранение идентичности социума, что гарантирует его устойчивость в переходные эпохи.

²⁶⁵ Балахонский В.В. Глобализация и глобализм в контексте угроз современной цивилизации // Глобализация: pro et contra: Материалы Международной конференции «Глобализационный вызов истории на рубеже тысячелетий: приоритеты российской культуры и искусства». СПб.: Астерион, 2006. С. 33–34.

В свою очередь, власть, не учитывающая аксиологическую составляющую процессов преобразований общественной жизни, как правило, не находит поддержки, что влечет за собой вырождение не только носителей власти, но и гибель общества.

2.3. Аксиологические аспекты совершенствования власти в глобально-региональном мироустройстве

На всех исторических этапах ученые и практики продолжают работать над оптимальными вариантами выработки властной системы, максимальной приближенной к идеальной системы «власть-народ». Вот почему потребность в серьезных теоретических исследованиях, посвященным роли аксиологического фактора во властных структурах, является все более очевидной²⁶⁶. Решить проблему взаимодействия общественных систем с различными технологическими укладами можно на базе постнеклассических подходов, которые представлены в работах В.С.Степина²⁶⁷ и ряда ведущих ученых страны²⁶⁸, а также в зарубежных исследованиях²⁶⁹.

Необходимость рассмотрения аксиологических аспектов проблемы власти в современном глобально-региональном мире обусловлено тем фактом, что современные социальные трансформации в общественном управлении являются следствием глобализационных процессов. Факты подтверждают тезис, согласно которому современная демократия уже не выступает как власть народа, потому что она себя позиционировала в качестве власти меньшинства над большинством. Можно утверждать, что политическое равноправие граждан проявляется только в очень короткий период, потому что власть малой части населения над преобладающей массой населения

²⁶⁶ Красин Ю.А. Метаморфозы демократии в изменяющемся мире // Полис. 2006. № 4. С. 131.

²⁶⁷ Степин В.С. Цивилизация и культура. СПб: СПбГУП, 2011.

²⁶⁸ Культурологическая парадигма: исследования по теории и истории культурологического знания и образования. Вып. 1. Познавательные возможности культурологии / под ред. А.Я.Флиера. М.: Согласие, 2011.

²⁶⁹ Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. М.: Московская школа политических исследований, 2002.

наблюдается исключительно в период избирательной кампании. Такое понимание демократии в современных социальных науках является преобладающим, причем сторонники подобного подхода ссылаются на античные теории. В них демократия позиционировалась не как правление народа, а как институт для «достижения политических решений, при котором индивиды обретают власть решать путем конкретной борьбы за голос народа»²⁷⁰. В частности, Е.А.Лукашева поднимает важный аспект данной проблемы: «возможность глобальной стандартизации прав человека, – исключена, поскольку она не учитывает характера той цивилизации, в которой воспитан человек, тысячи поколений, которые адаптировали свои правила жизни к тем условиям, которые определила окружающая их природа... Достаточно сказать, что исходное для европейских стандартов прав человека понятие «свобода» различно в исламском мире, китайской, индийской, африканской цивилизациях. Из этого вытекает различная интерпретация прав человек, воспроизведенных под влиянием международно-правовых стандартов прав человека»²⁷¹. Профессор Гарвардского университета М.Сандел в своей книге²⁷² пытается ответить на вопрос о том, как жить в условиях победившего рынка. Дело в том, что рыночные отношения не предполагают мораль, поэтому человечество теряет слишком много, когда выставляет все на продажу. Т.В.Андрианова также придерживается пессимистичного предположения о будущем цивилизации: «...выстраивается единая глобальная технологическая цепочка представления и реакции, причем в глобальном масштабе. Единообразие ведет к единообразию миропонимания»²⁷³. В качестве примера можно привести современную Украину, о чем справедливо пишет И.В.Игнатушко: «Официальная элита Украины, начиная с «революции достоинства» 2014 г., взяла четкий ориентир

²⁷⁰ Шипилов А.В. Судьба демократии в эпоху глобализации // Философские науки. 2005. № 11. С. 22.

²⁷¹ Лукашева Е.А. права человека: конфликт культу // Наш трудный путь к паву: Матер. Философско-правовых чтений памяти академика В.С.Нерсесянца. М.. 2006. С. 250.

²⁷² Сандел М. Что нельзя купить за деньги. Моральные ограничения свободного рынка. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013.

²⁷³ Андрианова Т.В. Геополитика и культура: Аналитический обзор. – М.: ИНИОИ РАН, 20001. С. 75.

на сближение с западной цивилизацией. Произошло это под влиянием пассионарных граждан, которые в настоящее время представляют серьезную силу в обществе, конкурируют с государством»²⁷⁴.

Современное общество является обществом новоевропейского периода, т.е. новый тип общества, отличный от традиционного. Современность понимается как нечто лучшее, чем то, что ей предшествовало²⁷⁵. В связи с этим у современного человека возникает представление о собственной жизни как о биографии. Индивидуальная жизнь соотносится с карьерным ростом. «При развитии сверху вниз новыми знаниями в первую очередь овладевает руководство, а затем уже среднее управленческое звено и исполнители»²⁷⁶. Аксиологические аспекты власти напрямую связаны с идентичностью, о которой З.Бауман писал: «идентичность становится призмой, через которую рассматриваются, оцениваются и изучаются многие важные черты современной жизни»²⁷⁷.

Жизнь человека в современном мире постоянно связана с регулярным выбором, что стимулирует социальное творчество. Все чаще межличностные отношения являются доминирующими, поскольку провоцируют независимость связей от родства, от клановых традиций²⁷⁸. Современный человек, исповедующий культ свободы, осознает собственную индивидуальность как отличную от других, поэтому в западной аксиологической системе успешной признается личность, которая не зависит не только от власти, но также и от родителей, детей, церкви и т.п. В сегодняшнем мире наблюдается факт преобладания и предпочтения акта коммуникации содержанию транслируемого материала. Д.В.Иванов

²⁷⁴ Игнатушко И.В. «Революция достоинства» на Украине в контексте цивилизационного выбора // Дискурс. 2021. Т. 7. №5. С. 104.

²⁷⁵ Гайденко П.П. Проблема рациональности на исходе XX века // Вопросы философии. 1991. №6. С. 5.

²⁷⁶ Гарафутдинова И.Я., Кудряшов К.А., Левкин Г.Г. Повышение квалификации государственных служащих по направлениям цифровой экономики как фактор повышения эффективности деятельности органов власти // Профессиональное образование в современном мире. 2019. Т. 9. №1. С. 2495.

²⁷⁷ Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. С. 113.

²⁷⁸ Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998.

рассматривает указанные процессы как феномен «виртуализации общества»²⁷⁹. Эта тенденция повлияла на власть, потому что дистанцирование представителей власти от своих избирателей посредством современных информационных технологий нарушает единство связей и отношений на базе устоявшихся аксиологических установок. Однако постоянно проявляющаяся изменчивость властных механизмов во многом обусловлена нестабильностью политических, экономических и культурного факторов, определяющих данное социальное пространство. Отсюда следует, что власть в современном глобально-региональном мироустройстве в состоянии полноценно выполнять свои функции только при условии опоры властных структур на определенную аксиологическую шкалу. При таком подходе удастся исследовать конкретный социум в качестве самодостаточного общества, которое имеет перспективы, потому что результаты подобной властной деятельности проявляются в эффективных управленческих решениях и будут способствовать проявлению положительных сторон данного общества.

В последние десятилетия актуализируются концепции, в которых исследуется феномен устойчивости, характерный для современных социумов, которые обладают высоким уровнем сложности и неопределенности общественных процессов. К ним относятся социокультурные структуры, детерминированные распространением компьютерных технологий, а также достижений посткнижной культуры²⁸⁰. В частности У. Бек, Н. Луман, Э. Гидденс акцентировали свое внимание на обществе риска, подразумевая под этим мировое сообщество, для которого характерно нелинейное развитие постиндустриальной цивилизации²⁸¹. Опасными признаками современной эпохи становятся не только экономические кризисы и террористические акты, но также компьютерные вирусы, опасность которых не все осознают. Именно

²⁷⁹ Иванов Д.В. Виртуализация общества. Версия 2.0. СПб.: Петербургское Востоковедение. 2002.

²⁸⁰ Устьянцев В.Б. Предмет, категориальные ряды и концепции социальной рискологии // Общество риска: стратегии управления и альтернативные стили мышления / под ред. В.Б. Устьянцева. Саратов: Наука, 2009. С. 14.

²⁸¹ Кара-Мурза С.Г. Катастрофы, хаос, развитие. М.: Смысл, 1998. С. 41.

под влиянием подобных концепций Россию отдельные политики начали рассматривать как общество всеобщего риска²⁸². Опасность указанных однопорядковых явлений стремительно возрастает в состоянии резонанса²⁸³. Более того, А.С.Дорошин уверен, что именно «апокалиптика дает адекватное представление о важном параметре социального мира, который составляет его пластичность и динамичность вне причинно-следственных связей»²⁸⁴.

Проблема определения степени влияния аксиологического фактора на современную власть обостряется в связи с тем, что формирование «нового мирового порядка» обусловлено не столько глобальными инициативами и действиями, а стихийными действиями конкурентов на планетарном социальном пространстве, которые дают возможность говорить об «управляемом хаосе». «Глубочайший смысл идеи глобализации – это неопределенный, неуправляемый и самостоятельный характер всего, что происходит в мире, отсутствие центра, пульта управления, совета директоров или головной конторы»²⁸⁵. Однако современная мировая практика свидетельствует о том, что на самом деле процессы универсализации социального пространства имеют все признаки организованного действия. Дело в том, что предельным состоянием политического мира должен стать мировой беспорядок, построенный на новой аксиологической шкале, поскольку приоритетные ценности, традиционно представляемые в виде лозунгов защиты прав человека или освобождения суверенной личности, довольно часто используются в качестве повода для военных акций, маскируемых гуманитарными целями. Дело в том, что «общество, которое нацелено на труд и производство «благ», непременно будет деградировать по мере развития техники»²⁸⁶.

²⁸² Яницкий О.Н. Россия как общество всеобщего риска. Режим доступа: [ecsocman.lise.ru/data / 853/685/1219/019_yanit_ski.pdf](http://ecsocman.lise.ru/data/853/685/1219/019_yanit_ski.pdf)

²⁸³ Крупнин Г. Н. Отчуждение человека в перспективе глобализации мира. Сб. статей. Выпуск I / Под ред. Маркова Б.В., Солонина Ю.Н., Парцвания В.В. Санкт-Петербург: «Петрополис», 2001. С.5–7.

²⁸⁴ Дорошин И.А. Апокалиптические ожидания в обществе риска // Вестник Челябинского университета. 2013. №33 (324). Философия. С. 100.

²⁸⁵ Шипилов А.В. Судьба демократии в эпоху глобализации // Философские науки. 2005. № 11. С. 95.

²⁸⁶ Костецкий В.В. Полуобразованность и полунравственность в системе образования // Credo. 2006. С. 176.

Проблема аксиологической составляющей во властных системах тесным образом обусловлена ролью государства в современном мире. Несмотря на то, что государство в условиях господства ТНК вынуждено передавать часть своих функций наднациональным органам, однако оно по-прежнему является ведущим субъектом международного права, поскольку еще остается действенным закон о неприкосновенности государственных границ, а также уважении территориальной целостности. «Огромный разрыв, произошедший в отношениях между реальной действительностью, выражающийся в масштабности, высоких темпах изменений в технологиях, реорганизации и организации новых социальных институтов, и осмыслением этого разрыва, стал настолько велик, что социально-познавательная парадигма с ее методологическими процедурами в научных исследованиях выдвигается временем на первый план»²⁸⁷.

В современном западном обществе трудно скрыть национально-культурные противоречия, которые детерминированы не только отсутствием должной координации между общеевропейским и местным уровнем властей, но также игнорированием аксиологического фактора. Довольно часто традиционные ценности социумов, сохранивших остатки своей социокультурной идентичности, вступают в противоречия, которые при соответствующих условиях легко трансформируются в политические противоречия. В первую очередь можно говорить о кризисе мультикультурализма, а также об изменении сущности традиционного понятия, характеризующего культурную интеграцию и т.п. В. Дахина справедливо замечает, что терпимость в современном признается только в жестких правовых рамках²⁸⁸. Начавшийся на территории ЕС период культурной интеграции свидетельствует о наличии глубокого культурно-

²⁸⁷ Калашникова Е.М. Исторические и методологические основания исследования идентификации и идентичности в условиях «поздней современности» // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. №33(324). Философия. Социология. Культурология. Вып. 30. С. 35.

²⁸⁸ Дахина В.Н. Глобализация и культурно-идеологический кризис современного мира // Глобализация и перспективы современной цивилизации / отв. ред. К.Х. Делакаров. М.: КМК, 2005. С. 186.

идеологического кризиса западного мира, во многом обусловленного тем фактом, что ценностные предпочтения даже близких по историческому развитию стран заметно отличаются. Гидденс справедливо подчеркивает, что «...формы жизни, созданные современностью, оторвали нас от традиционных типов и сделали это способом, не имеющим прецедентов»²⁸⁹. Постоянные попытки экспорта демократии и прав человека по всему миру, которые регулярно предпринимаются западными странами, не способствуют созданию эффективной системы управления. Все более очевидным становится тот факт, что идеологи мондиализма поставили аксиологию на службу идеологическому обоснованию своей агрессивной политики, провозглашая себя при этом носителями единственно верного учения. Однако проблема состоит в том, что адекватное управление не может осуществляться исключительно при помощи одностороннего использования авторитарных методов или строгой регламентации всех сторон жизни человека и общества. Не является эффективным также путь стихийного, бесконтрольного функционирования демократических механизмов, которые не учитывают ценностные приоритеты конкретных социумов. Успешное управление возможно только при условии наличия власти, базирующейся на гармоничном синтезе различных социальных подходов, если они опираются на соответствующую аксиологическую шкалу.

Востребованность аксиологических подходов к процессу формирования новой власти обусловлено тем, что переход к демократии, как свидетельствует история, является процессом продолжительным и конфликтным. Мировой исторический опыт подтверждает тот факт, что эффективность власти во многом обусловлена соответствующей управленческой системой, но реализовать подобные проекты не удастся, если при этом игнорируются местные традиции, потому что они базируются на определенной ценностной основе, сложившейся столетиями. В современном мире все чаще «патриотизм

²⁸⁹ Гидденс Э. Последствия современности. М., 2011. С. 115.

конституционный», замещает «национальный патриотизм», поэтому устоявшиеся управленческие механизмы регионального уровня находятся под угрозой. Сегодня аксиоматика глобального гражданского общества характеризуется освобождением политической гражданственности от ведущих этнокультурных факторов. М.Ремизов считает, что в подобной интерпретации современной управленческой системы «нация идентична гражданству, гражданство идентично наличию гражданских прав... Тавтологизация нации и гражданства – реальный процесс, посредством которого общность и принадлежность становятся формальными»²⁹⁰.

Современный этап социального управления должен выстраиваться с учетом аксиологических особенностей не только субъектов, но и объектов власти, т.е. всех участников общественного процесса. Подобный подход представляет собой диалектическое взаимодействие граждан, способствуя активизации их деятельности, складывающейся из множества прямых и обратных связей между ними. В современных условиях такой процесс выглядит как одностороннее воздействие управляющей социальной системы на управляемую. Конкретный аксиологический набор является универсальным, потому что все народы разделяют определенный набор ценностей, который, в частности, включает в себя право народов на культурное и политическое самоопределение. Эти ценности рассматриваются не только в качестве важных элементов общечеловеческой аксиологической шкалы, но также как достояние конкретной национальной культуры, потому что они проявляются в рамках самосознания народов и наций, формируясь в соответствующей духовной атмосфере.

Международное сотрудничество могло бы стать прообразом нового подхода к современной системе управления при условии добровольного отказа государств принимать на себя обязательства по международным и межгосударственным договорам, что в современном мире вряд ли возможно.

²⁹⁰ Ремизов М. Опыт консервативной критики. М., 2002. С. 71-72.

Естественно, что многие составляющие европейского исторического опыта управления, а также принятые в европейской цивилизации стандарты управленческих механизмов, могут быть заимствованы, однако в определенных пределах, которые различны для каждого социума. Эти рамки могут быть определены только в процессе исследования особенностей аксиологической шкалы, на которой формировалось данное общество, хотя ценностные установки становятся все более подвижными по мере продвижения новых принципов управления человеческим сообществом и его отдельными элементами. Для появления альтернативных сценариев развития цивилизаций, большое значение имеет системно-структурный кризис финансового капитализма, потому что он создает условия для обострения глобальных проблем человечества, стимулируя таким образом попытки принятия нестандартных решений за рамками современного техногенного общества²⁹¹. Здесь стоит особо подчеркнуть тот факт, что исторический опыт России в разработке универсальных управленческих структур, учитывающих ценностную направленность конкретного социума, становится все более востребованным, потому что наша страна в состоянии синтезировать множество моделей местного самоуправления, имеющих свою специфику в конкретных регионах. Принципиальное значение имеет также тот факт, что формирование системы реального самоуправления в России происходит в условиях, когда система государственной власти испытывает заметное глобализационное давление. В этой ситуации наполнение управленческих структур новым содержательным смыслом, учитывающим ценности всех многочисленных субъектов, входящих в нашу страну, зависит не только от государственного управленческого механизма. Хотя государство всегда в России выполняло роль основного ориентира, но оно не могло игнорировать результаты деятельности различных форм социальной самоорганизации,

²⁹¹ Петрушак В.Л. Геоцивилизация как основа исторического бытия народов Востока, Запада и восточнославянского мира // Философия человека в историческом контексте: сборник научных статей. – СПб.: изд-во РГПУ им. А.И.Герцена, 2019. С. 147.

которые не могли бы сформироваться без соответствующего аксиологического вектора.

Полицентричный многополярный мир существует пока еще только на теоретическом уровне, однако по мере роста авторитета основных субъектов мирового процесса он будет наполняться вполне реальным содержанием. Как следует из всей предыдущей истории, государства, претендующие на мировое господство, гибнут, потому что однополярная модель представляет собой конструкцию с изначальными изъянами, приводящую к обрушению всего сооружения. Новое интегральное общество должно вобрать в себя все положительные элементы, которые человечество приобрело на историческом пути. По мнению О.С.Сабдена, оптимальным вариантом общественного развития в XXI в. является конвергентный путь, являющийся симбиозом лучших черт капитализма и социализма. Однако создание подобного «гибрида» капитализма и социализма является процессом длительным и довольно сложным²⁹².

Приоритетом любого традиционного государства всегда был вопрос социальной эффективности, причем даже экономическая эффективность, как правило, подчиняется решению насущных социальных проблем. Именно здесь проявляется радикальное отличие этапов развития западных государств от остальных стран, не входящих в сферу европейской цивилизации. Дело в том, что для европейских стран типичным является такой алгоритм развития, который начинается с формального равенства, после чего постепенно двигается в направлении социального государства. России подобный путь не подходит из-за сложившихся традиций, потому что на переднем плане всегда находится социальная защита и социальные права населения как необходимое условие для воспроизводства общества, поскольку без этого условия теряют смысл такие важные компоненты общественного развития, как суверенитет, устойчивость и безопасность государства. На этой основе происходит

²⁹² Сабден О.С. Мировая цивилизация и модернизация общественного развития // Век глобализации. 2021. №1. С. 117.

инкорпорирование ведущих либеральных принципов, которые необходимы для дальнейшего развития страны: права человека, набор свобод и т.п.

Создание оптимальной управленческой системы предполагает ситуацию, при которой власть стремится построить социальное государство, базирующееся на принципе социальной справедливости. «Именно на этой основе должны осуществляться либеральные реформы, а не наоборот, если мы желаем получить такое жизнеспособное российское общество, которое будет способно адекватно ответить на все угрозы и вызовы мировой глобализации»²⁹³. Представляет интерес исследование В.Г. Федотовой, которая изучает парадоксы социокультурной жизни, характерные для человечества в последние десятилетия. Автор доказывает, что существует массовая недооценка способностей людей влиять на государственные и общественные властные механизмы. В.Г. Федотова исследует особенности деятельности людей по совершенствованию общественных структур, подчеркивая необходимость качественного сдвига на этом направлении, причем акцентирует внимание на новом ракурсе рассмотрения указанных проблем не только учеными²⁹⁴. Такой подход близок к нашему пониманию условий и параметров перестройки властных механизмов.

Проблема эффективной власти таки или иначе обусловлена постоянными попытками оптимизации представлений об идеальном обществе, которое совмещает в себе лучшие идеи левого толка, с одной стороны, и неолиберальные идеи, – с другой. Подобные проекты трудно реализовать, игнорируя аксиологические аспекты власти. Все гуманитарии хорошо знают, что мотив идеального общества часто использовался в качестве ведущего мотива для мобилизации населения. Более того, события последних десятилетий подтвердили, который подобный подход был успешно применен на основе негативной мобилизации, что абсолютизирует односторонний отказ

²⁹³ Шевченко В.Н. Проблема трансформации российского государства на современном этапе глобализации // Глобализация и перспективы современной цивилизации / отв. ред. К.Х. Делакаров. М.: КМК, 2005. С. 148.

²⁹⁴ Федотова В.Г. Хорошее общество. М.: Прогресс-Традиция, 2005.

от прошлого. Таким образом активизируется релятивистский тезис, согласно которому общества бывают хуже или лучше и в будущем не могут стать идеальными. Из этого тезиса следует, что всегда надо стремиться только к созданию «хорошего общества», движущегося в направлении поиска приемлемого идеала, а опираться при этом необходимо на представления, которые характерны для данной социальной группы. С большой долей уверенности можно предположить, что в процессе анализа и обработки опыта строительства отдельных «хороших обществ» будут углубляться соответствующие социально-философские концепции.

Аксиологический фактор в формировании конкретных управленческих структур играет важную роль в противопоставлении обществ социальному хаосу, характерному для постмодернистского периода политической жизни. Можно утверждать, что наличие четкого аксиологического вектора во властных структурах помогает членам общества осознать и ощутить границы между добром и злом. При таком подходе для выработки единых критериев «хорошего общества» важно активизировать деятельность по формированию социального единства. Общепринятыми признаками подобного общества, которые устраивали бы представителей различных социальных групп, выступают следующие требования: рождаемость, здоровье людей, доступ к образованию, доход на душу населения и т.д. Однако не меньшее значение приобретают теоретические аспекты «хорошего общества», благодаря которым происходит осознание нескольких важных его элементов, которые часто воспринимаются как парные конструкции: 1) единство прав и обязанностей; 2) поиск общих элементов в универсализме и регионализме; 3) преодоление разрыва между свободой и благом и т.п. При любом из указанных алгоритмов следует важный вывод о невозможности сохранения власти, если происходит игнорирование ценностей больших групп населения в угоду меньшинству. Однако выполнение основных пунктов по созданию «хорошего общества» предоставляет возможность для превращения его, являющегося пока только теоретическим конструктом, в реальный инструмент реализации

властных полномочий по совершенствованию социума по всем направлениям. Данные аспекты приобретают большое значение для создания такой системы власти, в которой управленческие механизмы согласуются с соответствующей аксиологической шкалой, исторически сложившейся в конкретном обществе.

Новая система управления мировым сообществом должна также учитывать особенности менталитета социума, потому что созданная власть обязана отражать не только насущные, но и перспективные чаяния всех представителей данного сообщества. Естественно, что игнорирование аксиологической шкалы, которая столетиями вырабатывалась в обществе рано или поздно усугубит традиционный разрыв между массами и представителями власти. Важно учитывать, что в каждом народе присутствуют те черты, которые носят универсальный характер, которые могут быть использованы для формирования гармоничной системы власти.

Архетипичное мышление, присущее российскому менталитету, также играет определенную роль в понимании аксиологического фактора в системе власти. Важно при этом выделить те особенности, которые в максимальной степени соответствуют оптимальному социальному вектору развития мировой цивилизации. Ведущая роль в процессах обновления властных структур, как всегда бывало в истории, отводится России. Особо востребованными характеристиками власти в будущем гармоничном мироустройстве, по нашему мнению, становятся следующие составляющие отечественного менталитета: 1) универсалистский подход к окружающему миру; 2) способность аккумулировать в себе различные формы управленческих механизмов; 3) творческий характер интеллектуального капитала, используемого для укрепления властных структур; 4) социальная терпимость как залог устойчивости власти; 5) способность к выживанию в экстремальных условиях. Все эти важные качества позволяют утверждать, что Россия всегда являлась в истории и продолжает оставаться важнейшим аккумулятором мирового прогрессивного опыта, на базе которого можно создавать новое

мироустройство, потому что основывается на универсальной аксиологической шкале.

Для современности важны те характеристики власти, которые придется учитывать в будущих властных структурах. Мощные макропроцессы, где взаимоотношения в системе «власть-народ» будут оптимизированы максимальным образом воздействуют на нижние пласты социума. Однако, согласно работам А.Тойнби, они не в состоянии разрушить разнообразную картину социального мира, потому что такие действия, как правило, вызывают ответную реакцию снизу, т.е. всегда ощущается закономерное сопротивление этнокультурной микросреды²⁹⁵. Данный аспект представляет интерес в плане осознания пределов изменения ценностной шкалы, которые может допускать власть в конкретных исторических обстоятельствах, не опасаясь спровоцировать кризис в стране.

Учет аксиологического аспекта при формировании власти, которая находится под влиянием новейших информационных технологий, предполагает понимание того факта, что в современном мире остается довольно влиятельной и противоположная сила, представляющая «традиционных ценностей». Несмотря на то, что они в информационном обществе представляют несколько модернизированную сферу, тем не менее, именно на этом базисе формируются адекватные управленческие механизмы для современного и будущего мироустройства. Сторонники современной демократии, рассматривающие ее в качестве всеобщего и универсального критерия «цивилизованности» не могут игнорировать аксиологический фактор. Однако в качестве переходного этапа предлагается создание новых институциональных структур, которые выступают в качестве посредников между традиционными и новыми формами жизнедеятельности людей. Подобная структура призвана создать условия, при которых граждане остаются последовательными приверженцами традиционных устоев, хотя при

²⁹⁵ Симонян Р.Х. От национально-государственных объединений к региональным // Вопросы философии. 2005. №3. С. 22.

этом смогут влиться в общемировые демократические структуры. В частности, попытки получения ими гражданства многих стран сделает этих людей активными носителями общемировых тенденций и приверженцами космополитических воззрений. Демократия при таком подходе позиционируется в качестве двустороннего процесса, при котором демократизация охватывает не только внутринациональные, но и международные отношения, что естественным образом востребует власть, построенных на новых принципах.

Современным представителям различных социальных групп, а не только ученым присуще планетарное мировоззрение, хотя подобные тенденции к универсализации мира вызывает у многих сопротивление. Дело в том, что создание любых универсальных органов управления часто рассматривается обществом как покушение на социокультурную идентичность, поэтому представители отдельных цивилизаций склонны отстаивать свою этническую самобытность, а также ценности своей культуры, религии и образа мыслей посредством конкретных властных механизмов. Именно этим объясняется стремление субъектов глобализации всячески ускорить процессы универсализации мирового пространства, а также придать этому процессу максимальное ускорение. Однако такие действия провоцируют активное недовольство большинства населения планеты, потому что народы не чувствуют себя подготовленными к универсализации мирового пространства, чтобы передать властные функции мондиалистским структурам. Рассматриваемые нами тенденции приобретают особую актуальность в связи с формированием новых представлений о принципах современного самоуправления, поскольку современная социальная модернизация, осуществляемая на базе сформулированных западной демократией рационалистических принципов, является глубинной трансформацией массового сознания. В этих условиях обостряется проблема сохранения специфики этнонациональных традиций, характерных для данного народа, что, в частности, проповедовали славянофилы. Н.М.Чуринов справедливо

подчеркивал, что «...славянофильство – это, во-первых, восстание против «европейского умственного ига»; во-вторых, это восстание против прерванной русской многовековой традиции диалектического теоретизирования, чуждого Западу. В-третьих, славянофильство – это воспроизведение указанной традиции на уровне теоретических стандартов середины XIX века. Что же касается современных славянофилов, то они являются продолжателями этой традиции, мощно давшей о себе знать в трудах философов «серебряного века»... С точки зрения славянофилов, желать России установления либерализма или консерватизма – это значит не понимать специфики российского общества и желать этому обществу гибели»²⁹⁶. Из данной цитаты, с которой трудно не согласиться, следует особая ответственность обновленной власти, которая должна способствовать российскому обществу не только встроиться в новое мироустройство, но и достойно в нем существовать.

Исследование роли аксиологического фактора во властных механизмах общества, гармонично встроенного в глобально-региональный мир, предполагает осознания приоритета тех или иных ценностей в различных политических течениях. В частности, для активных сторонников либеральной стратегии безусловными доминирующими ценностями являются включение человека в информационные потоки, а также свобода творчества. Эти ценности во властной либеральной системе выступают в качестве приоритетов более высокого уровня, чем, например, развитие здравоохранения и образования или решение социальных вопросов. Сторонники консервативного подхода, как правило, используют в качестве ведущего принципа для формирования эффективной власти дифференцированный подход, который, в частности, предполагает в будущем усиление роли государства в осуществлении федеральных целевых программ. Естественно, максимальный

²⁹⁶ Чуринов Н.М. О кризисе либерализма // Теория и история. 2005. № 2. С. 162.

аксиологический эффект от подобного подхода проявляется по отношению к депрессивным регионам страны.

В контексте рассмотренных тезисов стоит обратить внимание на следующие слова А.Г.Пырина: «В XX веке человечество окончательно поняло, что между ним и наблюдаемым мирозданием происходит взаимодействие, в процессе которого человек все более преодолевает свою ограниченность и осознает себя как вселенское существо. Таким образом, понятие «вселенскость» раскрывает сферу возможностей человека в процессе его взаимодействия с Космосом, что позволяет характеризовать Вселенную с общественной точки зрения. Поэтому данное понятие должно быть востребованным обществом»²⁹⁷.

Учет аксиологического фактора в системе управления дает определенные гарантии выживания человечества, поскольку только в этом случае возможна замена политики глобализационного давления на конструктивный алгоритм приобщения системы ценностей каждого социума к всечеловеческой, вселенской общности. Успешное теоретическое и практическое освоение лучших достижений каждого народа позволит создать условия для раскрытия положительного потенциала различных типов обществ. «В волеии субъект сливается с объектом, так как именно воля объективирует субъекта... Мотив, которым человек руководствуется в поступках, не может служить мерилom свободы человека. В их основе чаще всего лежит неосознанное воление. Необходимо усилие, чтобы осознать и понять его»²⁹⁸. Трудно не согласиться с А. Дугиным, который указывал, что «народ – носитель «коллективного бессознательного», и заложенные в этом «бессознательном» архетипы выступают тогда, когда народ вынужден коллективно, совместно... решать свою историческую судьбу»²⁹⁹. Вместе с тем существуют общемировые законы развития, базирующиеся на

²⁹⁷ Пырин А.Г. Вселенскость // Вестник Российского философского общества. 2003. № 1. С.139.

²⁹⁸ Гулыга А.В. Немецкая классическая философия. М.: Рольф, 2001. С. 340.

²⁹⁹ Дугин А.Г. Русская вещь М., 200. Режим доступа: [www. arctogaia.com](http://www.arctogaia.com).

соответствующей аксиологической шкале, которые не могут игнорировать отечественные ученые при разработке универсальных управленческих моделей власти. И. И. Кондрашин считает, что Россия для оправдания своей особой роли в истории должна задействовать более солидную научно-философскую базу. «России следует во всеуслышание заявить, что она, отвечая вызовам современности, становится на путь построения высшей формы демократии (власти народа) – ноократии (власти разума, власти разумных людей). В связи с этим цепочка западных демократических ценностей (деньги-власть-собственность) меняется, приоритетными становятся другие – общечеловеческие, гуманитарные, ноократические ценности: разум – нравственность – патриотизм. Встав на этот путь, Россия сможет искоренить терроризм и коррупцию, вернуть себе лидирующее положение в мире в области идеологии и общественного сознания»³⁰⁰. Н.М. Чуринов отмечает, что «историческое сознание формируется на основе определенных способов самоутверждения социумов», поэтому «...уж если и началась где-то цивилизация, то не там, где Россию сегодня призывают учиться и приживалкой при ком ее стремятся показать»³⁰¹. В качестве реального направления формирования оптимальной системы власти, которая включает в себя аксиологические элементы всех мировых культур, можно рассматривать идеологию евразийства. Во многом это обусловлено тем историческим фундаментом, на котором базируется это учение, а также оптимистическим вектором, который заложен в нем. Активные сторонники евразийской идеи (В.В. Ильин, Л.Н. Гумилев, А.С. Панарин, Э.А. Поздняков А. Дугин и др.) обосновывают свой подход довольно убедительной аргументацией. В первую очередь ими подчеркивается, что именно в евразийской идеологии максимально полно и адекватно отражается российская действительность и научно обоснованный, оптимальный путь ее

³⁰⁰ Кондрашин И.И. О несиловых методах борьбы с терроризмом // Вестник Российского философского общества. 2004. № 4. С. 110–111.

³⁰¹ Чуринов Н.М. Историческая идеология и историческое сознание // Теория и история. 2004. № 2. С. 9.

дальнейшей эволюции³⁰². Проблема консолидации общества и социализации государства приобретает тем большую актуальность, чем в более кризисной ситуации находится страна.

Все больше людей мира убеждаются в том, что вестернистские методы управления миром, которые проводятся под видом насаждения демократии, приводят к тотальной дегуманизации мирового сообщества, и власть, представляющая суверенные страны, обязана реагировать на нездоровые тенденции, что идут с Запада. Следствием подобных действий вестернистской цивилизации, претендующей на роль мирового арбитра, стало разведение понятий «демократия» и «гуманизм», а интеллектуальное человечество не сумело среагировать на этот вопиющий факт должным образом. Подобные трансформации впервые произошли в мировой истории, поскольку в последние годы исторически сложившаяся аксиологическая система постоянно игнорировалась. Ю.Борев справедливо подчеркивал, что «главная идея мировой культуры – гуманизм – претерпевает кризис, а культура оказалась сегодня неспособной выработать парадигму (формулу бытия человека), определить смысл и цели жизни человечества»³⁰³. Процесс дегуманизации не только разрушает сформировавшиеся управленческие механизмы, но также ввергает в кризис культуру, создавая базис для того, чтобы максимально актуализировался вопрос об иррациональности земной цивилизации. Однако в современном мире «нельзя спрятаться от мирового рынка в скорлупу своей этнической или национальной идентичности, но и в условиях глобальной экономики можно сохранять свою национальную идентичность, придав ей характер культурной локальности, существующей в масштабе уже не отдельной страны или региона, а всего мира»³⁰⁴.

³⁰² Ивашковская Т.В., Павлов В.А. «Универсалистский» и «цивилизационный» подходы: их возможность и ограниченность в эволюции Российского государства // Россия: прошлое, настоящее, будущее. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 16–19 декабря 1996 г. СПб, 1996.

³⁰³ Борев Ю. Ванька-встанька и Состояние мира; Философско-политические эссе. М.: ООО ИД «Русь» - «Олимп»; ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ», 2004.

³⁰⁴ Межуев В.М. Модернизация и глобализация: два проекта «эпохи модерна» // Глобализация и перспективы современной цивилизации / Отв. ред. К.Х. Делокаров. М.: КМК, 2005. С. 23-24.

Для того чтобы не дать развития альтернативным проектам управления мировым сообществом, на Западе была провозглашена идея «конца истории», которая рассматривалась в качестве характеристики начала всеобщей технологизации общественной жизни. Важной приметой этого исторического периода является ситуация, когда посредством социальных технологий инспирируются определенные социальные процессы для того, чтобы приводить нужных управленцев, которые согласны выполнять свои обязанности, игнорируя интересы общества. В этом случае используются различные технологии с максимальным привлечением современных информационных ресурсов, чтобы сформировать власть, готовую выполнять требования соответствующих политических сил. В результате реализации подобных сценариев активно насаждается тенденциозная мифологию, в основе которой подобранные соответствующим образом исторические и идеологические факты.

Отличительной особенностью современных гуманитарных наук является то, что все чаще выдвигаются концепции, согласно которым человечество не в состоянии оперативно выработать адекватные управленческие механизмы для снижения энтропии в мире. Этот факт дает основания для отдельных ученых, скептически настроенных по отношению к перспективам развития всего человечества, трактовать современные проблемы, связанные с управлением социальным пространством, как благоприятную возможность для осуществления политики «управляемого хаоса». Ведущей мечтой сторонников вестернистского вектора развития мирового сообщества является универсализация законодательства, поэтому периодически с их стороны провозглашается об открытии истинного закона, управляющего человеческим поведением. Однако «все эти предполагаемые законы имеют лишь один недостаток – они столь очевидно ложны, что никто,

кроме социальных ученых, над которыми довлеет традиционная философия науки, не верит им»³⁰⁵.

Угроза общемирового кризиса усугубляется актуальным вопросом о самом существовании человечества. Именно поэтому проблема власти оказывается доминирующей и проявляется сегодня как попытка регуляции отношений человека и остального мира. Формирование такой мировой системы власти, которая базировалась бы на адекватной аксиологической шкале, во многом обусловлено совпадением ведущих идей современной научной картины мира с основными принципами философии русского космизма. Это учение может стать базисом для позитивного синтеза западноевропейских учений и восточных философских систем, в которых традиционно человек рассматривается в качестве неотъемлемой части Космоса. Это направление способствует выработке новой метафизики, в основе которой более глубокое осознание взаимоотношений человека с окружающим миром. Подобные рациональные идеи оказывают все более заметное влияние на формирование межчеловеческих отношений в условиях космической деятельности³⁰⁶, затрагивая, естественно, и систему власти.

Полноценное понимание сущности аксиологического фактора во властных структурах предполагает осознание ошибочности двух широко распространенных историко-культурных стереотипов. Согласно первому, который приписывается ранним славянофилам, русский народ не склонен к государственному творчеству, т.е. по своей сути наш народ – «безгосударственный». Слабая сторона подобной идеи состоит в том, что ее сторонники не в состоянии ответить на вопрос, каким образом именно этот «безгосударственный» народ сумел создать столь эффективную государственную систему, что особенно заметно в исторической ретроспективе. Идеи оппозиции отечественного прошлого традиционно

³⁰⁵ Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали. М.: Академ. Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000. С. 122.

³⁰⁶ Волков Ю.Г., Поликарпов В.С. Человек как космопланетарный феномен. Ростов н/д: Изд-во Рост. ун-та, 1993.

выражались в виде политических антиподов: «демократы-коммунисты»; «западники-почвенники»; «рыночники-государственники» и т. п. На самом же деле при помощи подобного подхода искусно маскируется главная дилемма нашего времени, которая проявляется в жестком разделении общества две непримиримые группы. Первую представляю те, кто отрицает какие-либо ценности ради личностного самоутверждения. Во вторую группу входит та часть населения, которая исповедует высшие ценности человеческого бытия: всестороннее духовное совершенствование как личности, так и всего общества; постоянное профессиональное совершенствование во благо обществу; систематическое мышление; социальная активность; научное творчество на благо государства; качественное и доступное высшее образование; социальная стабильность и гражданское согласие. Важным фактором, благодаря которому общество в состоянии выбрать власть, сохраняющую и преумножающую общественные ценности «...с открытостью высоким культурным достижениям иных национальных традиций, без которых глобальное человеческое единение оборачивается лишь уточненным тоталитаризмом»³⁰⁷. История подтверждает справедливость этих слов.

Аксиологические особенности властных структур в глобально-региональном мире во многом находятся под влиянием технического прогресса. «Внедрение цифровых технологий на макро- и микроуровне должно предшествовать повышению компетентности персонала, так как использование цифрового подхода означает в том числе внедрение определенной идеологии или философии управления предприятием на всех уровнях управления. Здесь возможны варианты: развитие: сверху вниз или снизу вверх, а также полное или частичное изменение модели управления и бизнес-модели»³⁰⁸. Именно поэтому «выработка новых управленческих механизмов в значительной степени обусловлена гуманитарной

³⁰⁷ Иванов А.В. Истинные основания социальной консолидации // Вестник Российского философского общества. 2005. № 4. С. 50–51.

³⁰⁸ Сурова Н.Ю., Безделов С.А. Новые технологии для экономики будущего: рейтинг проектов и механизмы регулирования в сфере цифровой экономики // Вестник академии. 2018. №1. С. 5-9.

составляющей, которая является необходимым условием гармонично развивающейся личности вне зависимости от профессиональной направленности»³⁰⁹.

В условиях универсализации социального пространства особую актуальность приобретают концепции, альтернативные системе глобального управления, которая показала свою несостоятельность в последние десятилетия. Большое значение имеют труды не только сторонников русского космизма, но и сопутствующих ему течений, в частности идеи вселенскости. Ключевыми для метафизики космической философии являются принципы самоорганизации и эволюции, которые формируют соответствующую научную картину мира, будучи довольно близкими циклам эволюции. В контексте космической философии подобные принципы приобретают следующие значения: 1) эволюция как периодические трансформации; 2) самоорганизация как возникновение из простых более сложных структур; 3) эволюция и самоорганизация, выступающие на основе антропного принципа. Разумное социальное управление детерминировано, в частности, известными словами В.И. Вернадского: «совершенно очевидно, что ...появление в биосфере разума, сознания, направляющей воли – этих основных проявлений человека – не может быть случайным»³¹⁰. Современная власть в полной мере обусловлена новейшими информационными технологиями, которые, безусловно, влияют на избирателя, затрагивая биосоциальную сущность и духовные основания человека. Избирательные технологии, базирующиеся на подобных избирательных технологиях, оказывают решающее влияние, формируя специфическую социокультурную среду и самого человека. Однако не только человек, активно участвующий в избрании власти, но и кандидаты во властные структуры довольно часто становятся объектом манипуляций. Непосредственное и постоянное влияние на власть новейших

³⁰⁹ Пфаненштиль И.А., Яценко М.П. Информационные аспекты управления образованием // Профессиональное образование в современном мире. 2018. Т. 8. №1. С. 1583.

³¹⁰ Казначеев В.П. Учение Вернадского о биосфере и ноосфере. Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1989. С. 303.

информационных технологий приводит к тому, что «радикальное устранение насилия (фанатизм либеральной гармонизации социальных отношений – в виде этики дискурса, коммуникативного действия и т.д.), вытеснение его на периферию социальных действий, оказывается не менее катастрофичным и ведет к деградации сообщества...»³¹¹

Для исследования роли аксиологического фактора в системе власти необходимо учитывать один из ведущих тезисов марксистской концепции: по мере отмирания государства самоуправление будет играть все более значительную роль о развитии властных структур. Однако в современном мире наблюдаются противоположные тенденции, ведь представительства граждан постепенно вытесняются бюрократией из власти, которая устанавливает контроль над людьми, последовательно выдавливая народ из реальных властных механизмов. На первое место все чаще выдвигается вопрос об управленческих механизмах, посредством которых удалось бы совместить свободу индивида для полноценного раскрытия его способностей с общественным устройством, обеспечивающей определенный уровень свободы для всех. Однако события последних десятилетий подтверждают важное заключение социологов об отсутствии концепции, которая адекватно отвечала бы на основополагающие вопросы демократии. Понятно, что реализация подобного уровня власти привело бы в движение совершенный управленческий механизм, который сможет приводить в движение значительный потенциал общественных ресурсов. Тот факт, что подобную гармоничную власть не удалось создать ни в результате великого социалистического эксперимента, ни на пути воплощения либеральной традиции, позволяет заключить: в принципе не удастся добиться максимально полного и эффективного уровня взаимодействия между свободой индивида и народовластием.

³¹¹ Грякалов Н.А. Фигуры террора-2. СПб.: Издательство РХГА, 2017. С. 79.

Для сохранения демократии как своеобразного фундамента системы народовластия, по мнению Ю.А. Красина, важно укрепить традиционную систему ценностей. Это означает, что необходимо выйти за рамки либеральной представительной модели, поскольку у нее отсутствует широкая общечеловеческая платформа, которая включала бы в свою аксиологическую платформу не только вестернистские ценности. Объективный подход к современным демократическим методам управления дает возможность адекватно исследовать изъяны и перспективы современной власти. Вот почему трудно переоценить значение аксиологического фактора для формирования структуры эффективной власти, которая учитывает исторические традиции и национальную специфику, а также привычную для конкретного общества форму политического развития. Подобные управленческие механизмы имманентно исходят из того факта, что механизм взаимодействия элементов связки «индивид-социум» в разных культурах, а также в системах власти, формируются по-разному. В характерной для Запада либеральной традиции, как уже отмечалось ранее, всегда делается акцент на свободе личности, а в России и восточных обществах доминирующим является сам социум. «Позиционирование России как цивилизации, которая сохраняет традиционные ценности в противовес Западному мейстриму, позволит формировать на уровне гражданского общества социальные движения, поддерживающие аналогичные установки»³¹². Именно этот факт является основной причиной неудач, с которыми столкнулись сторонники «общечеловеческих ценностей», стремившиеся навязать их в вестернистской интерпретации различным самодостаточным обществам. Подобное давление, сторонники которого игнорируют ценности людей, проживающих на своей территории, вызывает закономерную реакцию отторжения. Корректировка традиционных аксиологических установок связана с новыми тенденциями, которые несет в себе мондиализм. Тем не менее, «в обществе постмодерна под

³¹² Федоров Р.В., Пафомова Л.А. Значение мировоззренческих парадигм в формировании концептуального основания социального прогноза // Диалог. 2021. Т.7. №1. С. 27.

воздействием высоких технологий конструируется образ будущего, формируется иная социокультурная действительность, наполненная новым содержанием. Образ высокотехнологичного будущего формирует в культуре новые представления о мире и человеке, новое знание, новые ценности и нормы, осознанные и неосознанные цели»³¹³.

Выдвижение управляемости как ведущего критерия прогресса не выдерживает критики с позиций аксиологии, потому что аксиологический вектор во властных структурах предполагает учет традиций конкретного социума. Здесь мы исходим из следующего тезиса: управляемость может проявляться в той степени, в какой учитывается экономическая, культурная и другая специфика субъектов и объектов властных действий на пути достижения поставленных целей. При этом для каждой сферы действительности, например, культуры могут быть задействованы свои императивы и основания развития. Однако современная социальная и политическая системы во многом проявляются как имитация, а подобная имитационная модель непригодна для любой посткризисной социальной организации, потому что она поддается манипуляциям на всех уровнях. Вот почему необходимо очень серьезно относиться к перспективам полной унификации, которая может затронуть все общества, конечным результатом чего может стать единственное тотальное государство.

Исследование аксиологического ракурса власти предполагает учитывать тот факт, что российское общество формировалось не на обращении к личному самосознанию, что характерно для европейской системе управления, потому что оно базируется на идее западной исключительности. В последнее время власть пытается упрочить свои позиции при помощи двух основных инструментов, которые довольно различны по своей сути: борьба с ксенофобией и усилия, по обеспечению безопасности. При помощи СМИ в

³¹³ Черных С.И. «Новая пайдейя» или останется ли человек человеком?: монография. Новосиб. гос. аграр. ун-т. Новосибирск: ИЦ НГАУ «Золотой колос», 2018. С. 135–136.

качестве «общечеловеческих» навязываются определенные ценностные установки, которые базируются на вестернистских представлениях о сущности власти. Доминирующая в современном мире либеральная концепция власти является гарантом обеспечения выгод той части человечества, которая вестернистский комплекс ценностей выдает за общечеловеческий, т.е. единственный, обладающий признаками «цивилизованности». Согласно этому подходу, историю человечества необходимо рассматривать не как закономерную последовательность отдельных военно-политических и социально-экономических событий, а «с позиций синхронного и диахронного ракурсов, в целостности горизонтального и вертикального срезов и линий регионального и глобального охвата всего социокультурного комплекса»³¹⁴.

В современном мире в качестве главного требования к прогрессивному развитию выступают принципы единства и целостности, а устойчивость и определенность покоя в развитой философской теории постепенно вытесняет неизменность. При этом более сложные способы самоограничения вовлечены в объективный материальный процесс саморазвития. В.Л.Иноземцев и Е.С.Кузнецова, исследуя истоки и перспективы межцивилизационных противоречий в XXI веке, писали: «Настало время переосмыслить сложившуюся ситуацию и, не занимаясь самообманом, констатировать несколько очевидных обстоятельств. Во-первых, экстраполяция тенденций развития либерального строя, исторически сложившихся в европейских странах, на иные во времени и пространственном отношении общества полностью безосновательны. Во-вторых, признание современным государством за своими гражданами права на свободу и равенство отнюдь не означает распространения этих прав на тех, кто находится вне его юрисдикции или не подчиняется ей. В-третьих, попытки восстановить или укрепить универсальные нормы с целью воссоздать единство общества не есть

³¹⁴ Кузнецов В.Ю. Мир единства. М.: Академический Проект; Альма Матер, 2010. С. 31.

проявление политической нетерпимости. В-четвертых, в основе современных государств лежат не гибкие и восприимчивые к развитым культурным формам молодые этносы, а закрепленные традицией социальные структуры, и потому построение новой культуры по европейскому образцу в странах периферии не может произойти без полного разрушения старой. И, наконец, в-пятых, представление о том, что современное хозяйственное и технологическое могущество постиндустриальных стран делает их неуязвимыми для экспансии чуждых им социальных систем, является опасной иллюзией»³¹⁵.

Учет аксиологического фактора при формировании властных структур, способных максимально выражать общественные интересы, предполагает системное отношение к человеку, в котором выражена идея единства социально-природной эволюции человека. При таком подходе учитываются антропокосмические аспекты бытия человека, которые включают в себя необходимость осознания единства и взаимозависимости эволюции вселенной и общества как динамичного процесса. В.И. Вернадский справедливо подчеркивал, что благодаря разуму человек направляет значительную часть своего потенциала на нужды общественной жизни, поэтому его деятельность становится все более мощной и организованной³¹⁶. Определенные предпосылки для перехода к качественно другим уровням гомеостаза в социосфере появляются тогда, когда она функционирует в состоянии, которое приближено к равновесию. Подобная ситуация вполне соответствует закону расширенного воспроизводства, согласно которому общество может опускаться по принципу «набольшего» или опускаться в соответствии с принципом «наименьшего»³¹⁷.

Таким образом, исследование аксиологических аспектов власти в глобально-региональном мире позволяет заключить, что власть в современном

³¹⁵ Иноземцев В. Л., Кузнецова Е. С. Глобальный конфликт XXI в. Размышления об истоках и перспективах междивизиционных противоречий // Полис. 2001. № 6. С. 137.

³¹⁶ Вернадский В.И. Живое вещество и биосфера. М.: Наука, 1994. С. 303.

³¹⁷ Кушелев В.А. Метафизическое решение парадокса времени и парадокса пространства как парадокса субъективности. В 2 т. Т. 2. СПб.: Издательство РХГА, 2018. С. 207.

глобально-региональном мироустройстве может эффективно выполнять свои функции при условии учета ценностных установок, благодаря которым конкретному обществу удалось сформироваться и выжить. Своевременная оптимизация управленческих механизмов в аксиологическом плане создает условия для функционирования эффективной власти, но для этого важно следовать путем диалектической методологической традиции, потому что это позволяет максимально раскрыть результаты деятельности властей, а также показать все положительные стороны данного социума. Доказательствами необоснованной унификации власти и ее управленческих механизмов являются попытки упрощения коммуникативных возможностей общества, которое рассматривается в качестве объекта управления.

В структурном отношении современная власть включает в себя множество механизмов, поэтому в состоянии реализовать свои функции, если ее представители исходят из важной установки, согласно которой общество представляет собой единство связей и коммуникаций, сформировавшееся на базе устоявшихся аксиологических установок. Указанную особенность власти можно рассматривать как доказательство ее состоятельности, т.е. способности выполнять свои функции, базируясь на определенной аксиологической основе, в соответствии с вызовами современного глобально-регионального мироустройства. Власть можно рассматривать в качестве важного критерия, определяющего степень самодостаточности конкретного социума, если результаты властной деятельности способствуют проявлению положительных сторон этого общества. Однако стремление различных властных структур к максимальному упрощению социума как объекта управления свидетельствует о недостатках управленческой теории и практики, а также о несостоятельности мондиалистского мироустройства.

Выводы, полученные в результате исследования во второй главе, можно сформулировать следующим образом.

Во-первых, отечественный опыт исследования властных механизмов посредством определенной аксиологической шкалы может стать социально-

философским фундаментом для разработки эффективной системы управления, которая была бы адекватна обществам различного уровня и могла быть представлена в качестве универсальной. Сложность формирования такой власти состоит в том, что она должна одновременно выражать все элементы общемирового опыта и в то же время базироваться на традициях и ценностях, сложившихся и устоявшихся в конкретном обществе.

Во-вторых, система управления в глобально-региональном мироустройстве должна опираться на адекватную аксиологическую шкалу, однако не стоит воспринимать ее в качестве имманентно данной, а необходимо рассматривать как постоянный процесс общественного обновления в целях развития. Ведущим вектором такого развития является создание системы оптимального социального устройства, в котором каждый член общества одновременно выступает как триединый субъект: источник, носитель и проводник власти. Даже на уровне обыденного сознания пока не существует общественного устройства с подобной системой власти, отвечающего указанным критериям, что не позволяет говорить о наличии подлинной демократии в мире. Этот вывод представляется тем более справедливым в свете происходящих в современных обществах социальных трансформаций, которые естественным образом стимулируют необходимость постоянного совершенствования управленческих механизмов. Встречающееся игнорирование многими субъектами власти исторических традиций, аксиологической шкалы и менталитета конкретных социумов углубляет социальные кризисы не только на уровне конкретных социумов, но также всего мирового сообщества. Эта проблема реже встречается в самоуправлении, т.е. в такой системе власти, где субъектами и объектами выступают представители данного общества. Именно поэтому реальной гарантией сохранения социокультурной идентичности обществ, а также выживания в кризисном мире является учет лучших традиций управления и самоуправления как реального противовеса мондиалистским тенденциям современности. Исторические примеры свидетельствуют о том, что в любых

системах самоуправления заложен большой потенциал, благодаря которому реальное народовластие противостоит разрушительным последствиям деятельности субъектов глобализации по универсализации мирового пространства без учета ценностных оснований конкретных обществ. Современная западная демократия в большинстве своих проявлений не учитывает мирового опыта народовластия, поэтому она не может быть примером для России – отечественными мыслителями обоснована двойственная природа самоуправления, сочетающая в себе общественные и государственные начала.

В-третьих, исследование потенциальных возможностей традиционной, исторически сложившейся в России системы самоуправления показывает, что она может выступать как действенная альтернатива существующих проектов управления обществом. Отечественная историческая практика и идеи русских мыслителей подтверждают важный тезис, согласно которому настоящая демократия должна существовать как самоорганизация общества, состоящая из свободных личностей. Такие сознательные личности в состоянии проявляться не только в качестве объекта, но также выступать как реальные субъекты власти, воплощая собой высшую ценность в рамках конкретного социума. Выработка эффективной власти с адекватными субъектно-объектными отношениями, которые не направлены на насильственное навязывание ценностей одного социума другому, может стать базисом для выживания не только России, но и всего человечества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цель, поставленная в данном исследовании, в целом достигнута, поскольку были решены заявленные задачи.

Социально-философские аспекты власти, разработанные исследователями предыдущих эпох и проявившиеся в концепциях общественного договора, «открытого общества», «массового общества», «общества потребления» и т.п., раскрывают специфику власти и особенности действия управленческих механизмов в обществах западного типа. В подобных концепциях власть раскрывается в рамках методологической традиции, которая характерна для индивидуалистического общества, где власть проявляется как директивы в терминах общественного идеала или абстрактного объекта, который подлежит реализации при помощи изобретенной социальной технологии. В современном трансформирующемся мире особо востребованными являются концепции, раскрывающие принципы действия властных структур, которые учитывают смену социокультурной парадигмы и соответствующей аксиологической шкалы. Адекватная система власти возможна, если ее представители не игнорируют ценностной базис обществ. Кроме того, на основе диалектики тождества и различия важно учитывать тот факт, что социумы отличаются друг от друга, поскольку обладают собственной идентичностью.

Исследование основных компонентов власти может быть эффективным при условии, что оно ведется через призму аксиологии, потому что власть является довольно противоречивой структурой не только на уровне общественного сознания, но также и в реальной практике действующих управленческих механизмов. Использование диалектического подхода позволяет исследовать власть во всей ее противоречивой сущности, включающей различные управленческие структуры, которые представляют собой единство связей и отношений, характеризующих данный социум как устоявшуюся аксиологическую систему на данный исторический момент. Вместе с тем власть находится в состоянии перманентного реформирования,

что, как правило, происходит прямо пропорционально общественным трансформациям, которые в свою очередь являются следствием постоянной изменчивости политического, экономического и культурного общемирового контекста.

Традиционное разделение на субъектов и объектов власти, характерное для современных гуманитарных наук, потеряло свою актуальность, поскольку оно раскрывает особенности антагонистических социумов, где отдельные общества позиционируются в снисходительном значении «недоразвитости». Субъектами власти часто игнорируется понимание многомерности социального процесса, выступающего в качестве комплексных, аксиологических установок объектов, которые отражают множественность влияющих на него постоянных и преходящих фактов. Проблема власти должна решаться не только с позиции признания отличительных черт каждого общества, но также выработанных каждым обществом традиций, на которых базируются аксиологические установки, создающие условия для позиционирования общества в качестве субъекта или объекта исторического процесса.

Аксиологические особенности властных механизмов вызваны объективными условиями и субъективными факторами, поэтому сохранение специфики общества, детерминированной устоявшейся веками системы ценностей, является не только залогом воспроизводства конкретного социума, но и гарантом сохранения власти. Однако пока в современном мире ведущие позиции занимает либеральная концепция власти, оказывая значительное давление на отечественную власть. Подобный тип власти является гарантом обеспечения выгод только той части человечества, которая посредством СМИ в состоянии навязывать всему мировому сообществу свои аксиологические установки, позиционируя в качестве «общечеловеческих». Определенный тип власти может быть востребован социумом в конкретный исторический период. Эта власть соответствует конкретной аксиологической шкале, включающей определенные правила, традиции и законы. Важно подчеркнуть,

что ее содержание, которое проявляется во взаимодействии различных государственных и общественных институтов, может значительно меняться, влияя на уровни управленческих механизмов. Актуализация конкретных аксиологических установок, на которых базируется власть, может быть вызвана манипуляциями, направленными на определенную часть социума в политических целях меньшинства, являясь способом воспроизводства власти.

Смена социокультурной парадигмы привела к обесцениванию в трансформирующихся обществах ведущих базовых установок, что часто является одновременно причиной и следствием реформирования конкретных властных механизмов. Подобные тенденции востребуют особую методологию исследования власти, где аксиологический ракурс является ведущим, поскольку он аккумулирует все ведущие факторы общественного бытия, включающие в себя исторический опыт, а также уровень развития общества и т.п. Однако в условиях смены социокультурной парадигмы мы становимся свидетелями обесценивания ценностного базиса, который являлся базисом для сохранения идентичности не только всего общества, но и конкретной личности. Именно поэтому субъекты власти ради самосохранения вынуждены учитывать ценности, сложившиеся в конкретном обществе на конкретном историческом отрезке.

Сублимация аксиологических установок конкретного большинства членов общества стимулирует создание такой власти, которая посредством адекватных управленческих механизмов отражала бы изменчивость общества, выражаясь в развертывании присущих ему качеств, свойств, характерных черт как адекватных содержанию исторической эпохи, в развитии потенциала общества, сохранении его идентичности, что гарантирует устойчивость социума в переходные эпохи.

В свою очередь, власть, не учитывающая аксиологическую составляющую процессов преобразований общественной жизни, как правило, не находит поддержки, что влечет за собой вырождение не только носителей власти, но и гибель общества. Властные механизмы при таком подходе

способствуют обогащению субъектов глобализационного давления, представляя собой политику для обеспечения выгод и обогащения определенной части населения. Сублимация аксиологических установок во властных механизмах отражает изменчивость общества, которая выражается в развертывании присущих ему качеств, способствующих выживанию как отдельного члена общества, так и всего социума.

Власть не сможет выполнять свои функции в современном глобально-региональном мироустройстве, если власть будет продолжать игнорирование аксиологических аспектов существования конкретного общества, представители которого, собственно, и создали ее. Только при условии сохранения конкретной аксиологической шкалы, сложившейся на протяжении столетий, конкретный социум может продолжать следование диалектической методологической традиции, благодаря которой результаты деятельности власти будет способствовать совершенствованию общества при максимальном проявлении всех его положительных сторон.

Сохранение государственности в условиях смены социокультурной парадигмы возможно на определенном уровне социального прогресса, проявляющегося как совершенствование общества на принципах единства мира и взаимосвязи отношений в социуме. Выяснение реальной роли аксиологического фактора в системе власти позволяет провести полноценное исследование всех проявлений деятельности управленческих структур, а также адекватно оценивать результаты деятельности всех властных механизмов. Достижение подобного уровня теоретического анализа предполагает максимальный учет не только социальной теории и практики, но также требует соответствия конкретных концепций и идеологических установок аксиологическому уровню социального бытия конкретного общества.

Реальное самоуправление может быть основана лишь на конкретной культурно-исторической ценностной основе, которая включает в себя социальные, исторические и культурные особенности общества. В свою

очередь аксиологическая наполняемость власти не может быть адекватно выражена в схемах и формулах, которые описывают социальные структуры, сохраняющие свою эффективность в любых исторических условиях.

Характерное для представителей общества стремление к оптимальной системе власти вызвано непрекращающимся процессом общественного развития, когда каждый человек выступает одновременно в качестве источника, носителя и проводника власти, что и составляет сущность народовластия, хотя ни одно общество не достигло этого уровня.

Признавая очевидный факт, что в любую эпоху и в рамках любой социальной системы человек постоянно пребывает в ситуации конфликта различных мотивов, мы вынуждены, тем не менее, отметить, что именно в современном мире в условиях диффузии и девальвации ценностей, делать нравственный выбор становится все сложнее.

Самоуправление в России может быть реально реализовано только при условии, что оно будет рассматриваться с учетом исторического опыта, т.е. как форма российского консерватизма. В качестве универсального отечественный опыт народовластия может стать базисом для разработки системы управления мировым сообществом в кризисные периоды истории. Вполне реальной основой для выживания в условиях мондиалистских тенденций как конкретной личности, так и целого общества может стать сохранение лучших традиций самоуправления, базирующихся на устоявшейся аксиологической шкале.

Народовластие, сформировавшееся в результате длительного социального опыта, всегда являлось важным противовесом неконструктивным проектам идеологов искусственной универсализации мирового пространства, где навязываются стандарты власти, поэтому можно с полным основанием утверждать, что именно традиционные системы самоуправления обладают определенным потенциалом и, соответственно, перспективами. Анализ потенциальных возможностей традиционной, исторически сложившейся в России системы самоуправления показывает, что она может выступать как

действенная альтернатива искусственной глобализации. Если личность на самом деле является высшей ценностью, то она в состоянии стать не объектом, а субъектом демократии, поэтому реальная демократия может возникнуть и совершенствоваться только как самоорганизация общества, которое состоит из сознательных человеческих личностей.

С выработкой эффективных систем самоуправления связано выживание не только отдельных социумов, но и всего человечества, потому что подобные формы власти руководствуются системой ценностей, на которой сформировался конкретный социум. Однако традиции современной власти тесным образом связаны с системой управления, которая осуществляется на базе неолиберальных принципов. Вот почему подобное устройство власти не может обеспечить устойчивость мирового развития не только на локальном, но также и на глобальном уровнях, провоцируя социальные конфликты различных уровней. Чрезвычайно актуализируется выработка управленческих принципов, которые сочетали бы в себе как общемировые тенденции, так и аксиологический базис конкретного социума.

Именно поэтому надежда на то, что в ближайшие годы удастся создать единые социальные институты развития и создать адекватные им международные законодательные, исполнительные и судебные органы пока остается иллюзорной. Отсутствие устойчивости в современной социальной действительности доказывает, что Россия находится на особом историческом перекрестке, поэтому формирование адекватной власти является важным залогом будущего нашего общества. Аксиологическое исследование власти показывает, что насущной является задача создания современных управленческих механизмов на базе отечественной ценностной шкалы, где власть не только в состоянии противостоять вестернистским глобальным проектам, но также при этом будет отражать истинные чаяния общества

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдулрахман Ф.М. Проблема регулирования миграционных процессов в современной Германии / Ф.М. Абдулрахман // Вестник Орловского государственного университета. – 2011. – №2(16). С. 274-277.
2. Аксаков К.С. Эстетика и литературная критика / К.С. Аксаков. – М.: Искусство, 1995. – 526 с.
3. Аксючиц В. Апология русского характера/ В. Аксючиц // Независимая газета. – 2000. – 27 июня.
4. Алаев Л.Б. «По последним данным разведки мы воевали сами с собой» (к вопросу об основном противоречии нашей эпохи) / Л.Б. Алаев // Восток (ORIENTS). 2002. №4. С. 52.
5. Алексеев Н.А. Русский народ и государство / Н.А. Алексеев. – М., 1998. – 640 с.
6. Альтерматт У. Этнонационализм в Европе / У.Альтерматт. – М., 2000. – 336 с.
7. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания / Б.Г. Ананьев. – СПб.: Питер, 2001. – 288 с.
8. Андрианова Т.В. Геополитика и культура: Аналитический обзор / Т.В. Андрианова. – М.: ИНИОИ РАН, 2001. – 93 с.
9. Аристотель. Большая этика / Аристотель // Сочинения: в 4 т. М., 1983. Т. 4. С. 312.
10. Аристотель. Топика / Аристотель // Соч. в 4 т., Т. 2. М., 1978. – 687 с.
11. Арон Р. Лекции по философии истории: курс лекций в Коллеж де Франс / Р. Арон. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 336 с.
12. Арон Р. Мир и война между народами / Р. Арон. – М., 2000. – 879 с.
13. Асмолов А.Г. Психология личности / А.Г. Асмолов. – М., 1990. – 367 с.
14. Астэр И.В. Кризис социальных связей и проблема одиночества в условиях российского мегаполиса / И.В. Астэр // Credo. 2010. №2(62). С. 121.

- 15.Афанасьев В. Г. Человек в управлении обществом / В.Г. Афанасьев. – М.: Политиздат, 1977. – 382 с.
- 16.Бадью А. Загадочные отношения философии и политики / А. Бадью. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2014. – 112 с.
- 17.Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / З.Бауман. – М., 2004. – 188 с.
- 18.Бауман З. Индивидуализированное общество / З. Бауман. – М.: Логос, 2005. – 390 с.
- 19.Белл Р. Американская социология. Перспективы. Проблемы. Методы / Р.Белл. – М 1972. – С. 266-278.
- 20.Бергер П. Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: МЕДИУМ, 1995. – 323 с.
- 21.Бердяев Н.А. О назначении человека / Н.А. Бердяев. – М.: Издательство: «Амрита-русь», 2019. – 460 с.
- 22.Бердяев Н.А. Судьба России / Н.А. Бердяев. – М., 1990. – 541 с.
- 23.Березовская И.П., Шипунова О.Д. Интеллектуальные фильтры как проблема современного образования / И.П .Березовская, О.Д.Шипунова // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. – 2016. №1. – С. 166-176.
- 24.Богатуров А.Д., Виноградов А.В. Модель равноположенного развития. Варианты сберегающего обновления / А.Д. Богатуров, А.В. Виноградов // Полис. – 1999. – № 4. – С. 60–69.
- 25.Богданов А.А. Тектология: всеобщая организационная наука / А.А.Богданов; под редакцией профессора Г. Д. Гловели. 6-е изд., испр. и доп. М.: URSS : ЛЕНАНД, 2019. – 679 с.
- 26.Богомоллов О.Т. Моя летопись переходного периода / О.Т.Богомоллов. – М., 2000. – 367 с.

27. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла / Ж. Бодрийяр. – М.: Добросвет, 2000. – 258 с.
28. Бойко П.Е. Идея России в русской философии истории / П.Е. Бойко. – М.: Изд-во «Социально-политическая МЫСЛЬ». 2006. – 160 с.
29. Борев Ю. Ванька-встанька и Состояние мира; Философско-политические эссе / Ю. Борев. – М.: ООО ИД «Русь»-«Олимп»: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 444 с.
30. Бухтояров М.С. Мегаобщество – результат процессов глобализации и виртуализации / М.С. Бухтояров // Теория и история. – 2005. – № 1. – С. 221–228.
31. Бьюкенен П.Дж. Смерть Запада / П.Дж. Бьюкенен. – М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2003. – 444 с.
32. Ватагина М.В. Обеспечение эффективного внедрения профессиональных стандартов на основе интеграционных процессов в науке, образовании и производстве в современной России / М.В. Ватагина // Профессиональное образование в современном мире. – 2017. Т. 7. – № 3. – С. 1169-1178.
33. Вахштайн, В. С. Возвращение материального: «пространства», «сети», «потoki» в акторно-сетевой теории / В.С. Вахштайн // Социологическое обозрение. – 2005. Т. 4. – № 1. – С. 94-115.
34. Вебер М. Теория ступеней и направлений религиозного неприятия мира / М. Вебер // Избранные произведения. – М., 1990. – С. 307—344.
35. Вернадский В.И. Автотрофность человечества / В.И. Вернадский // Русский космизм: Антология философской мысли. – М.: Педагогика-Пресс, 1993. – С. 288–303.
36. Вилюнас В.К. Психологические механизмы мотивации человека / В.К. Вилюнас. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 288 с.
37. Винник Д.В. Социальная феноменология цифровой эпохи: риторика ненависти, анонимусы, копирайт и полицейский надзор / Д.В. Винник // Философия образования. – 2014. – № 4 (55). – С. 79-88.

38. Волков В.Н. Либерально-демократический проект десувенизации отечественного политико-правового порядка / В.Н.Волков // Вестник Орловского государственного университета. Серия: новые гуманитарные исследования. – 2011. – №5(19). – С. 18-22.
39. Волков Ю.Г., Поликарпов В.С. Человек как космопланетарный феномен / Ю.Г. Волков, В.С. Поликарпов. – Ростов н/д: Изд-во Рост. ун-та, 1993. – 192 с.
40. Гаджиев К.С. Заметки о метаморфозах либеральных ценностей / К.С.Гаджиев // Вопросы философии. – 2008. – № 5. – С. 9–26.
41. Гайденко П.П. Проблема рациональности на исходе XX века / П.П.Гайденко // Вопросы философии. – 1991. – №6. – С. 3-14.
42. Гарафутдинова И.Я., Кудряшов К.А., Левкин Г.Г. Повышение квалификации государственных служащих по направлениям цифровой экономики как фактор повышения эффективности деятельности органов власти / И.Я. Гарафутдинова, К.А. Кудряшов, Г.Г.Левкин // Профессиональное образование в современном мире. – 2019. – Т. 9. – №1. – С. 2493-2505.
43. Герасимов С.В., Терещенко П.А. Сторителлинг политических лидеров как инструмент символической политики / С.В. Герасимов, П.А.Терещенко // Дискурс. – 2020. – Т. 6. – №3. – С. 5-20.
44. Глинчикова А.Г. Социальное значение русского раскола / А.Г.Глинчикова // Вопросы философии. – 2008. – № 6. – С. 17–28.
45. Глобализация / под общ. ред. В.А. Михайлова и В.С. Буянова. – М.: Изд-во РАГС, 2008. – 543 с.
46. Глонти В. Федеративные отношения в Грузии / В.Глонти // Мировая экономика и международные отношения. – 2005. – № 7. – С. 107–111.
47. Гоббс Т. Левиафан / Т.Гоббс // Сочинения: в 2 т. – М., 1991. Т. 2. – 731 с.

48. Григоренко Д.Е. Русский социализм как антиэнтропийная концепция управления российским обществом / Д.Е.Григоренко // Теория и история. – 2007. – № 2. – С. 31-39.
49. Грищенко М. Ю. Политический механизм формирования и реализации идеологии общественного развития современной России: автореф. дис. канд. полит. наук / М.Ю.Грищенко. – М., 2009. – 27 с.
50. Грякалов Н.А. Фигуры террора-2. / Н.А.Грякалов. – СПб.: Издательство РХГА, 2017. – 230 с.
51. Гулыга А. Кант / А.Гулыга. – М.: «Молодая гвардия», 2005. – 208 с.
52. Гулыга А.В. Немецкая классическая философия. – М.: Рольф, 2001. – 416 с.
53. Гулыга, А.В. Творцы русской идеи/ А.Гулыга. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 314 с.
54. Гуторович О.В., Гуторович В.Н. Следствия информационно-технологических преобразований / О.В.Гуторович, В.Н.Гуторович // Дискурс. – 2019. – №4. – С. 42-52.
55. Даль Р. О демократии / Р.Даль. – М., 2000. – 247 с.
56. Данилевский Н.Я. Россия и Европа / Н.Я.Данилевский – М.: Книга, 1991. – 577 с.
57. Делёз, Ж. Post scriptum к обществам контроля / Ж.Делёз / Пер. с фр. В. Е. Быстрова. – СПб.: «Наука», 2004. [Электронный ресурс] // Международная ассоциация трудящихся. URL: <https://aitrus.info/node/754> (дата обращения: 10.09.20).
58. Делягин М.Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации / М.Г.Делягин. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2003. – 768 с.
59. Демкина Я.Ю. Сравнительный анализ методик исследования политического дискурса / Я.Ю.Демкина // Дискурс. – 2021. – №3. – С. 89-102.

60. Деннет Д. Онтологическая проблема сознания / Д. Деннет // Аналитическая философия: Становление и развитие (антология). – М., 1998. – С. 361-375.
61. Дингес М. Историческая антропология и социальная история: через теорию «стиля жизни» к «культурной истории повседневности» / М. Дингес // Проблемы гуманитарного знания. URL: <http://istmira.ru/download.pdf>.
62. Дисциплинарное общество // Современная западная философия. Энциклопедический словарь / Под. ред. О. Хеффе, В. С. Малахова, В. П. Филатова, при участии Т. А. Дмитриева. – М., 2009. – С. 135-136. [Электронный ресурс] / Понятия и категории: вспомогательный проект портала ХРОНОС. URL: <http://ponjatija.ru/node/12733> (дата обращения: 04.09.20).
63. Додонов Б.И. Эмоция как ценность / Б.И. Додонов. – М.: Политиздат, 1978. – 272 с.
64. Дорошин И.А. Апокалиптические ожидания в обществе риска / И.А. Дорошин // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – №33. – С. 97-101.
65. Дробот С. Е. Принцип разделения и взаимодействия властей в системе российского конституционализма: автореф. дис. канд. юрид. наук / С.Е. Дробот. – Челябинск, 2021. – 30 с.
66. Дубровский Д. И. Сознание. Мозг. Искусственный интеллект: сб. статей / Д.И. Дубровский. – М., 2007. – 272 с.
67. Дугин А.Г. Русская вещь / А.Г. Дугин. – М., 2001. – Режим доступа: <http://www.arctogaia.com>.
68. Дуреев С.П. Антиэнтропийные процессы в сфере жизнеутверждения местного сообщества / С.П. Дуреев // Чуриновские чтения: Антиэнтропийные процессы в природе и обществе (материалы круглого стола 26 мая 2021 года. г. Красноярск): сб. науч. тр.: СибГУ им. М.Ф. Решетнева. – Красноярск, 2022. – С. 23-30.

69. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни / Э. Дюркгейм // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология. М., 1998. С. 175 – 231.
70. Ермашов Д., Перевезенцев С.В., Ширинянц А.А. Русская социально-политическая мысль X–начала XX вв. / Д. Ермашов, С.В. Перевезенцев, А.А. Ширинянц. – М., 2005. – 156 с.
71. Ерофеева М. Акторно-сетевая теория и проблема социального действия / М. Ерофеева // Социология власти. – 2015. – № 1. – Т. 27. – С. 17-36.
72. Ерыгин А.Н. История и диалектика (Диалектика и исторические знания в России XIX в.) / А.Н. Ерыгин. – Ростов-н-Д., 1987. – 219 с.
73. Зеньковский В.В. История русской философии / В.В. Зеньковский. – Ростов н/Д., 1999. – Т. 1. – 539 с.
74. Зиновьев А. Советская государственность была вершиной эволюции русской идеи / А. Зиновьев // К справедливому обществу. Идеи, проекты, теории на Западе и в России. – М.: Алгоритм, 2011. – 776 с.
75. Зубок Ю. А. Самоорганизация в проявлениях молодежного экстремизма / Ю.А. Зубок // Социологические исследования. – 2009. – № 1. – С. 78-88.
76. Иванов А.В. Истинные основания социальной консолидации // Вестник Российского философского общества / А.В. Иванов. – 2005. – № 4. – С. 50-53.
77. Иванов Д.В. Виртуализация общества. Версия 2.0. / Д.В. Иванов – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002. – 213 с.
78. Иванова Е.М., Пономарев В.А. Уровни осуществления полилога с позиции теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса и их влияние на трансформацию традиционных концепций диалога в полилог / Е.М. Иванова, В.А. Пономарев // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – №33(324). Философия. Социология. Культурология. Вып. 30. – С. 118-123.

- 79.Иванова С.В. Богдановские тектологические представления и гуманистический подход к образованию / С.В. Иванова // Философские науки. 2007. – № 7. – С. 139-151.
- 80.Игнатушко И.В. «Революция достоинства» на Украине в контексте цивилизационного выбора / И.В. Игнатушко // Дискурс. – 2021. – Т. 7 – №5. – С. 97-106.
- 81.Ильенков Э.В. Гегель и «отчуждение» / Э.В. Ильенков // Философия и культура. – М., 1991. – 464 с.
- 82.Ильин В.И. Россия: общество политического потребления / В.И. Ильин // Философские науки. – 2007. – № 7. – С. 49–66.
- 83.Ильин И.А. О сопротивлении злу силою / В.И. Ильин // И. А. Ильин. Pro et Contra : полемика вокруг идей И. А. Ильина о сопротивлении злу силою. – Москва : Айрис-пресс, 2007. – 573 с.
- 84.Ильин И.С. Онтологическое значение этических категорий в правовом способе социально-нормативной регуляции / В.И. Ильин // Вестник Орловского государственного университета. Серия: новые гуманитарные исследования. – 2011. – №1. – С. 225.
- 85.Иноземцев В. Л., Кузнецова Е. С. Глобальный конфликт XXI в. Размышления об истоках и перспективах межцивилизационных противоречий / В. Л. Иноземцев, Е.С. Кузнецова // Полис. – 2001. – № 6. – С. 131-139.
- 86.Иноземцев В.Л. Иммиграция: новая проблема нового тысячелетия. Методологические аспекты / В.Л. Иноземцев // Социологические исследования. – 2003. – № 6. – С. 29-38.
- 87.Ионин Л.Г. Масса и власть сегодня (актуальность Э. Канетти) / Л.Г.Ионин // Вопросы философии. – 2007. – № 3. – С. 4-5.
- 88.Каган М.С. Философская теория ценностей / М.С. Каган. – СПб.: Петрополис, 1997. – 205 с.
- 89.Казначеев В.П. Учение Вернадского о биосфере и ноосфере / В.П.Казначеев. – Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1989. – 245 с.

90. Калашникова Е.М. Исторические и методологические основания исследования идентификации и идентичности в условиях «поздней современности» / Е.М. Калашникова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – №33(324). Философия. Социология. Культурология. – Вып. 30. С. 35-38.
91. Калдор М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху / М. Калдор. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. – 412 с.
92. Кальной И.И. Отчуждение: истоки и современность / И.И. Кальной. – Симферополь: Таврия, 1990. – 192 с.
93. Канетти Э. Человек нашего столетия. Художественная публицистика / Э. Канетти. – М.: Прогресс, 1990. – 473 с.
94. Кантор В.К. Между произволом и свободой. К вопросу о русской ментальности / В.К. Кантор. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – 544 с.
95. Кантор В.К. Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. К проблеме имперского сознания в России / В.К. Кантор. – М.: РОССПЭН, 2008. – 541 с.
96. Кара-Мурза С.Г. Катастрофы, хаос, развитие / С.Г. Кара-Мурза. – М.: Смысл, 1998. – С. 41.
97. Карпенко А. М. Региональная идентичность как категория политической практики: автореф. дис. канд. полит. наук / А.М. Карпенко. – М., 2008. – 28 с.
98. Карсавин Л.П. Философия истории / Л.П. Карсавин. – СПб.: АО «Комплект», 1993. – 350 с.
99. Кассим М.Х. Антиамериканская мечта в работах современных американских драматургов Дэвида Мамета и Сэма Шепарда / М.Х. Кассим // Вестник Орловского государственного университета. – 2011. – №2(16). С. 380-381.

100. Катасонов В. Экономическая теория славянофилов и современная Россия / В. Катасонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2014. – 656 с.
101. Кельнер Х., Х.-Г Зофнер. Культурная глобализация в Германии / Х.Кельнер, Х.-Г.Зофнер // Многоликая глобализация / Под ред. П.Бергера и С.Хантингтона. – М.: Аспект Пресс, 2004. – С. 131-159.
102. Кесседи Ф.Х. Философия истории Фукидида и современность / Ф.Х.Кесседи // Вопросы философии. – 2005. – № 7. – С. 123-135.
103. Кетейбаева Ж.А. Государственность, суверенитет, безопасность. Человек в современном мире: кризис и цивилизация / Кетейбаева Ж.А. – М.: Энциклопедия-Максимум, 2020. – С. 214-225.
104. Кефели И.Ф. Асфатроника: на пути к теории глобальной безопасности: Монография / И.Ф.Кефели. – СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2020. – 228 с.
105. Киреевский И.В. Критика и эстетика / И.В.Киреевский. – М., 1979. – 439 с.
106. Кириллова А.И. Воспитание: сущность процесса, культурные и социализационные транскрипции в условиях глобализации / А.И.Кириллова // Философия образования. 2014. № 4 (55). – С. 122-134.
107. Ковалев А.М. Диалектика способа производства общественной жизни / А.М.Ковалев. – М.: Мысль: 1982. – 255 с.
108. Ковач Я.М. Конкурирующие соблазны и пассивное сопротивление / Я.М.Ковач // Многоликая глобализация / Под ред. П.Берера и С.Хантингтона. – М.: Аспект Пресс, 2004. – С. 159-200.
109. Кожин В.В. История России и русского Слова. Современный взгляд / В.В.Кожин. – М., 1997. – 525 с.
110. Кожин В.В. Победы и беды России. Русская культура как порождение истории / В.В.Кожин. – М., 2000. – 444 с.
111. Кожин В.В. Судьба России / В.В.Кожин. – М., 1990. – 256 с.

112. Кокс Х. Мирской град: секуляризация и урбанизация в теологическом аспекте / Х. Кокс. – М., 1995. – 263 с.
113. Колянов А.Ю. Европейская идентичность сегодня: мысль или ощущения? / А.Ю. Колянов // Дискурс. – 2019. – №5. С. 85-87.
114. Комаров В.Д. Актуализация нравственного смысла / В.Д. Комаров // Теория и история. – 2007. – № 2. –С. 17-30.
115. Кондаков И.В. «По ту сторону» Европы» / И.В. Кондаков // Вопросы философии. – 2002. – № 6. – С. 3-18.
116. Кондрашин И.И. О несиловых методах борьбы с терроризмом / И.И.Кондрашин // Вестник Российского философского общества. – 2004. – № 4. – С. 110–111.
117. Конфуций. Уроки мудрости: Сочинения / Конфуций. – М.: Эксмо; Харьков; Фолио, 2008. – 958 с.
118. Корольков А.А. Духовный смысл русской культуры / А.А.Корольков. – СПб: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2006. – 739 с.
119. Красин Ю.А. Метаморфозы демократии в изменяющемся мире / Ю.А.Красин // Полис. – 2006. – № 4. – С. 127-138.
120. Кривошеев Ю.В. Русская средневековая государственность / Ю.В.Кривошеев. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2008. – 129 с.
121. Крижанич Ю. Политика / Ю. Крижанич. – М.: Новый свет, 1997. – 527 с.
122. Крупнин Г. Н. Отчуждение человека в перспективе глобализации мира / Крупнин. Сб. статей. Вып. I / под ред. Б.В. Маркова, Ю.Н. Солони́на, В.В. Парцвания. – СПб: «Петрополис», 2001. – С. 5–7.
123. Кудашов В.И. Достоинство философа в современном мире (Субъективные заметки по поводу III Российского философского конгресса) / В.И. Кудашов // Теория и история. – 2002. – № 1. – С. 89-97.
124. Кузнецов В.Ю. Мир единства / В.Ю. Кузнецов. – М.: Академический Проект; Альма Матер, 2010. – 205 с.

125. Кузнецова Н.П. Устойчивое развитие и концепция государства благосостояния в условиях глобализации / Н.П. Кузнецова // Философия человека в историческом контексте: сборник научных статей. – СПб.: изд-во РГПУ им. А.И.Герцена, 2019. С. 127-128.
126. Куликов Д. Антимиф. Очистить себя от лжи о самих себе / Д.Куликов // Однако. – 2013. – Август–сентябрь. – С. 26–55.
127. Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / пер. с англ. А.Захарова; под ред. Л.Харрисона, С. Хантингтона. – М.: Московская школа политических исследований, 2002. – 315 с.
128. Кушелев В.А. Метафизическое решение парадокса времени и парадокса пространства как парадокса субъективности / В.А. Кушелев. – В 2 т. Т. 2. – СПб.: Издательство РХГА, 2018. – 463 с.
129. Кязимов К.Г. На смену концепции управления человеческими ресурсами – о концепция управления человеческим потенциалом / К.Г.Кязимов // Профессиональное образование в современном мире. – 2017. – Т. 7. – №4. – С. 1348-1356.
130. Латур Б. Об интеробъективности / Б.Латур // Социологическое обозрение. 2007. № 2. Т. – 6. С. 79-96.
131. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н.Леонтьев. – М.: Политиздат, 1975. – 304 с.
132. Леонтьев К.Н. Чем и как либерализм наш вреден? / К.Н. Леонтьев // Полное собрание сочинений и писем в 12 т. – С.-Петербург: Изд-во «Владимир Даль», 2000. Т. 7. Книга 2. – 2006. – С. 118-143.
133. Леонтьев М.В. Идеология суверенитета / М.В. Леонтьев // Однако. – 2013. – Август–сентябрь. – М. : Книжный мир, 2014. – 314 с.
134. Лепихова Л. А. Открытость политической власти: технологический анализ: автореф. дис. ...канд. полит. наук / Л.А. Лепихова. – Ростов-на-Дону, 2007. – 27 с.

135. Летняков Д. Э. Российская традиция общественно-политического участия ((XI-начало XX вв.): автореф. дис. канд. полит. наук / Д.Э.Летняков. – М., 2009. – 27 с.
136. Лихачев Д.С. Нельзя уйти от самих себя. Историческое самосознание и культура России / Д.С. Лихачев // Новый мир. – 1994. – № 6. – С. 113-121.
137. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии / А.Ф.Лосев. – М., 1993. – 962 с.
138. Лосский Н.О. История русской философии / Н.О.Лосский. – М.: Советский писатель, 1991. – 480 с.
139. Лосский Н.О. Ценность и бытие. Бог и Царство Божие как основа ценностей / Н.О. Лосский // Бог и мировое зло. – М.: ТЕРРА; Книжный клуб: Республика, 1999. – 431 с.
140. Макиавелли Н. Государь // Сочинения исторические и политические: Сб. / Н. Макиавелли. – М., 2004. – 819 с.
141. Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали / Макинтайр. – М.: Академ. Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000. – 384 с.
142. Малинкин А.Н. Концепция «пророческого» социализма Макса Шелера / А.Н. Малинкин // Дискурс. – 2021. – Т. 7. – №5. – С. 5-24.
143. Малков С.Ю. Россия в контексте мировой динамики / С.Ю. Малков // Россия в XXI веке: глобальные вызовы, риски и решения. Анализ. Экспертиза. Рекомендации: Монография /под общ. ред. акад. М.Ч.Залиханова, проф. МНЭПУ С.А.Степанова. – Москва: изд-во МНЭПУ, 2019. С. 55-74.
144. Мамаев А.В. Городские самоуправления России к началу 1917 года и их место в революционном процессе / А.В. Мамаев // Проблемы отечественной истории: Источники, историография, исследования. Сб. научных статей. – СПб.; К.; Мн.; Санкт-Петербургский институт

- истории РАН; Институт истории Украины НАН Украины; Белорусский гос. ун-т, 2008. – С. 518-532.
145. Марков Б.В. Философский ландшафт в России / Б.В. Марков // *Credo*. – 2006. – №1. – С. 49-55.
146. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе. – М., 2003. – 528 с.
147. Марцева Л.М. Сущность и существование труда.: избранные статьи / Л.М.Марцева. – Омск: ИЦ «Омский научный вестник», 2013. – 397 с.
148. Матвеев М.Н. Власть и общество в системе местного самоуправления России в 1977-2003 годах: автореф. дис. ...д-ра ист. наук / М.Н. Матвеев. – Самара, 2006. – 42 с.
149. Матвеева С.Я., Шляппентох В.Е. Страхи в России в прошлом и настоящем / С.Я.Матвеева, В.Е. Шляппентох. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. – 179 с.
150. Межуев В.М. Модернизация и глобализация: два проекта «эпохи модерна» / В.М. Межуев // *Глобализация и перспективы современной цивилизации* / отв. ред. К.Х. Делокаров. – М.: КМК, 2005. – С. 23–24.
151. Мельвиль А.Ю. Демократические транзиты / А.Ю. Мельвиль // *Политология: Лексикон* / Под ред. А.И.Соловьева. М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2007. – С.123-134.
152. Мильдон В.И. Все еще наш XIX век / В.И. Мильдон // *Вопросы философии*. – 2006. – № 12. – С.169-175.
153. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры в 3 т. Т. 1 / П.Н.Милюков. – М.: Прогресс, 1993. – 528 с.
154. Можайскова И.В. Духовный образ русской цивилизации и судьба России (опыт метаисторического исследования): В 4 ч. Ч. 3 / И.В.Можайскова. – М. Студия «Вече», 2001. – 583 с.

155. Мякинников С.П. Основные аспекты архитектоники мировоззрения как социального феномена / С.П. Мякинников // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – №33(324). – С. 7- 15.
156. Мяло К.Г. Между Западом и Востоком. Опыт геополитического и историсофского анализа / К.Г. Мяло. – М.: Рус. нац. фонд, 2003. 220 с.
157. Нагель Т. Каково быть летучей мышью? / Т. Нагель // Глаз разума. – Самара, 2003. – С. 349-360.
158. Нардова В.А. Самодержавие и городские думы в России в конце XIX – начале XX века / В.А. Нардова. – СПб., 1994. – СПб. : Наука. – 157 с.
159. Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории / Н.А.Нарочницкая. – М. : Междунар. отношения, 2004. – 533 с.
160. Никифоров А.А. Особенности государственной власти в условиях трансформирующегося российского общества: автореф. дис. канд. филос. наук / А.А. Никифоров. – Улан-Удэ, 2012. – 21 с.
161. Ницше Ф. Любовь к власти: опыт переоценки всех ценностей / Ф.Ницше. – М.: Культурная Революция, 2005. – 880 с.
162. Новгородцев П.И. Об общественном идеале / П.И.Новгородцев. Режим доступа: // <http://www.philosophy.ru/library/vehi/ideal.html>.
163. Оконская Н.К. О роли гуманитарного знания в информационном обществе: инструмент самоограничения темпов развития / Н.К.Оконская // Университетский научный журнал. – 2012. – № 2. – С. 119–126.
164. Осипов Г.В. Социологическое понимание новых геополитических и социальных реалий в XXI веке / Г.В. Осипов // Вестник Российского философского общества. – 2005. – № 3 – С. 32-38.
165. Остром В. Смысл американского федерализма. Что такое самоуправляющееся общество / В. Остром. – М.: Арена, 1993. – 320 с.
166. Очеретяный К.А. Русский космизм – теория медиаэпистемологического действия / К.А. Очеретяный // Дискурс. – 2019. – №4. – С. 26-41.

167. Панарин А.С. Искушение глобализмом / А.С. Панарин. – М.: ЭКСМО: 2002. – 415 с.
168. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире / А.С.Панарин. – М., 2002. – 492 с.
169. Панарин А.С. Реванш истории. Российская стратегическая инициатива в XXI в. / А.С. Панарин. – М.: Русский мир, 2005. – 432 с.
170. Панарин А.С. Философия истории / А.С. Панарин. – М. : Гардарики, 1999. – 432 с.
171. Панфилова Т.В. Проблема смысла истории / Т.В. Панфилова // Вопросы философии. – 2006. – № 12. – С. 11-23.
172. Парсонс Т. О структуре социального действия / Т.Парсонс. – М., 2000. – 880 с.
173. Парсонс Т. Понятия общества: компоненты и их взаимоотношения // Американская социологическая мысль / Т.Парсонс. – М., 1996. – С. 494-526.
174. Парсонс Т. Система современных обществ / Т.Парсонс. – М.: Аспект Пресс, 1998. –270 с.
175. Паршиков В.И., Табакаев Ю.В., Краснова Н.Н., Кузьменко К.А. Трансформация прав человека в обществе и в юридическом образовании / В.И. Паршиков, Ю.В. Табакаев, Н.Н. Краснова, К.А.Кузьменко // Профессиональное образование в современном мире. – 2017. – Т. 7. – №3. – С. 1156-1162.
176. Патнэм Х. Философия сознания / Х. Патнэм. – М., 1999. – 240 с.
177. Петрищев В.Н. Современное общество в контексте теории универсального эволюционизма Н.Н. Моисеева. Междисциплинарный подход / В.Н. Петрищев // Россия в XXI веке: глобальные вызовы, риски и решения. Анализ. Экспертиза. Рекомендации: Монография /под общ. ред. акад. М.Ч.Залиханова, проф. МНЭПУ С.А.Степанова. – Москва: изд-во МНЭПУ, 2019. – С. 95-105.

178. Писарькова Л.Ф. Московская городская дума: 1863–1917 г. / Л.Ф.Писарькова. – М.: Изд-во Об-ния «Мосгорарх», 1998. – 567 с.
179. Платон. Сочинения в четырех томах. Т. 1 / Платон / Под общ. ред. А.Ф.Лосева и В.Ф.Асмуса; Пер. с древнегреч. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та; Изд-во Олега Абышко., 2006. – 632 с.
180. Платон. Законы / Платон // Платон. Собрание сочинений: в 4 т. – М.: Мысль, 1994. – Т.4. – 830 с.
181. Плеханов Г.В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю / Г.В. Плеханов // Мир философии. – М.: Изд-во полит. литер., 1991. – С. 216.
182. Поздняков А.В. Концептуальные основы решения проблемы устойчивого развития / А.В. Поздняков. – Томск: Спектр, 1995. – 150 с.
183. Померанц Г. История России в свете теории цивилизации / Г.Померанц // Вторая навигация: Альманах. Запорожье: Дикое поле. – 2006. – № 6. – С. 13–25.
184. Попов В.Г., Карпов В.В. К вопросу о соотношении понятий «социальная адаптация» и «социализация» / В.Г. Попов, В.В. Карпов // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – №33(324). Философия. Социология. Культурология. Вып. 30. – С. 149-153.
185. Проблема социокультурных исследований в современной гуманитарной науке / Н. П. Копцева, Н. А. Бахова, Ю. С. Замараева, В. И. Кирко // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 3. – С. 323.
186. Пфаненштиль И.А., Яценко М.П. Информационные аспекты управления образованием / И.А. Пфаненштиль, М.П. Яценко // Профессиональное образование в современном мире. – 2018. – Т. 8. – №1. – С. 1581-1586.
187. Пырин А.Г. Вселенскость / А.Г. Пырин // Вестник Российского философского общества. – 2003. – № 1. – С. 138-142.

188. Райл Г. Понятие сознания / Г. Райл. – М., 2000. – 312 с.
189. Рахимова Т.А., Галмагова Г.М. Реализация гуманитарной составляющей образовательных стандартов / Т.А. Рахимова, Г.М.Галмагова // Профессиональное образование в современном мире. – 2017. – Т. 7. – № 3. – С. 1234-1237.
190. Реале Д., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней: От романтизма до наших дней / Д. Реале, Д. Антисери / Георг Зиммель: Ценности историка и релятивизм фактов. [Электронный ресурс] // Библиотека «Полка букиниста». URL: http://society.polbu.ru/reale_westphiloiiv/ch68_i.html (дата обращения 12.03.21).
191. Ремизов М. Опыт консервативной критики / М.Ремизов. – М., 2002. – 111 с.
192. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре / Г. Риккерт / Пер. с нем., общ. ред. и предисл. А. Ф. Зотова; сост. А. П. Полякова, М. М. Беляева. – М.: Республика, 1998. – 431 с.
193. Ритцер Дж. Современные социологические теории / Дж. Ритцер / пер. с англ. А.Бойкова, А.Лисициной, 5-е изд. – СПб.: Питер, 2002. – 686 с.
194. Розин В.М. Опыт построения методологического курса, выполняющего функции навигатора для программ и курсов «История и философия науки» / В.М. Розин // Философские науки. – 2005. – № 11. – С. 137–138.
195. Романов В.Л. Глобализация в реальности и сценариях развития // Глобализация: синергетический подход / В.Л. Романов. – М., 2002. – С. 273-285.
196. Рормозер Г. Кризис либерализма / Г.Рормозер. – М.: Ин-т философии РАН, 1996. – 298 с.
197. Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. Уроки социальной психологии / Л. Росс, Р. Нисбетт. – М., 1999. – 429 с.

198. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: в 2 т. 2. / С.Л.Рубинштейн. – М.: Педагогика, 1989.— 322 с.
199. Русаков С. С. Эволюция стратегий анализа власти в политической философии Мишеля Фуко: автореф. диссертации ... канд. полит. наук / С.С. Русаков. – Санкт-Петербург, 2017. – 30 с.
200. Сабден О.С. Мировая цивилизация и модернизация общественного развития / О.С. Сабден // Век глобализации. – 2021. – №1. – С. 116-128.
201. Сагатовский В.Н. Философия антропокосмизма в кратком изложении / В.Н.Сагатовский. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2004. – 230 с.
202. Сандел М. Что нельзя купить за деньги. Моральные ограничения свободного рынка / М. Сандел. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. – 253 с.
203. Сартори Дж. Вертикальная демократия / Дж. Сартори // Политические исследования. – 1993. – № 2. – С. 80-85.
204. Сергейцев Т. К социологии русского постсоциализма / Т. Сергейцев // Однако. – 2014. – Апрель-май. – № 173. – С. 24-53.
205. Сёрль Дж. Открывая сознание заново / Дж. Сёрль. – М., 2002. – 256 с.
206. Силаева З. В. Институционализация «спорных государств» в условиях политической трансформации постсоциалистического пространства: автореф. дис. канд. полит. наук / З.В. Силаева. – Казань, 2012. – 24 с.
207. Симонян Р.Х. От национально-государственных объединений к региональным / Р.Х. Симонян // Вопросы философии. – 2005. – № 3. – С. 20–28.
208. Сеницына Н.В. Третий Рим. Истоки в эволюции русской средневековой концепции XV-XVI вв. / Н.В.Сеницына. – М., 1998. – С. 30–40.
209. Солдатов А.А. Новые социальные группы как фактор политической дестабилизации в современном социуме / А.А. Солдатов // Дискурс. – 2021. – №1. С. 82-91.

210. Солнцева С.А. Формула советской истории (взгляд на развитие России в условиях тотального государственного капитализма) / С.А. Солнцева // Вопросы философии. – 2008. – № 6. – С. 3-16.
211. Соловей В.Д. Кровь и почва русской истории / В.Д. Соловей. – М.: Изд. «Русский мир», 2008. – 480 с.
212. Соловей И.В. Конструирование «политической реальности» в дискурсе политического субъекта / И.В. Соловей // Философские науки. – 2005. – №1. – С. 34-46.
213. Солонько И.В. Феномен концептуальной власти: социально-философский анализ. – Изд. 2-е, испр. и доп. / И.В. Солонько. – СПб.: СОЛО, 2010. – 202 с.
214. Сорокин П. А. Национальность, национальный вопрос и социальное равенство / П.А.Сорокин
URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Sorok2/12.php.
215. Сорос Дж. Алхимия финансов / Дж. Сорос. – М.: ИНФРА-М, 1998. – 415 с.
216. Социальная психология в современном мире / под ред. Г.М.Андреевой, А.И. Донцова. – М.: Аспект пресс, 2002. – 332 с.
217. Стариков Н.В. Власть / Н.В. Стариков. – СПб.: Питер, 2016. – 320 с.
218. Степин В. С. Философия и поиск новых ценностей цивилизации. – Доклад на IV Российском философском конгрессе 24–28 мая 2005 г. Москва / В.С. Степин // Вестник Российского философского общества. – 2005. – № 4. – С. 10-24.
219. Степин В.С. Цивилизация и культура / В.С. Степин. – СПб: СПбГУП, 2011. – 408 с.
220. Стеценко А. Н. Феномен виртуализации государственного бюрократического управления в современном западном обществе: автореф. дис. канд. полит. наук / А.Н. Стеценко. – Ростов-на-Дону, 2008. – 28 с.

221. Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции / Дж. Стиглиц. – М.: Национальный общественно-научный фонд, 2003. – 304 с.
222. Сурова Н.Ю., Безделов С.А. Новые технологии для экономики будущего: рейтинг проектов и механизмы регулирования в сфере цифровой экономики / Н.Ю. Сурова, С.А. Безделов // Вестник академии. – 2018. – №1. – С. 5-9.
223. Талина И. В. Гендерные маркеры речевого поведения политического деятеля (на материале политического интервью): автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.В. Талина. – Ульяновск, 2003. – 175 с.
224. Тарасова О. Е. Принцип разделения властей и гражданское общество: диалектика взаимосвязи (Социально-философский аспект): дис. ... канд. филос. наук / О.Е. Тарасова. – Красноярск, 2004. – 143 с.
225. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность / Л.А.Тихомиров. – М.: ГУП «Облиздат», ТОО «Алир», 1998. – 672 с.
226. Тихомиров Л.А. Церковный собор, единоличная власть и рабочий вопрос / Л.А. Тихомиров. – М.: Москва, 2003. – 616 с.
227. Тойнби А. Дж. Постижение истории / А. Дж. Тойнби. – М.: Прогресс, 1991. – 736 с.
228. Толстоухов А.В., Мелков Ю.А. Философские измышления о демократии (на материалах событий 2004 г. в Украине) / А.В.Толстоухов, Ю.А. Мелков // Философские науки. – 2006. – № 4. – С. 17-34.
229. Толстых В.И. Консолидация и модернизация России / В.И. Толстых. – М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2014. – 384 с.
230. Томпсoba Э. Проблема власти в трудах Мишеля Фуко: диссертация канд. полит. наук / Э.Томпсoba. – Ростов-на-Дону, 2001. – 134 с.
231. Тоффлер Э. Шок будущего: Пер. с англ. / Э. Тоффлер. – М.:«Издательство АСТ», 2002. – 557 с.
232. Трубецкой Е.Н. Два зверя / Е.Н. Трубецкой // Смысл жизни. – М.:Республика, 1994. – С. 302–303.

233. Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык / Н.С. Трубецкой. – М., 1995. – 799 с.
234. Тугаринов В.П. Избранные философские произведения / В.П. Тугаринов. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1988. – 344 с.
235. Уайт Л. Избранное: Эволюция культуры / Л. Уайт. – М., 2004. – 1064 с.
236. Уайтхед А. Н. Избранные работы по философии / А.Н. Уайтхед. – М.: Прогресс, 1990. – 720 с.
237. Узнадзе Д.Н. Установка у человека. Проблема объективации / Д.Н.Узнадзе // Психология личности в трудах отечественных психологов. – СПб.: Питер, 2000. – С. 90-94.
238. Уотерман Р. Фактор обновления: Как сохраняют конкурентоспособность лучшие компании / Р. Уотерман. – М.:Прогресс, 1988. – 362 с.
239. Устьянцев В.Б. Предмет, категориальные ряды и концепции социальной рискологии / В.Б. Устьянцев // Общество риска: стратегии управления и альтернативные стили мышления / под ред. В.Б. Устьянцева. – Саратов: Наука, 2010. – С. 6-23.
240. Ушакова Е.В. Системная философия и системно-философская научная картина мира на рубеже третьего тысячелетия. Ч. 1, 2. / Е.В.Ушакова. – Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 1998. – 221 с.
241. Фаррахов А.Ф. Порочный круг одиночества / А.Ф. Фаррахов // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – №33(324). Философия. Социология. Культурология. Вып. 30. С. 94-96.
242. Фаткин Л. Командообразование в организации как фактор эффективности совместной деятельности / Л. Фаткин // Проблемы теории и практики управления. – 2001. – № 1. – С. 106–111.
243. Федоров Н.Ф. Философия общего дела / Н.Ф. Федоров // Сочинения. М.: Раритет, 1994. – 416 с.

244. Федоров Р.В., Пафомова Л.А. Значение мировоззренческих парадигм в формировании концептуального основания социального прогноза / Р.В.Федоров, Л.А.Пафомова // Диалог. – 2021. – Т.7. – №1. – С. 17-31.
245. Федотова В.Г. Факторы ценностных изменений на Западе и в России / В.Г.Федотова // Вопросы философии. – 2005. – № 11. – С. 3-24.
246. Федотова В.Г. Хорошее общество / В.Г. Федотова. – М.: Прогресс-Традиция, 2005. – 544 с.
247. Фейнберг Е.Л. Эволюция методологии в XX веке / Е.Л. Фейнберг // Вопросы философии. – 1995. – № 7. – С. 38–43.
248. Феньвеш Т.А. Два принципа социальности / Т.А. Феньвеш // Теория и история. – 2004. – № 3. – С. 82.
249. Фихте И.Г. Востребование от государей Европы свободы мысли, которую они до сих пор подавляли / И.Г. Фихте // Сочинения. Работы 1792–1801 гг. – М., 1995. – С. 9-89.
250. Флетчер Дж. О государстве Русском // Проезжая по Московии (Россия XVI–XVII вв. глазами дипломатов) / Дж. Флетчер. – М.: Междунар. отношения, 1991. – С. 46–47.
251. Франк С.Л. Внутреннее противоречие советской системы / С.Л.Франк // Вопросы философии. – 2007. – № 1. – С. 157-168.
252. Франк С.Л. К проблематике социального права / С.Л. Франк // Вопросы философии. – 2007. – №1. – С. 157-168.
253. Франкл В. Человек в поисках смысла / Франкл В. – М., 1990. – 363 с.
254. Фролов И.Т. Социально-этические и гуманистические проблемы современной науки / И.Т. Фролов // Человек-наука-гуманизм: к 80-летию со дня рождения академика И.Т. Фролова (от. ред. А.А. Гусейнова); Ин-т философии РАН. Наука, 2009. – С. 205-223.
255. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма. – М., 2010. – 588 с.
256. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. – СПб., 2001. – 382 с.

257. Хайдеггер, М. Что такое метафизика? / Пер. с нем. В. В. Бибихина. – 2-е изд. / М.Хайдеггер. – М.: Академический Проект, 2013. – 288 с.
258. Хайек Ф.А. Дорога к рабству / Пер. с англ. / Ф.А. Хайек. – М.: Новое издательство, 2005. – 264 с.
259. Хобсбаум Э. После победы в войне / Э. Хобсбаум // Логос. – 2003. – № 1. – С. 97-104.
260. Холодный В.И. А.С. Хомяков и современность: зарождение и перспектива соборной феноменологии / В.И.Холодный. – М.: Академический Проект, 2004. – 526 с.
261. Хоружий С.С. Человек и его три дальних удела. Новая антропология на базе древнего опыта / С.С. Хоружий // Вопросы философии.– 2003. – №1. – С. 38-62.
262. Хруцкий К.С., Самарин А.Г. Российский электронный философский журнал – журнал для России и для будущего России / К.С. Хруцкий, А.Г.Самарин // Вестник Российского философского общества. – 2005. – № 2. – С. 184-190.
263. Чалмерс Д. Сознательный ум: в поисках фундаментальной теории / Д.Чалмерс. – М., 2013. – 512 с.
264. Черных С.И. «Новая пайдейя», или останется ли человек человеком?: монография / С.И.Черных. – Новосиб. гос. аграр. ун-т. Новосибирск: ИЦ НГАУ «Золотой колос», 2018. – 194 с.
265. Чумаков А.Н. Культурно-цивилизационные исследования: их роль и ценность в глобальном мире / А.Н. Чумаков // Вестник Московского университета. – Серия 27. Глобалистика и геополитика. – 2018. – №1. – С. 30-44.
266. Чуринов Н. М. Индивидуализм и коллективизм: трансцендентальный и соборный субъекты / Н.М. Чуринов // Теория и история. – 2004. – № 2. – С. 177-226.
267. Чуринов Н.М. Идеология государственного мышления / Н.М. Чуринов // Теория и история. – 2007. – № 2. – С. 13–14.

268. Чуринов Н.М. Историческая идеология и историческое сознание / Н.М. Чуринов // Теория и история. – 2004. – № 2. – С. 3-11.
269. Чуринов Н.М. О государстве и идеологии / Н.М. Чуринов // Теория и история. – 2004. – № 3. – С. 9–10.
270. Чуринов Н.М. О кризисе либерализма / Н.М. Чуринов // Теория и история. – 2005. – № 2. – С. 161-169.
271. Чуринов Н.М. Правда и совершенство слова / Н.М. Чуринов // Теория и история. – 2007. – № 1. – С. 159-177.
272. Чуринов Н.М. Совершенство и свобода / Н.М. Чуринов. – Красноярск, 2001. – 431 с.
273. Шарапова Т. В. Способы философского обоснования власти (От отношения «господства-подчинения» к свободе коммуникативного управления): автореф. дис. ...канд. филос. наук / Т.В. Шарапова. – Томск, 2007. – 21 с.
274. Шевченко, В.Н. Проблема трансформации российского государства на современном этапе глобализации / В.Н. Шевченко // Глобализация и перспективы современной цивилизации. – М.: КМК, 2005. – С. 127-149.
275. Шелер М. Положение человека в космосе / М. Шелер // Проблема человека в западной философии. – М., 1988. – С. 31-95.
276. Шелер М. Пророческий либо марксистский социализм? / М. Шелер // Дискурс, 2021. – Т. 7. – №5. – С. 25-44.
277. Шиловский М.В. Роль государства в развитии производительных сил Сибири во второй половине XIX–начало XX века: к постановке проблемы / М.В. Шиловский // Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII–начала XX века: сб. материала региональной научной конференции. – Новосибирск, 2007. – С. 15-25.
278. Шипилов А.В. Судьба демократии в эпоху глобализации / А.В. Шипилов // Философские науки. – 2005. – № 11. – С. 21-33.

279. Шипунова О.Д., Березовская И.П. Ценностные приоритеты современной молодежи в социальной адаптации / О.Д. Шипунова, И.П.Березовская // Дискурс. – 2020. – Т. 6. – №3. – С. 35-45.
280. Шмитт К. Государство и политическая форма / К.Шмитт / пер. с нем. О. В. Кильдюшова; сост. В. В. Анашвили, О. В. Кильдюшов; гос. ун-т Высшая школа экономики. — М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. — 272 с.
281. Шпенглер О. Закат Европы. В двух томах. Том 1. Гельштальт и действительность / О. Шпенглер. – М.: Мысль, 1998. – 663 с.
282. Щербина А.В. Традиционный человек в «цифровой клетке». Идеейные истоки альтернативных сценариев (20-30-е гг. XX в.) / А.В.Щербина // Дискурс. – 2021. – №3. – С. 65-79.
283. Эко У. Средние века уже начались / У. Эко // Иностранная литература. – 1994. – № 4. – С. 257-268.
284. Энговатова А. В. «Онтология власти» в современной французской философии: дис. ...канд. филос. наук / А.В.Энговатова. – М., 2004. – 233 с.
285. Яценко М.П., Черный Д.С. Исследование особенностей информационного управления в контексте глобалистики / М.П.Яценко, Д.С. Черный // Профессиональное образование в современном мире. – 2015. – № 4 (19). – С. 42-52.
286. Boyer P. Religion Explained: The Evolutionary Origins of Religious Thought. N.-Y., 2001. 375 p.
287. Dreyfus H.L., Dreyfus S.H. Mind over machine. – Oxford: Basil. Blackwell Ltd., 1986.
288. Hadarics M., Kende A. Moral foundations of positive and negative intergroup behavior: Moral exclusion fills the gap // International Journal of Intercultural Relations. 2018. P. 67—76.

289. Karoui M., Duzert A., Leidner D. Strategies and symbolism in the adoption of organizational social networking systems // *The Journal of Strategic Information Systems*. 2015. Vol. 24. Is. 1. P. 15—32.
290. Leeuwen N., Elk M. Feeling the supernatural: responses to commentary // *Religion, Brain and Behavior*. 2018. P. 1—9.
291. Lenartowicz M., Weinbaun D., Braathen P. The individuation of Social Systems : A Cognitive Framework // *Procedia Computer Science*. 2016. Vol. 88. P. 15—20.
292. Missimer M., Robèrt K., Broman G. A strategic approach to social sustainability – Part 1: exploring the social system // *Journal of Cleaner Production*. 2017. Vol. 140. P. 1. P. 32—41.
293. Modeling and visualization Individual and Collective Opinions towards Extremism in a Society / V. Nonnermacher, L. de Oliveira, M. Villamil, B. Bodmann // *Procedia Computer Science*. 2014. Vol. 29. P. 2412—2421.
294. Regester M. Crisis management: How to turn a crisis into opportunity. – L. etc.: Hutchinson business, 1987.
295. Ross A., Chiasson M. Habermas and information systems research: New directions // *Information and Organization*. 2011. Vol. 21. P. 123.
296. Scheler M. Der Formalismus in der Ethik und die materiale Wertethik. Neuer Versuch der Grudlegung eines ethischen Personalismus // Max Scheler. *Gesammelte Werke*. Bd. 2. 6. durchges. Aufl., Hrsg. von Manfred S. Frings. Bern und Munchen: Francke Verlag. 1980. S. 515-529.
297. Thomas W., Znaniecki F. The Polish Peasant in Europe and America. Chicago, Ill.: The University of Chicago Press. 1918-1920. Vol.1. P. 20—121. URL: <http://christosocio.info/content/view/949/1/>.
298. Toynbee A. A. Study of History. 1972. 576 p.
299. Bell D. The cultural contradictions of capitalism. N.-Y., 1996. 363 p.
300. Walzer M. Politics and Passion. Toward a More Egalitarian Liberalism. – New Haven (Ct.), London, Yale Univ. Press, 2004. – p. 23.